

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Мировая политика и международная безопасность
перед вызовами нового национализма

2022 Том 24 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашир Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И. Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *А. Л. Оганесян*
Компьютерная верстка *И. А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 27.05.2022. Выход в свет 31.05.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ № 426. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

World Politics and International Security Facing New Nationalism

2022 VOLUME 24 No. 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and postgraduates students in the fields of political science and international relations.

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Arusyak L. Hovhannisyan*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Shein S. A. World Politics and International Security Facing New Nationalism: Introducing the Issue (**Шейн С. А.** Мировая политика и международная безопасность перед вызовами нового национализма: представляю номер) 183

БЕЗОПАСНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ ФАКТОР

Лебедева М. М. Гуманитарная и социальная составляющая международной безопасности 187

ВЫЗОВЫ ПОПУЛИЗМА И КОНСЕРВАТИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Шейн С. А., Аликин А. А. Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа 200

Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения 221

Прохоренко И. Л. Испанская праворадикальная партия «Вокс»: роль в формировании региональной повестки в Европейском союзе 234

Малашенкова А. А., Харитонов О. Г. Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях 247

Мещеряков Д. Ю. Основной электорат правопопулистских партий в Европе на примере «Альтернативы для Германии» и Австрийской партии свободы 268

Дец И.Я., Савенков Р. В. Два течения консервативного национализма в современной Польше: внешнеполитический аспект 279

Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики 291

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ: КОНФЛИКТНЫЙ И КОАЛИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Еремина Н. В. Этнорегиональные партии в Европарламенте: неочевидный потенциал политической субъектности 303

Belous Yu. A., Tarasov A. S. Coalition or Opposition? The Behaviour of Regionalist Parties in Multi-Level Competition: The Cases of the Basque Country and Scotland (**Белоус Ю.А., Тарасов А. С.** Коалиция или оппозиция? Поведение регионалистских партий в многоуровневой конкуренции на примере Страны Басков и Шотландии) 317

CONTENTS

Shein S. A. World Politics and International Security Facing New Nationalism:
Introducing the Issue..... 183

SECURITY IN A CHANGING WORLD: A SOCIO-HUMANITARIAN FACTOR

Lebedeva M. M. Humanitarian and Social Components of International Security..... 187

CHALLENGES OF POPULISM AND CONSERVATIVE NATIONALISM

Shein S. A., Alikin A. A. The Global Dimension of the “Populist Wave”:
Possibilities for Differentiated Analysis..... 200

Burmistrova E. S. Traditional Values in the Discourse
of the French Populist Radical Right: The Case of the National Rally 221

Prokhorenko I. L. Spanish Far-Right Party “Vox”: Its Role in Shaping
of the EU Regional Agenda 234

Malashenkova A. A., Kharitonova O. G. Populist Presidents and Civil Society
on Latin American Democracies..... 247

Meshcheryakov D. Yu. The Main Electorate of Right-Wing Populist Parties in Europe:
Cases of the Alternative for Germany and the Freedom Party of Austria 268

Diec J. A., Savenkov R. V. Two Trends of Conservative Nationalism
in Contemporary Poland: Foreign Policy Aspect..... 279

Avatkov V. A., Sbitneva A. I. New Nationalism of Turkish Republic 291

REGIONAL ETHNO-NATIONALISM: CONFLICT AND COALITION POTENTIAL

Eremina N. V. Ethno-Regional Parties in the European Parliament:
The Unevident Political Actor 303

Belous Yu. A., Tarasov A. S. Coalition or Opposition? The Behaviour of Regionalist
Parties in Multi-Level Competition: The Cases of the Basque Country and Scotland..... 317

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-183-186

Editorial article / Редакционная статья

World Politics and International Security Facing New Nationalism: Introducing the Issue

Sergey A. Shein

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 sshein@hse.ru

Abstract. The guest editor of this issue Sergey Shein, a recognized expert in European and British politics, conservative ideology, right-wing populism, and the role of traditional values, introduces the current issue of our journal and reflects on the stated topic — new nationalism — through the prism of approaches proposed at the 26th World Congress of the International Political Science Association. The editor defines the purpose of this issue as contributing to the scholarly discussion on the momentum of nationalist parties and movements in their various regional and national variations for world politics.

Keywords: new nationalism, regionalism, security, right, ultra-right, conservatism, ethno-nationalism

For citation: Shein, S. A. World politics and international security facing new nationalism: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*. 2022, 24(2), 183–186. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-183-186>

Мировая политика и международная безопасность перед вызовами нового национализма: представляю номер

С. А. Шейн

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

 sshein@hse.ru

Аннотация. Приглашенный редактор номера, признанный специалист в области европейской политики, консервативной идеологии, правого популизма, роли традиционных ценностей и британской политики, Сергей Шейн представляет номер и размышляет о заявленной

© Shein S. A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

тематике — новом национализме — сквозь призму подходов, предложенных в ходе 26-го Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки. Редактор определяет цель этого номера как вклад в научную дискуссию относительно изучения импульса партий и движений националистического толка в их различных региональных и национальных вариациях для мировой политики.

Ключевые слова: новый национализм, регионализм, безопасность, правые, ультраправые, консерватизм, этнонационализм

Для цитирования: *Shein S. A. World politics and international security facing new nationalism: Introducing the issue // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 183–186. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-183-186>*

The increasing aggressiveness of the international environment and the articulating voices of the “losers of globalization” at the national level have made nationalism and populism the key trends of modern political development. However, it’s more appropriate to use this term alongside the adjective “new”. The World Congress of the International Political Science Association, dedicated to this phenomenon, pointed out very accurately that this type of nationalism differs from its predecessors in that it strives for alienation, confinement and even isolation, and not the construction of new political communities. The new nationalism does not aim at acquiring rights, but rather calls for their limitation, their exclusivity, and their appropriation only by the original community of indigenous people.¹ The new nationalism does not seek to build the new, it seeks to preserve the old, but free from the context of globalization and economic interdependence.

In this regard, two functional aspects of the new nationalism gain significance — the general and the special for different countries and regions; and the impulse for world politics. These questions are important because, firstly, one of the most important features of the new nationalism is its contextual nature. Although nationalism and populism have become stable characteristics of political systems in a cross-regional perspective — from Latin America to Europe and Asia, their carriers can differ significantly depending on the political, institutional, social, economic, cultural, and historical characteristics of the environment in which they develop. Secondly, nationalists and populists are not limited in their struggle for the “people” within national borders but are increasingly striving to broadcast their programs and strategies to the outside world.

The second issue of the journal for 2022 suggests contributing to the scientific discussion regarding the study of the momentum of parties and nationalist movements in their various regional and national variations for world politics. It includes three thematic chapters: “Security in a Changing World: A Socio-Humanitarian Factor”, “Challenges of Populism and Conservative Nationalism”, “Regional Ethno-Nationalism: Conflict and Coalition Potential”.

¹ 26th IPSA World Congress of Political Science Theme. Retrieved from <https://www.ipsa.org/events/congress/virtual2021>

Marina Lebedeva from the MGIMO University considers the evolution of how social and humanitarian resources have been used in the field of international security from the Cold War to the present. The study shows that, in general, the social and humanitarian resource is becoming more diverse in its tools, as well as more and more important for resolving international security problems.

Sergey Shein and Artem Alikin from the HSE University open the second chapter of the volume. In their review article authors attempt to reveal if it is possible to make a differentiated analysis of the global dimension of populism by systematizing foreign and domestic studies. They correlated the theoretical and comparative developments of research on populism, on the one hand, and the relevant, traditional problem areas of the international relations theory.

After the conceptual introduction we offer an overview of European cases of populist discourses and strategies. *Elena Burmistrova from Perm University* analyses the transformation of the right-wing family agenda in the new social and political context, considers the case of the French National Rally, examining the speeches of party leaders, party programmes and media materials through discourse analysis. Based on concepts of political space and political identity as well as discourse-analysis, *Irina Prokhorenko from the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations* tries to comprehend the policy guidelines of the far-right Spanish party “Vox”, determines the place of the party in the political system and the media sphere of Spain, defines the role that “Vox” plays in shaping the regional agenda of the EU.

Dmitry Meshcheryakov from the MGIMO University analyzes the cases of the “Alternative for Germany” and the “Austrian Freedom Party” and tries to picture a right-wing populists’ “typical voter”, e.g., to define electoral support groups for such political parties based on the social, professional, and demographic characteristics. *Joachim Diec from the Jagiellonian University together with Roman Savenkov from Voronezh State University* focus on the foreign policy positions of the largest right-wing national populism movements in contemporary Poland. They analyze the program documents of right-wing populist groups, mainly the United Right camp, over the past twenty years, to highlight their key ideas and bullet points.

Switching from Europe to the the non-EU countries *Vladimir Avatkov and Alina Sbitneva from the INION Institute* dedicate their study to the Turkish-centric integration dictated by the “neo-Ottoman” foreign policy course. They argue a special kind of Turkish nationalism in the space of the so-called “Turkic world”.

Angelina Malashenkova and Oxana Kharitonova from the MGIMO University identify the factors leading to the electoral success of populist presidents in Latin American democracies on 13 national cases.

In the third chapter of the volume *Natalia Eremina from the Saint-Petersburg State University* aims to clarify if THE European ethno-regionalist parties influence the integration processes in Europe and argues that the Europeanization led to a strengthening ethno-regional movement in Europe. *Yulia Belous from the HSE University together with Andrei Tarasov from the University of Trento*,

closing the chapter and the issue, study the behavior of Scottish and Spanish regional political parties to find out why some of them join the coalition, while others choose not to.

Received / Поступила в редакцию: 14.02.2022

Accepted / Принята к публикации: 20.02.2022

About the author:

Sergey A. Shein — PhD in Political Science, Associate Professor at School of International Regional Studies, Research Fellow at Centre of Comprehensive European and International Studies of Higher School of Economics (e-mail: sshein@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9749-9116)

Сведения об авторе:

Шейн Сергей Александрович — кандидат политических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ (e-mail: sshein@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9749-9116)

БЕЗОПАСНОСТЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ ФАКТОР

SECURITY IN A CHANGING WORLD: A SOCIO-HUMANITARIAN FACTOR

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-187-199

Научная статья / Research article

Гуманитарная и социальная составляющая международной безопасности

М. М. Лебедева

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 mmlebedeva@gmail.com

Аннотация. Начиная со второй половины XX в. усиливается значение социально-гуманитарного ресурса. Особенно интенсивно этот процесс стал развиваться в XXI в., что нашло отражение в сфере международной безопасности. В исследовании проведен анализ, как, с помощью каких механизмов осуществляется воздействие социально-гуманитарного ресурса при решении или эскалации проблем международной безопасности. В статье концептуализируется понятие «гуманитаризация мировой политики» применительно к сфере безопасности, а также получают дальнейшее теоретическое развитие идеи представителей Копенгагенской школы в отношении к гуманитарным аспектам международной безопасности. При этом отмечено, что усиление включенности социально-гуманитарного ресурса в вопросы безопасности не означает снижение значимости военно-политических инструментов. Рассмотрены вопросы эволюции использования социально-гуманитарного ресурса в сфере международной безопасности с периода холодной войны по настоящее время. Показано, что в целом социально-гуманитарный ресурс становится все более разнообразным по своему инструментарию и все более значимым при решении вопросов международной безопасности. Отмечено, что в конфликтных ситуациях социально-гуманитарный ресурс используется, во-первых, для мирного урегулирования конфликтов, а во-вторых, с целью одержать победу. Наряду с конфликтными ситуациями проанализированы такие области применения социально-гуманитарного ресурса в сфере международной безопасности, как терроризм, миграция, биогенные угрозы, угрозы, связанные с изменением экологии и климата.

© Лебедева М. М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: социально-гуманитарный компонент, международная безопасность, Копенгагенская школа, секьюритизация гуманитарной сферы, гуманитарная интервенция, информационные войны, фейковые новости, урегулирование конфликтов, терроризм, биогенные угрозы, климатические угрозы

Для цитирования: *Лебедева М. М.* Гуманитарная и социальная составляющая международной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 187–199. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-187-199>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00004 «Социально-гуманитарная сфера мировой политики: тренды трансформаций».

Humanitarian and Social Components of International Security

Marina M. Lebedeva

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 mmlebedeva@gmail.com

Abstract. Since the second half of the XX century, the importance of social and humanitarian resources has been increasing. This process intensified in the XXI century, which is reflected in the sphere of international security. The study analyzes the mechanisms through which the social and humanitarian resources affect international security problems, solving or escalating them. If the Copenhagen School began to include the social and humanitarian phenomena in the security sphere, this research focuses on how social and humanitarian resources are used in the security sphere (including in the military field). At the same time, it claims that the growing involvement of social and humanitarian resources in security issues does not mean a decrease in the importance of military and political instruments. The author considers the evolution of the use of social and humanitarian resources in the field of international security from the Cold War period to the present. They show that, in general, the social and humanitarian resources are becoming more diverse in their tools, as well as more and more important in solving international security problems. They note that in conflict situations social and humanitarian resources are used in two ways: 1) for the peaceful settlement of conflicts and 2) in order to win. In addition to conflicts, social and humanitarian resources can also be applied to such areas of international security as terrorism, migration, biogenic threats, threats related.

Keywords: social and humanitarian components, international security, Copenhagen School, humanitarian intervention, fake news, information wars, conflict resolution, terrorism, biogenic threats, climate threats

For citation: Lebedeva, M. M. (2022). Humanitarian and social components of international security. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 187–199. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-187-199>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-014-00004 «Social and humanitarian spheres of world politics: trends of transformations».

Введение

Безопасность — традиционная область международных исследований. Войны и конфликты всегда сопровождались действиями и средствами, так или иначе относящимися к гуманитарной и социальной сфере. В традиционных обществах боевая раскраска воинов выполняла множество функций, в том числе была призвана для символического устрашения противника [Макаренко 2018], а также придания уверенности в собственных силах. В ходе дальнейшего исторического развития средства невоенного воздействия на противника совершенствовались. Однако до середины XX в. они во многом сводились к различным формам пропаганды, которая, тем не менее, могла быть весьма изощренной.

Начиная с середины XX в. после масштабных гуманитарных катастроф двух мировых войн проблематика безопасности стала особенно тесно переплетаться с гуманитарными вопросами. В принятом в 1945 г. Уставе ЮНЕСКО говорится, что «мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»¹. Одновременно пристальное внимание начали обращать на гуманитарную помощь, защиту женщин и детей в конфликтах и т. п. К концу XX в. проблема безопасности, связанная с гуманитарными и социальными вопросами, вышла на первый план, как в теоретических исследованиях, где значительный вклад был внесен представителями Копенгагенской школы, которые выделили отдельный уровень безопасности — социентальный уровень и включили в него аспекты, обусловленные миграцией, международной преступностью, бедностью на «глобальном Юге», опасностью вестернизации [Buzan, Waever, de Wilde 1998], так и в практическом плане. На гуманитарные проблемы безопасности особое внимание обратила ООН [Бокерия 2017]. В результате увеличилось количество резолюций Совета Безопасности ООН по социально-гуманитарным вопросам, а также расширился спектр обсуждаемых в этой области проблем [Лебедева, Устинова 2020]. Все эти аспекты нашли широкое отражение в научных работах, в том числе российских авторов [см., напр., Капто, 2016; Сергунин 2005]. Вместе с тем здесь, как и в других областях международных исследований, сегодня появляются новые ракурсы, особенно связанные с обострением в сфере европейской безопасности.

Цель и теоретическая основа исследования

Целью данного исследования является анализ того, как, с помощью каких механизмов осуществляется воздействие социально-гуманитарного ресурса при решении или эскалации проблем международной безопасности. Если представители Копенгагенской школы обратили внимание на то, что явления, которые относятся к социальной и гуманитарной областям, стали включаться в сферу безопасности [Waever 1995], то в данном случае в исследовательском фокусе оказываются вопросы того, как в сфере безопасности (в том числе и в военной области) используется социально-гуманитарный ресурс.

¹ Устав ЮНЕСКО. URL: http://unesco.ru/wp-content/uploads/add/unesco_constitution_ru.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

В качестве гипотезы выступает предположение, что оказание социального и гуманитарного влияния в сфере международной безопасности, во-первых, становится все более значимым. Во-вторых, по мере развития, во второй половине XX — начале XXI в. социально-гуманитарное воздействие на противника/противников в сфере безопасности усложняется. Следует подчеркнуть, что гуманитарное воздействие в ситуациях конфликтов и войн может быть как проявлением гуманности (например, оказание гуманитарной помощи гражданским лицам в конфликте), так и применением социальных и гуманитарных средств в целях борьбы (например, использование фейков).

Социально-гуманитарная сфера в данном случае понимается широко и включает существующую политическую организацию мира с ее принципами, институтами, характером взаимодействия акторов и т. п., т. е. это фактически социально-политическая организация мира, которая в настоящее время находится в процессе кардинальной трансформации [Лебедева 2016]. Такая трансформация сама по себе создает угрозу международной безопасности, поскольку ломаются прежние структуры и механизмы. При этом на изменяющуюся политическую организацию мира воздействуют различные акторы, которые в том числе используют социально-гуманитарный ресурс для оказания воздействия в сфере безопасности. Несмотря на то, что традиционно в международных отношениях обычно речь идет о гуманитарном ресурсе, представляется важным говорить именно о социально-гуманитарном ресурсе, поскольку гуманитарный ресурс всегда направлен на те или иные социальные группы.

Теоретическую основу исследования составили идеи секьюритизации, разработанные Копенгагенской школой. Основным методом в работе выступил дискурс-анализ.

Социально-гуманитарная составляющая мировой политики

Усиление социально-гуманитарного ресурса в мировой политике во второй половине XX в. — начале XXI в. обусловлено несколькими причинами. Во-первых, появление ядерного оружия и осознание последствий его возможного применения привело к поиску возможностей усиления альтернативных средств воздействия, в том числе из социально-гуманитарной области. Во-вторых, развитие глобализационных процессов сделало мир взаимозависимым. Социальные и гуманитарные проблемы развивающихся стран стали значимыми для всего мира. Это явление распространяется на все сферы, в частности на вопросы безопасности. В-третьих, в мире в целом резко возросла роль человеческого фактора и, как следствие, произошла гуманитаризации мировой политики, т. е. проникновение социально-гуманитарного фактора во все сферы человеческой деятельности [Лебедева 2021]. Наконец, развитие коммуникационных и информационных технологий поставило новые задачи в области оказания влияния, которые явно не ограничивались совершенствованием пропаганды.

Не стала исключением для происходящих изменений и сфера безопасности. При этом в связи с «прозрачностью» национальных границ начала значительно размываться грань между национальной и международной безопасностью. Внутригосударственные конфликты и войны все чаще стали интернационализироваться. Такое «стирание» границ наблюдается четко, например, в контексте вопросов миграции и безопасности (см., напр.: [Рязанцев 2003]).

В сфере безопасности при усилении внимания к социально-гуманитарному воздействию во второй половине XX в. расширился спектр инструментов такого воздействия. В частности, начиная со второй половины интенсивно развиваются различные технологии, направленные на предотвращение войн и урегулирование конфликтов. Речь, прежде всего, идет о различных переговорных и посреднических процедурах, в которые вовлечены дипломаты и политики. Эти средства получили широкое освещение и анализ в литературе 1970–1980-х гг. (см., напр.: [Raiffa 1982; Fisher, Ury 1981; Druckman 1973]). Одновременно с официальными процедурами развивались технологии и форматы, связанные с вовлечением академического сообщества в анализ и предотвращение войн, а также урегулирование конфликтов. Это Пагуошское движение, в рамках которого проводились дискуссии ученых относительно путей предотвращения ядерной войны; Дартмутские встречи представителей советской и американской интеллигенции для обсуждения различных вопросов, в том числе вопросов разоруженческой проблематики; заседания Римского клуба, на одном из которых в докладе П. Бергера была поставлена проблема морали и идентичности в конфликтах в плюралистических обществах [The Limits to Social Cohesion...1998]. В период холодной войны получают также развитие так называемые академические семинары, организованные профессорами ведущих университетов США, Великобритании для конфликтующих сторон (в частности, по урегулированию конфликтов на Кипре, Ближнем Востоке и др.) с целью поиска взаимоприемлемого решения (см., напр.: [Burton 1969]).

Развитие гуманитарных и социальных средств воздействия в сфере безопасности в конце XX–XXI в.

В конце XX в. в результате интенсивного проникновения социально-гуманитарного фактора в сферу безопасности появляются новые феномены и усиливаются или возрождаются старые. Под влиянием происходящих политических изменений в мире западными странами начинает интенсивно реализовываться идея гуманитарной интервенции, когда гуманитарные вопросы становились основанием или часто поводом вовлечения в конфликт внешних участников военными средствами. Одним из наиболее очевидных примеров гуманитарной интервенции стали бомбардировки Союзной Республики Югославии силами НАТО в 1999 г. Практика гуманитарной интервенции вызвала критику как исследователей (см., напр.: [Hehir 2008, Худайкулова 2002]), так и политиков. В 2001 г. Международной комиссией по вопросам

вмешательства и государственного суверенитета был подготовлен доклад в ООН, в котором предлагается отказаться от военных методов воздействия на конфликт и сконцентрировать внимание на невоенных методах защиты населения в конфликтах². В докладе ООН тем самым четко прослеживается ориентация именно на социально-гуманитарную составляющую для оказания влияния на конфликтующие стороны.

Парадоксально, но с окончанием холодной войны внимание к переговорным и посредническим технологиям снизилось, в частности, уменьшилось число соответствующих исследований, так же как и само число переговоров, что особенно явно видно в военно-политической сфере. В период конца 1980–1990-х гг. снижение внимания к переговорам можно отчасти объяснить иллюзией «конца истории» в связи с «победой демократии во всем мире» и, соответственно, исходя из теории демократического мира, предположением об отсутствии необходимости согласования интересов. Впрочем, такое предположение, если оно и было, является в корне ошибочным, так как демократия и демократизация предполагают прежде всего увязки интересов путем переговоров [Сергеев 1999].

Невнимание к технологиям согласования международных интересов в XXI в. сложнее поддается объяснению. В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что, поскольку переговоры требуют «игры по правилам», в условиях меняющегося мира, когда эрозии подвержена Вестфальская система, одновременно трансформируется система межгосударственных отношений, а также политические системы многих стран [Лебедева 2016], переговоры для обеспечения международной безопасности оказываются мало востребованными. При хаотизации основ международно-политической организации мира имплементация договоренностей становится под вопросом.

Как отмечает Дж. Най «...на протяжении веков, по мере развития технологий, источники силы для войны часто менялись» [Нье 2021: 196]. Особенно очевидно это стало в XXI в., когда социально-гуманитарный ресурс фактически трансформировал войны. Этот ресурс в настоящее время используется двояко. С одной стороны, гуманитарная помощь с преимущественной ориентацией на наименее защищенные слои населения в конфликтах и войнах осуществляется в значительных масштабах с участием государств, международных организаций, негосударственных акторов. Имеется обширная отечественная и зарубежная литература по проблемам гуманитарной помощи, ее становлению и развитию [Борисов 2017].

С другой стороны, социально-гуманитарный ресурс теперь выступает как источник силы. В результате появились новые типы войн — гибридные войны, предполагающие использование различных средств воздействия на противника [Белозёров, Соловьев 2015], а также информационные войны, которые могут

² *Искендеров П.* Гуманитарные интервенции в контексте геополитики. 26 октября 2012 г. // Сайт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnye-interventsii-v-kontekste-geopolitiki/> (дата обращения: 14.11.2021).

рассматриваться как составная часть гибридной войны. Эти войны по определению включают в себя в широком смысле социально-гуманитарное воздействие. Одним из методов ведения информационных войн является создание фейков, т. е. сознательное использование ложной информации [Gelfert 2018]. В результате анализа активного использования социально-гуманитарного ресурса в противостоянии сторон А. И. Подберёзкин и А. В. Жуков приходят к выводу, что информационное воздействие в современном мире позволяет решать вопросы, которые ранее решались военными, экономическими и другими средствами [Подберёзкин, Жуков 2015].

Информационное воздействие может носить не прямой характер, а опосредованный, когда воздействие осуществляется третьей стороной. Например, информация, в которой заинтересовано государство, передается негосударственным фактором. При этом речь может идти не только о передаче информации, но и формировании имиджа. Так, государство может прибегать к использованию частных военных компаний (ЧВК) в целях снижения собственных имиджевых потерь.

Проблема информационной безопасности — отдельная большая область практики и исследований. В данном случае важно отметить следующее. Во-первых, информационные и коммуникационные технологии сами по себе, безусловно, представляют значительную часть социально-гуманитарного воздействия. Во-вторых, информация наиболее свободно проникает через национальные границы, что создает проблемы в области как международной, так и национальной безопасности. В-третьих, информационное воздействие в сфере безопасности используют как государственные, так и негосударственные структуры. В ряде случаев это составляет особые сложности в определении того, кто реально инициирует и/или осуществляет воздействие.

В последние годы наряду с информационными и коммуникационными технологиями начинают активно развиваться и другие технологии, такие как когнитивные, анализ больших данных, искусственный интеллект. Пока сложно детально ответить на вопрос, как конкретно, в каких формах и объемах эти технологии будут включаться в сферу международной безопасности, хотя исследования в этой области появляются [Dafoe 2019; Horowitz, Scharre 2021; Engelke 2020]. Однако очевидно, что это еще один источник социально-гуманитарного ресурса в сфере безопасности.

Терроризм — следующая область безопасности, где социально-гуманитарный ресурс становится специфическим оружием. Б. Хоффман, проследившая историю развития современного международного терроризма от «Аль-Каиды» до Исламского государства³, показывает, как террористические организации все больше внимания уделяют таким средствам воздействия, как использование Интернета, видеороликов, социальных сетей для воздействия на общественное мнение и рекрутирования в свои ряды новых сторонников [Hoffman 2017]. При этом террористы весьма эффективно

³ «Аль-Каида» и Исламское государство (ИГИЛ) запрещены на территории РФ.

используют сочетания традиционных и новых технологий воздействия на аудиторию [Стышинский 2016]. Почему это происходит? Очевидно, что и в военном, и в экономическом отношениях современные террористические организации несравнимо слабее ведущих государств мира. Поэтому ставка ими делается именно на социально-гуманитарный компонент. К тому же распад биполярной системы с ее противостоянием в идеологической сфере и соответствующей идентификацией породил вакуум. Этим воспользовались террористические организации, предлагая альтернативы социальной организации [Малашенко 2006].

В данных условиях очевидно, что борьба с терроризмом не может ограничиваться лишь наличием военных и экономических средств. Социально-гуманитарная составляющая становится одними из ведущих в борьбе с терроризмом. Проблема заключается в том, что за 20 с лишним лет борьбы с международным терроризмом международное сообщество, безусловно, нанесло значительный урон организационным структурам «Аль-Каиды» и Исламского государства⁴, однако мало что противопоставило в идейном плане. В результате организационные структуры террористов могут возрождаться на других территориях и под другими названиями, но с прежними установками и методами влияния.

Значимость социально-гуманитарной составляющей в современных проблемах безопасности находит отражение в документах, материалах и организационных структурах, в частности, военно-политических организаций. Так, НАТО в 2014 г. создала Центр стратегической коммуникации (Strategic Communications Centre of Excellence NATO StratCom COE), цель которого заключается в координации деятельности НАТО в области коммуникации. В программных документах организации называются такие средства коммуникации, как публичная дипломатия (коммуникация с гражданским населением для понимания деятельности НАТО и поддержки этой деятельности), военные аспекты связи с общественностью (использование средств массовой информации для информирования общественности о политике, операциях и деятельности НАТО), информационные операции (проведение военных консультаций НАТО и координация деятельности членов Альянса в области военной информации, психологические операции (проведение психологических операций с использованием средств коммуникации)⁵.

Однако описанные средства, несмотря на различия в названиях, фактически сводятся к пропаганде, т. е. навязыванию своих мнений, позиций и т. п. Подобным воздействием, если и можно получить эффект, то только краткосрочный. При этом террористические организации при воздействии на внешнюю аудиторию как раз активно используют социально-гуманитарный ресурс не в виде пропаганды, а в варианте «мягкой силы», предполагающей в отличие от пропа-

⁴ Террористические организации «Аль-Каида» и Исламское государство запрещены в России.

⁵ NATO StratCom COE URL: <https://stratcomcoe.org/> (accessed: 14.11.2021).

ганды долгосрочное взаимодействие, отказ от манипулирования и принуждения, акцент на привлекательность для партнера. Дж. Най пишет, что Усама бин Ладен не принуждал пилотов, устроивших террористические атаки 9 сентября 2001 г., и не платил им, а привлек их своей экстремистской идеологией [Nye 2021]. Данный пример показывает, что «мягкая сила» может использоваться также для негативного воздействия на международную безопасность.

Социально-гуманитарный ресурс с не меньшей очевидностью проявляется в сфере «мягкой безопасности», т. е. сфере невоенных угроз. Так, связь проблемы миграции и безопасности в мировой политике стала особенно интенсивно обсуждаться в конце XX в., в том числе в связи с развитием процессов интеграции и глобализации и, как следствие, — увеличением притока трудовой миграции, часть из которой в развитых странах составляла нелегальная миграция. Миграция, во-первых, будучи обусловлена в том числе социальными и гуманитарными факторами, влияет на различные аспекты безопасности: экономические [Рязанцев, Дудин, Хоконов 2016], социальные [Ткачёва 2011] и др. Как писал Д. Биго еще до миграционного кризиса в Европе, вопросы безопасности должны решаться не только средствами миграционного контроля, но вместе с тем включать результаты исследований академического сообщества, а также предусматривать ответственность ученых за свои результаты [Bigo 2001]. Иными словами, речь идет о включении гуманитарно-социальной составляющей при разработке мер миграционного контроля в целях обеспечения безопасности.

Во-вторых, сама проблематика миграции порождает целый ряд социальных и гуманитарных проблем, что стало особенно очевидным в XXI в. в связи с миграцией в Европу из стран Ближнего Востока и севера Африки [Глухова 2018]. Миграция способствует подъему идентичности и дроблению обществ на более мелкие группы с разными нормами культуры и традициями, что воспринимается нередко как угроза [Казаринова 2019]. Резкий уход США из Афганистана вызвал еще одну волну беженцев, но теперь в значительной степени в страны Центральной Азии, где наряду с собственно социальными и гуманитарными проблемами миграции в сфере безопасности возникает другая проблема, пожалуй, более острая — опасность распространения радикальной идеологии терроризма.

Охватившая мир в начале 2020 г. пандемия COVID-19 четко продемонстрировала важность социальных и гуманитарных ресурсов при биогенных угрозах. Пандемия коронавируса разразилась внезапно. В результате мир столкнулся с целым спектром проблем социального и гуманитарного характера.

Во-первых, ряд исследователей отметили, что международные организации оказались не готовы к быстрым и адекватным ответам. Такие упреки прозвучали в адрес Группы-20, которая нуждается в более внимательном отношении к вопросам здравоохранения, биологического разнообразия и изменения климата [Киртон 2020]. А. Кортунув прямо пишет, что «по мере ухудшения глобальной эпидемиологической обстановки становилось все более ясным, что роль эффективного глобального штаба по борьбе с пандемией не готовы

взять на себя ни Совет Безопасности ООН, ни Группа двадцати. Внутри таких объединений, как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, с самых первых недель пандемии выявились различные, подчас — существенно расходящиеся национальные стратегии противостояния коронавирусу»⁶. Иными словами, в условиях биогенной угрозы существующие структуры глобального управления, по крайней мере на начальных этапах, оказались не готовы действовать слаженно. Тем самым система (т. е. социально-политическая организация мира) обеспечения международной безопасности в условиях кризиса продемонстрировала недостаточную эффективность.

Во-вторых, пандемия обострила целый ряд вопросов в области безопасности, в частности необходимости соблюдения гуманитарного права. Особенно это касается доступности медицинской помощи и средств защиты в условиях конфликта, отказа от политизации пандемии, ведущей к осложнению международных отношений и других вопросов⁷.

В связи с пандемией COVID-19 Дж. Най заметил, что военными ресурсами невозможно решить проблемы изменения климата или пандемий, но при этом проблемам финансирования здравоохранения в мире уделяется непропорционально мало внимания. И это несмотря на то, что «вирус COVID 19 убил больше американцев, чем во всех наших войнах (в войнах США. — М. Л.) с 1945 г., а пандемия гриппа 1918 г. унесла больше жизней, чем за все четыре года Первой мировой войны» [Nye 2021].

Наконец, еще один важный аспект проявления гуманитарно-социальной составляющей в проблематике безопасности. Проблемы экологии, изменения климата давно обсуждаются в рамках международной безопасности. В 2015 г. были разработаны и приняты ГА ООН 17 Целей устойчивого развития (ЦУР)⁸, которые включили в себя наряду с экологией социальные вопросы. Тем самым проблемы безопасности оказываются непосредственно связанными не только с экологическими, но и социальными и управленческими аспектами. На уровне бизнеса разработали ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление компаний), представляющее собой конкретные принципы и меры реализации ЦУР. Вероятно, что подобные принципы и меры, охватывающие три сферы — экологическую, социальную, управленческую, будут разработаны на глобальном уровне не только для бизнеса, а их нарушение будет означать угрозу международной и национальной безопасности.

⁶ Кортунов А. Кризис миропорядка и будущее глобализации. РСМД. 27.08.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii/> (дата обращения: 14.11.2021).

⁷ Криворотов А., Коул Дж., Доддс К. Пандемия коронавируса: глобальные проблемы требуют глобального взаимодействия // РСМД. 12 марта 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pandemiya-koronavirusa-globalnye-problemy-trebuyut-globalnogo-vzaimodeystviya/> (дата обращения: 14.11.2021).

⁸ Цели устойчивого развития. ЮНИДО. URL: <http://www.unido.ru/overview/mdg/> (дата обращения: 14.11.2021).

Заключение

Мир в последние десятилетия меняется кардинальным образом. Традиционные военные ресурсы обеспечения безопасности и даже относительно новые ресурсы, такие как экономические и энергетические, сегодня оказываются важными, но недостаточными. Социальные и гуманитарные средства воздействия все интенсивнее проникают в сферу безопасности как в целях снижения уровня напряженности, так и с тем, чтобы одержать победу. Разумеется, усиление включенности социально-гуманитарного ресурса в вопросы безопасности не означает снижение значимости военно-политических инструментов. Речь идет о диверсификации средств воздействия в сфере безопасности и усилении социально-гуманитарного ресурса за счет использования различных средств, начиная с усиленного внимания к переговорам, посредническим процедурам и заканчивая применением фейков и экстремистской идеологии по сравнению с тем, как этот ресурс использовался ранее. Представляется, что данная тенденция продолжится и усилится в будущем. При этом будут появляться новые сферы, которые ранее были на периферии внимания, такие как, например, биогенные угрозы, искусственный интеллект, и в которые с очевидностью будут включаться социально-гуманитарные ресурсы и инструменты воздействия.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Белозёров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть*. 2015. Т. 23. № 9. С. 5–11.
- Бокерия С. М. Концепция личной безопасности в практике ООН // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 312–324. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324>
- Большаков Г. А., Явдоицук И. Б. Проблема мигрантов — реальная угроза безопасности, или Поле для политических спекуляций? // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2013. № 1 (2). С. 198–215.
- Борисов А. В. Гуманитарная помощь: к вопросу о принципах // *Власть*. 2017. Т. 25. № 6. С. 68–74.
- Глухова А. В. Миграционный фактор в политических процессах современной Европы (конфликтный потенциал и новые стратегии общественной интеграции) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2018. Т. 14. № 4. С. 4–24.
- Казаринова Д. Б. Мегатренды: век миграции // *Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке* / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 223–251.
- Капто А. С. Гуманитарные аспекты безопасности // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 2. С. 170–182.
- Киртон Дж. Последствия глобализации для управления «Группы двадцати» // *Вестник международных организаций*. 2020. № 2. С. 24–54. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-02>

- Лебедева М. М.* Гуманитаризация мировой политики // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 76–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06>
- Лебедева М. М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО — университета. 2016. № 2. С. 125–133. <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518>
- Лебедева М. М., Устинова М. И.* Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 135–154. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-06>
- Макаренко А. А.* Анализ информационно-психологического воздействия в военном деле // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 62–68.
- Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006.
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В.* Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 106–106.
- Рязанцев С. В.* Миграционные тренды и международная безопасность // Международные процессы 2003. Т. 1. № 3. С. 30–43.
- Рязанцев С. В., Дудин М. Н., Хоконов А. А.* Миграционные процессы «Восток-Запад» в контексте европейской системы экономической безопасности // Мир (модернизация, инновация, развитие). 2016. № 16 (28). С. 8–18.
- Сергеев В. М.* Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999. 147 с.
- Сергунин А. А.* Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. Политические исследования. 2005. № 6. С. 126–137.
- Стьишинский М.* Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 158–164.
- Ткачёва Н. А.* Влияние миграции на социальную безопасность региона // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 31–34.
- Худайкулова А. В.* Гуманитарное вмешательство как новый вид современной миротворческой практики. Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7–47.
- Bigo D.* Migration and security. *Migration and Security. Controlling a New Migration World* / ed. by V. Guiraudon and C. Joppke. London: Routledge, 2001. P. 121–149. URL: https://www.academia.edu/3102809/Migration_and_security
- Burton J.* Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations. London: Alden Press, 1969.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner, 1998.
- Dafoe A.* Global politics and the governance of artificial intelligence // *Journal of International Affairs*, 2019. Vol. 72, no. 1. P. 121–126.
- Druckman D.* Human Factors in International Negotiations. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Engelke P.* AI, Society, and Governance: An Introduction. Atlantic Council. 2020. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep29327> (accessed: 14.11.2021).
- Fisher R., Ury W.* Getting to Yes: Negotiation Agreement Without Giving In. Boston: Houghton Mifflin, 1981.
- Gelfert A.* Fake News: A Definition // *Informal Logic*. 2018. V. 38, № 1. P. 84–117. <https://doi.org/10.22329/il.v38i1.5068>
- Hehir A.* Humanitarian Intervention after Kosovo: Iraq, Darfur and the Record of Global Civil Society. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- Hoffman B.* Inside Terrorism. 3rd. ed. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2017.

- Horowitz M. C., Scharre P.* Military Uses of AI: A Risk to International Stability? // *AI and International Stability: Risks and Confidence-Building Measures Center for a New American Security*. 2021. P. 5–10.
- Nye J.* Soft Power: The evolution of a Concept // *Journal of Political Power* 2021. Vol. 14, no. 1. P. 196–208. URL: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
- Raiffa H.* *The Art and Science of Negotiation*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982.
- The Limits to Social Cohesion: Conflict and Mediation in Pluralist Societies: a report of the Bertelsmann Foundation to the Club of Rome* / ed. by P. Berger. 1998. Washington, DC: Bertelsmann Foundation Publisher.
- Waever O.* *Securitization and Desecuritization / On Security* / ed. by Ronnie D. Lipschutz. N. Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

Сведения об авторе:

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: mmlebedeva@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-4162-0807)

ВЫЗОВЫ ПОПУЛИЗМА И КОНСЕРВАТИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

CHALLENGES OF POPULISM AND CONSERVATIVE NATIONALISM

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-200-220

Научная статья / Research article

Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа

С. А. Шеин , А. А. Аликин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

 sshein@hse.ru

Аннотация. В обзорной статье раскрыты возможности дифференцированного анализа глобального измерения популизма путем систематизации зарубежных (главным образом) и отечественных исследований. Это позволило соотнести теоретические и компаративистские разработки исследований популизма, с одной стороны, и актуальные, традиционные проблемные области науки о международных отношениях — с другой. Данный подход способен продемонстрировать как уже представленные в литературе, так и потенциальные возможности для дифференцированного анализа глобальных аспектов популизма. Научная новизна заявленной статьи заключается в определении возможностей существующего академического поля для анализа внешнеполитических эффектов популизма. В результате исследования сделан вывод о том, что внешнеполитические позиции и политические курсы популистов являются производной от внутренней политики и их противостояния традиционным элитам. Структурное давление (давление международной среды) и принятие правил игры после прихода к власти, даже при сохранении антиэлитистского дискурса, делает попытки типологизации и классификации внешнеполитических позиций популистов крайне сложными и зачастую непродуктивными.

Ключевые слова: популизм, мировая политика, международные отношения, внешняя политика, мировой порядок, евроинтеграция

Для цитирования: Шеин С. А., Аликин А. А. Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 200–220. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-200-220>

© Шеин С. А., Аликин А. А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-114-50051 «Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа».

The Global Dimension of the “Populist Wave”: Possibilities for Differentiated Analysis

Sergey A. Shein , Artem A. Alikin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 sshein@hse.ru

Abstract. The article attempts to reveal if it is possible to make a differentiated analysis of the global dimension of populism by systematizing foreign (mainly) and domestic studies. This allowed us to correlate the theoretical and comparative developments of research on populism, on the one hand, and the relevant, traditional problem areas of the international relations theory. This approach helped us to demonstrate both the existing and potential possibilities for a differentiated analysis of the global aspects of populism. The scientific novelty of the article lies in determining the possibilities of the academic field for the analysis of the foreign policy effects of populism. As a result of the study, the author concluded that the foreign policy positions and policies of populists derive from domestic politics and their opposition to traditional elites. Structural pressure (pressure of the international environment) and the adoption of the rules of the game after coming to power, even if the anti-elite discourse is maintained, make attempts to typify and classify populist foreign policy positions extremely complex and often unproductive.

Keywords: populism, world politics, international relations, foreign policy, world order, European integration

For citation: Shein, S. A., & Alikin, A. A. (2022). The global dimension of the “populist wave”: Possibilities for differentiated analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 200–220. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-200-220>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-114-50051.

Введение

«Популистская волна», как назвал ее политолог К. Мюдде, прокатившаяся по США и Европе [Mudde 2014], превратила популизм в одну из важнейших тем в современных академических дискуссиях. При этом наряду с массивом работ о внутриполитических эффектах популизма и специфике его национальных вариаций интернациональные и транснациональные аспекты «популистской волны» получают непропорционально меньшее освещение в академической науке. Хотя, как указывает исследователь А. Крисогелос, популизм больше не представляет собой изолированный во внутренней политике феномен, а популистские акторы могут влиять на внешнюю политику, даже если не находятся у власти [Chryssogelos 2017]. Для популистов внешняя политика

является продолжением внутренней¹, выступая производной от параметров и динамики партийной конкуренции на национальном уровне. По мере мейнстримизации популизм продолжает стирать грань между внутренней и внешней политикой.

Как показывает Л. Лэпхэм, наука о международных отношениях до избрания Д. Трампа президентом США в целом устранилась от изучения популистской проблематики [Larhem 2020]. Вместе с тем и большинство работ, появившихся после избрания Трампа, страдают от двух недостатков. Во-первых, согласно выводам А. Криссогелоса, это фокусирование на влиянии отдельных национальных лидеров без учета теоретических наработок политологов-компаративистов, изучающих феномен популизма [2017]. Во-вторых, по словам таких авторов, как К. Роз и Д. Овен, в академических исследованиях преобладает изолированное рассмотрение национальных кейсов [Rose, Oven 2017]. Можно согласиться, что характеристики популистского феномена в значительной степени зависят от национального контекста, однако для формирования полноценной исследовательской панорамы требуются системный взгляд на проявления популистского феномена в международных отношениях, фиксация различных подходов к определению популизма, а также тех ограничений для трансляции его эффектов, которые были заложены природой этого явления.

В свете вышесказанного ценно замечание А. Стенгеля и Д. Макдональда, что пренебрежение дифференцированным анализом интер- и транснациональных аспектов популистской волны является проблемой для академического знания, поскольку не позволяет систематизировать и обобщить эффекты популизма как для внешней политики национальных государств, так и мировой политики в целом [Stengel, Macdonald 2020]. Иначе, апеллируя к идеям А. Ю. Мельвиля, такая ситуация не позволяет преодолеть «дисциплинарную автаркию» сравнительной политологии и мировой политики [Мельвиль, 2004]. В этой связи выглядит продуктивным с исследовательской точки зрения «вывести» популизм из объекта изучения первой — в сферу общего междисциплинарного интереса ввиду многоаспектности и растущей актуальности самого феномена.

Цель указанной статьи — систематизировать существующие исследования относительно преломлений популизма (как внутривнутриполитического феномена) в мировой политике и международных отношениях с использованием дифференцированного анализа. В нашем обзоре мы сосредоточимся на узловых для научной дискуссии вопросах: как исследователи понимают влияние популизма на сферу внешней политики в его левой и правой вариациях; в его западных и «незападных» вариантах? Как он преломляется в различных «проблемных зонах» мировой политики? В чем заключаются ограничения и барьеры для изучения глобального популизма в плоскости международных

¹ Cadier D. How Populism Spills Over Into Foreign Policy // Carnegie Europe. 2019. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78102> (accessed: 03.08.2021).

отношений и мировой политики? Поставленные вопросы требуют классифицировать существующие исследования на два основных блока:

- 1) влияние популизма на сферу внешней политики национальных государств;
- 2) влияние популизма на параметры и динамику существующего мирового порядка.

Определяя популизм

Многообразие феномена популизма в его национальной и исторической перспективе предполагает различные теоретические подходы для его анализа. Среди трех наиболее часто используемых среди политологов-компаративистов подходов — популизм как идеология [Mudde 2004, Stanley 2008], дискурс [Laclau 2005] или политическая стратегия [Weyland 2001], именно идейный или идеологический подход, как правило, наиболее часто используется в исследованиях европейского партийного популизма [March 2017: 284]. Популизм как «тонкоцентрированная» [Mudde 2004; Stanley 2008] или фрагментарная [Мусихин 2009] идеология рассматривает общество как разделенное на две гомогенные и антагонистические группы: «чистый народ» и «коррупцированная элита» [Mudde 2004]. Концептуально ядро популизма не ограничивается тезисом о существовании двух гомогенных единиц анализа: «народа» и «элиты», но предполагает идею народного суверенитета, с помощью которой деконструируется нормативный принцип, согласно которому «воля народа», исходя из ее позитивной оценки, может быть артикулирована и должна иметь приоритет над предпочтениями элиты [Stanley 2008].

Идеологический подход является преобладающим в исследованиях как внутриполитических импликаций популистских акторов для европейских партийно-политических систем и политических курсов правительств, так и в области их внешнеполитических подходов. Концептуальные черты популизма, выделяемые в рамках этого подхода: антиэлитизм, антиплюрализм, евроскептицизм, — позволяют идентифицировать носителей идеологии в партийно-политических системах стран — членов ЕС на основе анализа их программных установок. Это позволяет избежать «размывания» объекта исследования как при использовании дискурсивного подхода, поскольку многие политики мейнстрима селективно используют популистский язык в зависимости от целевой аудитории и более широкого социального контекста², как это было в случае, например, Лейбористской партии Великобритании при лидерстве Д. Корбина (см. [Vale 2019]).

Стратегический (или политико-стратегический) подход к пониманию популизма в европейском контексте еще в меньшей степени позволяет «подсветить» внешнеполитическое измерение функционирования популистских акторов ввиду фокуса на коммуникации лидера с его последователями в рамках популистской партии или движения [Weyland 2011]. Это «оставляет за бортом» процесс поли-

² Balfour R., Emmanouilidis J., Grabbe H. Europe's troublemakers. The populist challenge to foreign policy // European Policy Centre. 2016. URL: https://www.epc.eu/content/PDF/2016/Europe_s_troublemakers_complete_book.pdf (accessed: 01.08.2021).

тизации евроинтеграции и связанных с ним вопросов, что используется популистами из стран — членов ЕС в качестве ресурса. Если левые популисты Южной Америки традиционно рассматриваются сквозь призму политико-стратегического подхода [Barr 2018], то популисты стран — членов ЕС, будучи «агентами политизации» евроинтеграции, требуют иного подхода, что находит выражение в существующих исследованиях.

Отличия левопопулистских и правопопулистских партий обусловлены идеологиями, на идейном поле которых популисты «паразитируют»: социализмом в случае левого популизма, консерватизмом [Шейн 2020] и национализмом [Mudde 2016] в случае правого. Разница между популизмом левой и правой окраски в первую очередь заключается в том, как определяется «простой народ» [Verbeek, Zaslove 2015]. Если для правого популизма характерна стигматизация социальных групп (мигрантов, цыган, мусульман и т. д.), этнически или культурно отличающихся от «молчаливого большинства», то левая вариация популизма носит более включающий характер, интегрируя в понятие «народа» те социальные группы, которые оказываются маргинализированы неолиберальным экономическим курсом европейских правительств. В случае правых работает модель двухуровневого врага «народа» (элиты по вертикали, мигранты — по горизонтали) [Тэвдой-Бурмули 2018]. Левый же популизм не ограничивает понятие «народа» территориальными рамками, делая его транснациональным. В случае левого популизма антиимпериализм (как ярко показал случай греческой Сиризы) или антиколониальный регионализм [Mudde, Kaltwasser 2012] обосновывает свой акцент на социально-экономической инклюзивности и плебсцитаризме [Mudde, Kaltwasser 2012], в то время как правый сосредоточен на вопросах этнической идентичности. Нативизм правых популистов подкрепляет эксклюзивность их трактовки «народа» и акцент на национализме в этническом понимании.

Типологические отличия левого и правого популизма проецируются и на его внешнеполитические ориентации. И левые, и правые популисты продвигают дихотомию «народ — элиты» и нелиберальную и плебсцитарную демократию, однако правые проявляют меньшую вовлеченность в работу международных институтов, расставляют иные акценты в работе по решению глобальных проблем: от игнорирования до более точечных подходов, в то время как левые популисты демонстрируют большую обеспокоенность, в частности, проблемами «Глобального Юга». Указанная общая характеристика на уровне политического курса наиболее полно раскрывается при анализе конкретных национальных кейсов.

Исследования кейсов влияния популизма на внешнюю политику

Несмотря на то, что в науке о международных отношениях резкий всплеск работ о популизме и его эффектах для внешней политики стал наблюдаться после свершившегося в 2016 году выхода Великобритании из ЕС и избрания Д. Трампа президентом США, эпизодический интерес к теме был зафиксирован в научной дискуссии и ранее. Так, одним из пионеров стал А. Крисогеллос,

который в 2010 г. (когда термин популизм еще не был так часто употребляем применительно к европейскому контексту) определил общий популистский профиль во внешней политике, охватывающий правую и левую вариацию этого явления. Он включал трансатлантические отношения, восприятие России, глобальное управление (международные институты, международная помощь, миграция и т. д.). Выводы исследователя в целом совпадают с выводами К. Лян о том, что популистов различной окраски в значительной степени объединяет общее негативное отношение к глобализации и ее проводнику — США, скептическое отношение к институтам глобального управления и военным действиям за пределами Европы, а также положительная оценка роли России в Европе [Liang 2007]. Оправдания такой политики, однако, существенно различались между правой и левой вариацией популизма из-за «идеологических корней» или, другими словами, «host ideology». Р. Бальфур [Balfour, Emmanouilidis, Grabbe 2016] приходит к аналогичным выводам, при этом подчеркивая непредсказуемость и во многом случайность выбора позиций европейскими популистами по внешнеполитическим вопросам. Это подтверждается и примерами за пределами европейского континента. В. Мид, анализируя американское Движение чаепития (во многом предшественников Трампа), делает вывод о том, что его растущая в обществе поддержка отразится на функционировании США на мировой арене как «блюстителя либерального мирового порядка» [Mead 2011].

После 2016 г. в академической дискуссии сформировался устойчивый интерес относительно того, как динамика партийной конкуренции в западных странах может иметь проекцию на их внешнюю политику. В основе этого интереса лежит вполне понятная аксиома. С одной стороны, меняющийся партийно-политический ландшафт на национальном уровне создает импульсы для международной среды и стимулирует выход на арену новых, негосударственных акторов. С другой стороны, изменения в международной политической и экономической системах создают условия для изменения параметров партийной конкуренции в различных странах и стимулы для роста/снижения популярности популистского феномена.

В основе указанного исследовательского направления, согласно мнению уже упомянутого нами ученого А. Крисогелоса, лежит две широкие традиции исследований эффектов политических партий во внешней политике: влияние партий как носителей конкретных идеологических установок и институциональные условия участия партий в формировании внешней политики [Chrysogellos 2017]. Исследователи, работающие в рамках указанного направления, главным образом, стремились ответить на вопрос: происходит ли «крутой поворот» во внешней политике государства вместе с получением популистами властных рычагов?

В европейском контексте особый исследовательский интерес представляет итальянский кейс, исходя из опыта функционирования «коалиции перемен» Лиги и «Движения 5 звезд» в 2018–2019 гг., а также правительств С. Берлускони в 1990-е годы. Б. Вирбек и А. Заслов [Verbeek, Zaslove 2015], анализируя опыт коалиционного партнерства «Лиги Севера» в правительстве Берлускони, полагают, что правые популисты не являются принципиальными националистами и евроскепти-

ками. Скорее, их позиция зависит от того, в какой степени международная политика помогает или препятствует продвижению интересов «народа», которые они активно манифестируют. По мнению автора, партийные предпочтения зачастую перевешиваются логикой национального интереса и давлением внешней среды, что, показала, например, поддержка «Лиги Севера» ливийской кампании.

Ф. Джурландо, при ответе на сформулированный выше вопрос, подчеркивает необходимость учета институционального дизайна государства и позиции традиционного истеблишмента. Автор полагает, что «децентрализованная парламентская система Италии, возможно, дает популистской исполнительной власти меньше рычагов воздействия, чем «избранная монархия» во Франции», при этом «относительно централизованные президентские системы не дают популистам карт-бланш для реализации своей повестки дня. Последние должны работать в рамках существующей системы, что означает «укомплектование» основных государственных постов членами традиционного истеблишмента» [Glurlando 2020]. Автор уделяет внимание и структурным ограничениям для популистских правительств, созданных международной средой. В терминологии Ф. Джурландо это называется «геополитическое структурное давление». Оно позволяет популистам бросить вызов истеблишменту лишь в определенных областях внешней политики, например в области противодействия массовой миграции. Структурное давление является своего рода «предохранителем» от крутого поворота во внешней политике. В том, что касается восприятия партий как носителей конкретных идеологических установок, Ф. Котичиа и В. Виньоли в своей статье попытались доказать, что в целом позиция «Движения» была пацифистской, больше напоминающей «лево-либертарианскую популистскую партию», чем «суверенистскую ультраправую», что лишь еще раз подчеркивает неуловимую идеологическую ориентацию популистского феномена, которая проявляется не только во внутренней политике [Coticchia, Vignoli 2020].

На волне избрания Д. Трампа президентом США наибольшую важность с точки зрения цели обзора представляют не работы, воспринимающие внешнюю политику Д. Трампа в русле смещения и переплетения американских традиций внешней политики [Clarke, Ricketts 2017], а исследования, в которых устанавливается взаимосвязь с природой популистского феномена. Суть заключается в том, что внешняя политика «в руках» популистов становится заложницей внутренней. Так, используя дискурсивный подход к популизму, исследователь Т. Вожевски раскрывает концептуальные связи между внешней политикой и популистскими формами конструирования идентичности [Wojczewski 2020a]. Автор демонстрирует, как внешняя политика используется Д. Трампом в качестве платформы для создания популистско-националистической избирательной коалиции. К. Лакатус приходит к схожему выводу, анализируя активность Д. Трампа в социальной сети Twitter [Lacatus 2021]. Использование Д. Трампом популистской риторики позволяет ему объяснять основные цели своей внешней политики через прямые связи с внутренними приоритетами развития страны, которые он определяет как наиболее важные для американского народа — созда-

ние рабочих мест, экономический рост и безопасность границ во имя «восстановления давно утраченного международного уважения к Соединенным Штатам как мировой экономической и политической державе» [Lacatus 2021].

Исследователь М. Магкамит для анализа политики Д. Трампа предлагает концепт «популистской секьюритизации» [Magcamit 2017]. Указанный концепт выступает в роли канала, с помощью которого популистские лидеры формулируют, проводят и оправдывают свою реалистскую внешнюю политику. Используя «секьюритизацию» экономики США Д. Трампом в качестве примера, автор считает, что популистский акт секьюритизации может спровоцировать нелиберальные тенденции и нативистские настроения националистических избирателей. Они, в свою очередь, позволяют популистским лидерам (в данном случае — Трампу) сохранять свою популярность и легитимность среди этих избирателей, параллельно экспериментируя с постановкой внешней политики на «реалистские рельсы» [Magcamit 2017].

Д. Лоффлман, в свою очередь, считает, что лозунг «Америка прежде всего» не означает конца либерального международного порядка, а направлен против политического доминирования внешнеполитического истеблишмента и на демонтаж двухпартийного консенсуса в отношении либеральной гегемонии [Löfflmann 2019: 130].

Таким образом, анализ западных кейсов демонстрирует, что идеологическая «хамелеонистая» природа популизма, увязывая обозначаемые внешнеполитические приоритеты с внутривнутриполитическими задачами электоральной мобилизации, при этом сталкивается с давлением внешней среды и сопротивлением национального истеблишмента. Это приводит к тому, что популисты весьма просто отказываются от своих программных установок и эклектично выстраивают свой внешнеполитический курс, ориентируясь на прагматичные соображения, а не идеологические конструкции в духе сопротивления «народа» мировой «элите». Тем самым влияние популизма у власти и в коалиции (как левого, так и правого) носит ограниченный характер с точки зрения ухода от принятых и привычных моделей.

В целом «широкое разнообразие популистских партий»³ делает попытки типологизировать и классифицировать их (несмотря на общие отличия левого и правого популизма) весьма проблематичными. Для их демонстрации обратимся к базовой, с точки зрения типологизации/классификации внешней политики популистов, работе Б. Вирбека и А. Заслова [Verbeek, Zaslove 2017]. Исследователи выделили (см. табл. 1) четыре типа популистских акторов: 1) «популистские праворадикалы» (итальянская Лига Севера или Национальный фронт во Франции); 2) «либеральные популисты-рыночники» (от «Форца Италия» до Либеральной партии в Австралии); 3) «популистские регионалисты» («Фламандский блок» в Бельгии); 4) «левые популисты» (СИРИЗА в Греции) — и проанализировали их внешнеполитические установки по трем направлениям внешней политики:

³ Balfour R., Emmanouilidis J., Grabbe H. Europe's troublemakers. The populist challenge to foreign policy // European Policy Centre. 2016. URL: https://www.epc.eu/content/PDF/2016/Europe_s_troublemakers_complete_book.pdf (accessed: 01.08.2021).

международная торговля, миграция и региональная интеграция. В схожем ключе продолжили работу М. Ловек и А. Б. Фенко, рассмотрев кейсы стран Восточной Европы и добавив новые сюжеты: референдум о членстве в ЕС, санкции и военные интервенции, вопросы идентичности [Lovec, Fenco 2020].

Таблица 1

Типология внешнеполитических позиций популистов по В. Вирбеку и А. Заслову

Тема/тип популизма	Популистские праворадикалы	Популисты свободного рынка	Популистские регионалисты	Левый популизм
Общее	Изоляционизм	Economic cosmopolitan—open to multilateralism Экономический космополитизм, открытый к мультилатерализму	Не определено — внешняя политика должна служить региону	Социальный космополитизм — международные договоренности, чтобы защищать слабых от существующей гегемонии
Региональная (включая европейскую) интеграция	Оппозиция европеизации	В интересах свободного рынка	Зависит от того, как ЕС влияет на регион	Критика европеизации, но большая заинтересованность в работе международных организаций, чем у правых популистов
Торговля и финансы	Протекционисты	Открытость	Зависит от того, служит ли интересам региона	Протекционисты исходя из защиты рабочей силы
Трансграничная миграция	Оппозиция	Необязательно оппозиция	Неясно	Необязательно оппозиция

Источник: [Verbeek, Zaslove 2017].

Table 1

Expected positions of populist parties on salient foreign policy issues by Verbeek and Zaslove

Topic/Type	Populist Radical Right	Populist Market Liberal	Populist Regionalist	Populist Left-Wing
<i>General attitude</i>	Isolationist — opposed to multilateral deployment of the military	Economic cosmopolitan — open to multilateralism	Undefined — foreign policy should serve the region	Social cosmopolitan — international arrangements to protect the weak and to counter the existing hegemony
<i>Regional (including European) integration</i>	Opposed to Europeanization	In favor of open market	Depending on how the EU affects their goals for more autonomy	Critical of Europeanization, but more willing to engage with international organizations than the PRR
<i>Trade and finance</i>	Protectionist	Open	Depending on whether globalization serves prosperity in the region	Protectionist because of labor displacement
<i>Transborder migration</i>	Opposed	Not necessarily opposed	Unclear	Not necessarily opposed

Source: [Verbeek, Zaslove 2017].

Однако с помощью указанной типологии весьма проблематично охватить весь спектр популистских кейсов. Таким образом, возникает вопрос, как определить место в ней Партии независимости Соединенного Королевства, право-популистской, исходя из позиций относительно европейской интеграции, миграционной проблематики и участия в решении глобальных проблем, но отнюдь не протекционистской, исходя из манифестации свободной торговли в рамках концепции «Global Britain». Другой пример — итальянской Лиги — демонстрирует, что регионалистские популистские партии могут эволюционировать в сторону, во-первых, общенациональных, перенеся «образ врага» из Рима (национальное правительство) в Брюссель (евробюрократы) и расширив «хертланд» [Taggart, 2000] «народа» до национальных границ. Во-вторых, правопопулистских, обогатив свои программы существенным нативистским элементом и подчеркнув четкую антимигрантскую ориентацию, как это сделал М. Сальвини.

В целом подавляющее большинство исследований опирается на анализ небольшого количества случаев. Одна из немногих попыток сделать общие выводы — это работа А. Крисогелоса *Populism and foreign policy* [Chrissyogelos 2017] на основе сравнительного подхода. Опираясь на существующие подходы к популизму, при разговоре о влиянии популизма на внешнюю политику автор предлагает учитывать два фактора: концептуальную неоднородность самого понятия «популизм» и «пеструю природу» популизма в разных странах мира. Автор исходит из того, что популизм не только в Европе, но и за ее пределами — это реакция на кризис политической репрезентации и экономические дисбалансы глобализированного мира. А. Крисогелос отрицает возможность вывести формулу «популистской внешней политики», при этом формулируя основные ее общие черты или маркеры. Среди них приоритет национального суверенитета перед глобальными и транснациональными политическими интересами; национализм (поскольку народ определяется популистами по национальным признакам); антизападные черты. Отметим, что здесь речь идет именно о правом популизме, но не о его левой вариации.

Иной позиции придерживается исследователь из парижского Института политических исследований Д. Кадье [2019, 2020]. Он считает, что популистские политические силы объединяет не идеология (взгляды варьируются от крайне правых до радикально левых), а «провокационный политический стиль», что приводит к крайне противоречивой внешней политике. Тем самым популистские лидеры рассматривают внешнюю политику как продолжение внутренней политики. Внутриполитические конфликты с большей вероятностью будут иметь приоритет над дипломатическими соображениями. Развивая этот тезис на примере внешней политики ЕС автор указывает, что, несмотря на их антисистемность, популистские акторы редко воплощают эти позиции в конкретную и решительную политику на уровне ЕС. Они редко доходят до того, чтобы повлиять или заблокировать решения, а также результаты внешней политики ЕС. Однако они способны повлиять на нормативность ЕС, на которой во многом строится внешняя политика интеграционного объединения. Поскольку некоторые популистские государства-члены (Польша, Венгрия) ставят под вопрос эти нормы

и стандарты внутри страны, есть риск ослабить легитимность ЕС при экспорте указанных норм.

В русле выводов Д. Кадые проходит анализ незападных кейсов (Индии, Турции и стран Латинской Америки). Отвечая на вопрос, «существует ли как таковой феномен «популистской внешней политики?», авторы обосновывают два основных элемента популизма: антиэлитарность и антиплюрализм [Wojczewski 2020b]. Затем, основываясь на этих чертах, формулируют несколько гипотез относительно особенностей внешней политики «популистов у власти» (приоритет национальных интересов над глобальными, предпочтение двусторонних внешнеполитических контактов многосторонним, вовлечение транснациональной аудитории (диаспор) во внешнюю политику и др.); апробируют эти гипотезы на материалы популистской Индии. Авторы делают вывод, что популизм не оказывает непосредственного влияния на «сущность» внешней политики, но имеет важные последствия для «стиля» внешнеполитического процесса.

Для незападных кейсов свойственно редуцирование концептуальной сущности популизма. Традиционные подходы, а значит, связь между двумя дисциплинами не работает в полной мере. Так, популизм во внешней политики Турции предстает скорее синонимом антизападной и ревизионистской внешней политике скорее, чем непосредственно популистской [Ozpek, Yasar 2017]. Вместе с тем прослеживается и связь с идеологическим подходом. Это иллюстрируется тематическим исследованием внешнеполитического дискурса Индии под руководством индуистского националиста Нарендры Моди, который пообещал очистить Индию от коррумпированной элиты и проводить политику «Индия превыше всего» [Wojczewski 2020].

Будучи идеологией с тонким центром, популизм не позволяет нам делать прогнозы относительно конкретных внешних отношений или более или менее кооперативного или конфликтного характера двусторонних отношений страны с другими государствами. Если мы хотим понять потенциальные элементы изменений в отношениях Индии, например, с Пакистаном или Китаем, сочетание антиэлитизма и антиплюрализма не будет полезным аналитическим подходом. Одним из важных открытий для Индии является подтверждение нашей исследовательской гипотезы о построении популистами (или повторном открытии, в случае Индии) «транснационального народа». Политика диаспоры стала основным компонентом внешней политики Н. Моди, и неофициальные данные из Турции позволяют предположить, что это, возможно, не изолированное явление, что говорит о необходимости изучения транснациональной популистской мобилизации с учетом структурных различий в разных случаях [Plagemann, Destradi 2019a].

Отдельный блок исследований — это кейсы Латинской Америки, где популизм имеет более долгую историю и представлен, как правило, его левой разновидностью. Л. Вэжнер и С. Тиз, на материале стран Латинской Америки, фиксирует постепенную тенденцию среди популистских правительств делать упор на персоналистские стили и дискурсы против транснациональных элит, используя прямую и эмоциональную публичную дипломатию международной аудитории, в дополнение к широкому применению методов клиентелизма

с поддержкой сетей за рубежом. Тем самым происходит знакомый в европейском контексте перенос образа врага от национальных элит к транснациональным [Wehner, Thies 2020].

Таким образом, исследование влияния популизма на внешнюю политику в исследовательской дискуссии ограничено, с одной стороны, западным и незападным контекстом, институциональными особенностями и ролью/статусом государств в мировой политике. С другой — эклектичной природой явления. Вместе с тем исследователи высоко оценивают влияние среды на реализацию внешнеполитических программ популистов и согласны в тезисе о невозможности вывести формулу «популистской внешней политики». Тем не менее рассмотренное направление в литературе, как правило, представлено анализом единичных случаев или сравнительными кейс-стади.

«Популистская волна» и судьба мирового порядка

Дискуссии о кризисе международного порядка представляются основным лейтмотивом академической и экспертной дискуссии как на Востоке, так и на Западе. В частности, это относится к «либеральному мировому порядку» или «международному порядку, основанному на правилах» (который иногда также называют западным или «сформированным» США порядком).

В этой связи возникает интерес к популизму как явлению, которое продвигает нелиберальность на национальном уровне (наиболее ярко это представлено в странах Восточной Европы). Если во внутренней политике нелиберальность направлена на частичную или полную ликвидацию системы сдержек и противовесов [Мюллер 2018], то во внешней — на либеральность «порядка, основанного на правилах» и сотрудничество в рамках многосторонних институтов. Тем самым популисты подрывают легитимность, лежащую в основе либерального мирового порядка, предлагая и манифестируя альтернативное понимание демократии.

В работе С. Дестради и Д. Плегмана рассматривается влияние популизма на внешнюю политику на материале популистских правительств «Глобального Юга» [Plagemann, Destradi 2019b]. Авторы высказывают гипотезу о том, что такие факторы, как статус страны на международной арене и/или степень ее встраивания в международные институты, смягчают влияние популизма. Исходя из этого, влияние популизма проявляется скорее в процедурных аспектах: разработка внешней политики становится более централизованной и персонализированной, но отнюдь не непредсказуемой, учитывая важность базовых идеологий, на которых популистские партии и лидеры «паразитируют». Вместо того чтобы полностью изменить внешнеполитический курс, придя к власти, популисты централизуют и персонализируют процесс принятия решений, стремятся дифференцировать свои международные отношения, отказываются от эксклюзивных альянсов и усиливают тенденцию к многополярности. В результате возникает изменчивый и менее понятный международный порядок, но не радикальная реконфигурация мировой политики, движимая популистским «антиглобализмом».

В статье Т. Врайта⁴ рассматривается, как сторонники многосторонних отношений в Соединенных Штатах и Европе думают об укреплении международного порядка, основанного на сотрудничестве, в то время когда популизм и национализм являются доминирующими силами во многих крупных державах. Популисты играют на руку возвышающимся державам, манифестируя протекционизм и национализм.

Анализируя влияние популистов на параметры мирового порядка, необходимо обратить внимание на один из столпов последнего — международное право. Отношение популистских правительств к международному праву колеблется между инструментальным подходом и основанным на риторике принципиальным противодействием [Kreigier 2019]. Популистские правительства стремятся свести международное право к инструменту защиты национальных интересов. В популистской логике международное право рассматривается как наносящее ущерб интересам населения. Пока что столь фундаментальные расхождения между международным правом и определяющей характеристикой популизма в основном материализуются в политических речах и партийных программах. Большинство попыток повлиять на развитие международного права или избежать его ограничений остаются в рамках правовых рамок, установленных международным правом, хотя некоторые случаи их несоблюдения, в частности в области защиты прав человека, оказали сильное символическое воздействие. Есть также признаки того, что популистские правительства иногда вступают в союз, чтобы обойти существующие структуры, дабы продвигать свою повестку дня в международных организациях или доминирующие подходы к пониманию международного права.

Статья Кригера важна тем, что в ней делается упор на особый популистский подход к международному праву. Однако, по мнению П. Блоккера, в работе Х. Кригера не уделяется достаточно внимания связи популизма с народным суверенитетом (и популизмом как реакцией на невосприимчивость существующих институтов), мало обсуждаются и, следовательно, преуменьшаются явные демократические претензии популистов [Blokker 2019]. М. Рудольфи считает, что есть методологические препятствия в работе Кригера, которые не позволяют прибегнуть к конструированию «популистского подхода к международному праву»: популизм значительно варьируется в зависимости от его определения «народа», а международное право — это фрагментированный режим [Rudolph 2019].

Тем самым, как и в случае с популизмом и внешней политикой, наблюдается лишь эпизодическое влияние, в большей степени потенциальное и предполагающее легитимацию и предложение альтернативных форм мироустройства на внутриполитической арене, поскольку существующие закрепляют доминирование национальных и транснациональных элит.

⁴ Wright, T. (2021). Advancing multilateralism in a populist age. Foreign Policy at Brookings. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/02/FP_20210204_multilateralism_wright_v2.pdf (accessed: 14.10.2021).

Заключение

Авторы статьи солидарны в том, что невозможно сформулировать понятие «популистская внешняя политика» и четко определить ее влияние на сферу мировой политики. Тем не менее мы попытались выделить ее характерные черты в различном национальном и региональном контексте, в западной и незападной, левой и правой вариациях. С нашей точки зрения, внешнеполитические позиции и политические курсы популистов являются производной внутренней политики популистов и их противостояния традиционным элитам.

Следует учитывать, что, как указывают Д. Лантис и Р. Бизли [Lantis, Beasley 2016], партийная идеология устанавливает границы дебатов по внешнеполитическим вопросам, популисты зачастую не имеют реальных рычагов для проведения в жизнь своих внешнеполитических ориентаций. Причина «непроводимости» популистской внешней политики в структурном давлении (давление международной среды) и принятии правил игры после прихода к власти, даже при сохранении антиэлитистского дискурса. Анализ литературы говорит о том, что влияние популистов во внешней политике в то время, когда они находились у власти, было ограниченным [Mudde 2013]. Согласно Р. Balfour⁵, они «еще не повлияли на важные решения, касающиеся войны и мира», демонстрируя социализацию в международном порядке и прагматизм [Verbeek, Zaslove 2015; 2017; Chrissyogelos 2017]. Популизм, судя по представленным исследованиям и несмотря на свою разношерстность, будучи у власти или в коалиции (и тем более в оппозиции), не совершает U-turn («крутой поворот») во внешней политике государства⁶ [Cadier, Lequesne 2020] в соответствии со своими программами.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 14.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Мельвиль А. Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 114–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.07>
- Мусихин Г. И. Популизм: структурная характеристика политики или ущербная идеология? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40–53.
- Мюллер Я.-В. Что такое популизм? Серия «Политическая теория. Высшая школа экономики». Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
- Тэвдой-Бурмули А. И. Этнополитическая динамика Европейского союза: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Аспект-Пресс, 2018.

⁵ Balfour R., Emmanouilidis J., Grabbe H. Europe's troublemakers. The populist challenge to foreign policy // European Policy Centre. 2016. URL: https://www.epc.eu/content/PDF/2016/Europe_s_troublemakers_complete_book.pdf (accessed: 01.08.2021).

⁶ Cadier D. How Populism Spills Over Into Foreign Policy // Carnegie Europe. 2019. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78102> (accessed: 03.08.2021).

- Шейн С. А. Роль консерватизма в развитии правого популизма в Европе (случай Соединенного Королевства) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 2. С. 34–41. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-34-41>
- Bale T. Populism as an intra-party phenomenon: The British Labour Party under Jeremy Corbyn // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 99–115.
- Bale T., Watts J. Populism as an intra-party phenomenon: The British Labour Party under Jeremy Corbyn // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2018. Vol. 21, no. 1. P. 99–115.
- Barr R. Populism as a political strategy // De la Torre C. (ed.) *Routledge Handbook of Global Populism*. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.1177/00323217211002669>
- Blokker P. Populist Governments and International Law: A Reply to Heike Krieger // *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 1009–1019.
- Boucher J.-C., Thies C. “I Am a Tariff Man”: The Power of Populist Foreign Policy Rhetoric under President Trump // *The Journal of Politics*. 2019. Vol. 81, no. 2. P. 712–722.
- Cadier D., Lequesne C. How Populism Impacts EU Foreign Policy // *EU-LISTCO Policy Paper Series*. 2020, no. 8. URL: <https://www.eu-listco.net/publications/how-populism-impacts-eu-foreign-policy> (accessed: 01.08.2021).
- Cadier D., Szulecki K. Populism, historical discourse and foreign policy: the case of Poland’s Law and Justice government // *International Politics*. 2020, no. 57. P. 990–1011. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-020-00252-6> (accessed: 05.08.2021).
- Chrysogelos A. Populism in Foreign Policy // *Oxford Research Encyclopedias, Politics*. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.467>
- Chrysogelos A. State transformation and populism: From the internationalized to the neo-sovereign state? // *Politics*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 22–37.
- Coticchia F., Vignoli V. Populist parties and foreign policy: The case of Italy’s Five Star Movement // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2020. Vol. 22, no. 3. P. 523–541. <https://doi.org/10.1177/1369148120922808>
- De Sá Guimarães F., De Oliveira E Silva I. D. Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro’s ultra-conservatism and the new politics of alignment // *International Affairs*. 2021. Vol. 97, no. 2. P. 345–363.
- Diodato E., Niglia F. Berlusconi ‘The Diplomat’. *Populism and Foreign Policy in Italy*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
- Drezner D. W. The Angry Populist As a Foreign Policy Leader: Real Change or Just Hot Air // *Fletcher Forum of World Affairs*. 2017. Vol. 41, no. 2. P. 23–43.
- Dueck C. Populism, Foreign Policy, and the GOP // Dueck C. (ed.). *Age of Iron: On Conservative Nationalism*. Oxford University Press, 2019.
- Exadaktylos T. Populism in Foreign Policy: Shifting Paradigms in Greek Political Parties // *Marmara Journal of European Studies*. 2020. Vol. 28, no. 2. P. 179–201.
- Filipović A. The influence of right-wing populist parties upon the national policies towards the Russian Federation: the case of the Progress Party (Norway) and the Danish People’s Party // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020, no. 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.1.32373>
- Glurlando P. Populist foreign policy: the case of Italy // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2020. Vol. 27, no. 2. P. 251–267. <https://doi.org/10.1080/11926422.2020.1819357>
- Göksel O. Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics // *New Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 9. No. 1.
- Hall J. In search of enemies: Donald Trump’s populist foreign policy rhetoric // *Politics*. 2020. Vol. 41, no. 1. P. 48–63.
- Higott R., Proud V. *Populist-Nationalism and Foreign Policy: Cultural Diplomacy, International Interaction and Resilience*, (ifa Edition Culture and Foreign Policy). Stuttgart: ifa (Institut für Auslandsbeziehungen), 2017.

- Jenne E. K.* Populism, nationalism and revisionist foreign policy // *International Affairs*. 2021. Vol. 97, no. 2. P. 323–343. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa230>
- Kaliber A., Kaliber E.* From De-Europeanisation to Anti-Western Populism: Turkish Foreign Policy in Flux // *The International Spectator*. 2019. Vol. 54, no. 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/03932729.2019.1668640>
- Kallis A.* Populism, Sovereignism, and the Unlikely Re-Emergence of the Territorial Nation-State // *Fudan Journal of the Humanities and Social Science*. 2018. Vol. 11. P. 285–302. <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0233-z>
- Kane C., McCulloch C.* Populism and Foreign Policy: Deepening Divisions and Decreasing Efficiency // *Global Politics Review*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 39–52.
- Kreiger H.* Populist Governments and International Law // *European Journal of International Law*. Publisher: Oxford University Press. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 971–996.
- Lacatus C.* Populism and President Trump’s approach to foreign policy: An analysis of tweets and rally speeches // *Politics*. 2021. Vol. 41, no. 1. P. 31–47.
- Laclau E.* On a populist reason. Verso: London, 2005.
- Lapham L.* Age of Folly: America Abandons Its Democracy. New York: Verso Books, 2016.
- Leslie J. G.* Netanyahu’s Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy // *The SAIS Review of International Affairs*. Publisher: Johns Hopkins University Press. 2017. Vol. 7, no. 1. P. 75–82. <https://doi.org/10.1353/sais.2017.0006>
- Liang C. S.* Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right // C. S. Liang (ed.). *Europe for the Europeans*. Hampshire: Ashgate, 2007. P. 1–32.
- Löfflmann G.* America First and the Populist Impact on US Foreign Policy // *Global Politics and Strategy*. 2019. Vol. 61. P. 115–138. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1688573>
- Lovec M., Bojinović Fenko A.* Populism in the Foreign Policy of Central European States // *Teorija in Praksa*. 2020. Vol. 56, no. 4. P. 1152–1172.
- MacDonald D., Stengel F., Nabers D.* Populism and World Politics Exploring Inter- and Transnational Dimensions // Publisher: Palgrave Macmillan. 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04621-7>
- Magcamit M.* Explaining the Three-Way Linkage Between Populism, Securitization, And Realist Foreign Policies: President Donald Trump and the Pursuit of “America First” Doctrine // *World Affairs*. 2017. Vol. 180, no. 3. P. 6–35. <https://doi.org/10.1177/0043820017746263>
- March L.* Left and Right Populism Compared: The British case // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2017. Vol. 19, no 2. P. 282–303
- Mead W.* The Tea Party and American Foreign Policy: What Populism Means for Globalism // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, no. 2. P. 28–44
- Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy? Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 257 p.
- Mudde C.* The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave // C-REX WORKING PAPER SERIES, no. 1. Publisher: Center for Research on Extremism, The Extreme Right, Hate Crime and Political Violence, University of Oslo, 2016. URL: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/publications/c-rex-working-paper-series/Cas%20Mudde:%20The%20Study%20of%20Populist%20Radical%20Right%20Parties.pdf> (accessed: 01.08.2021).
- Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39, no. 4. P. 541–563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Ozpek B., Yasar N.* Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule // *Turkish Studies*. 2018. Vol. 19, No. 2. P. 198–216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>
- Plagemann J., Destradi S.* Populism and Foreign Policy: The Case of India // *Foreign Policy Analysis*. 2019a. Vol. 15, no. 2. P. 283–301. <https://doi.org/10.1093/fpa/ory010>

- Plagemann J., Destradi S.* Populism and International Relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics // *Review of International Studies*. 2019b. Vol. 45, no. 5. P. 711–730. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000184>
- Populism and World Politics: Exploring Inter- and Transnational Dimensions (Global Political Sociology) F.A. Stengel, D.B. MacDonald (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan 2019. P. 1–22.
- Rudolph M. P.* Populist Governments and International Law: A Reply to Heike Krieger // *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 997–1008. <https://doi.org/10.1093/ejil/chz058>
- Sagarzazu I., Thies C. G.* The Foreign Policy Rhetoric of Populism: Chavez, Oil, and Anti-imperialism // *Political Research Quarterly*. 2019. Vol. 72, no. 1. P. 205–214.
- Skonieczny A.* Emotions and Political Narratives: Populism, Trump and Trade // *Interdisciplinary Approaches to Studying Emotions within Politics and International Relations*. 2018. Vol. 6, no. 4. <https://doi.org/10.17645/pag.v6i4.1574>
- Stanley B.* The thin ideology of populism // *The Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13, no. 1. P. 95–110. <https://doi.org/10.1080/13569310701822289>
- Verbeek B., Zaslove A.* Populism and Foreign Policy // C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy (eds.) *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford University Press, 2017. P. 384–405. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.15>
- Verbeek, B., Zaslove, A.* The Impact of Populist Radical Right Parties on Foreign Policy: The Northern League as a Junior Coalition Partner in the Berlusconi Governments // *European Political Science Review*, 2015. 7(4). P. 525–546.
- Voeten E.* Populism and Backlashes Against International Courts // *Perspectives on Politics*. 2019. 18, no. 2. P. 407–422.
- Wajner D. F.* Exploring the foreign policies of populist governments: (Latin) America First // *Journal of International Relations and Development*. 2000. Vol. 4. P. 651–680.
- Wajner D. F.* Making (Latin) America Great Again: Lessons from Populist Foreign Policies in the Americas // F. A. Stengel, D. B. MacDonald, D. Nabers (eds.) *Populism and World Politics: Exploring Inter- and Transnational Dimensions*. Book Series: Global Political Sociology. Publisher: Springer International Publishing, 2019. P. 195–225.
- Wajner D. F.* Populism and Legitimacy: Exploring the International Legitimation Strategies of Contemporary Populist Governments // *The Ideational Approach to Populism: Consequences and Mitigation* (Team Populism edited volume). Cambridge University Press, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/341622555_Populism_and_Legitimacy_Exploring_the_International_Legitimation_Strategies_of_Contemporary_Populist_Governments (accessed: 14.08.2021).
- Wehner L., Thies C. G.* The nexus of populism and foreign policy: The case of Latin America // *International Relations*. 2020. Vol. 35, no. 2. P. 320–340. <https://doi.org/10.1177/0047117820944430>
- Weyland K.* Clarifying a Contested Concept Populism in the Study of Latin American Politics // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 34. P. 1–22.
- Wojczewski T.* Populism, Hindu Nationalism, and Foreign Policy in India: The Politics of Representing “the People” // *International Studies Review*. 2020a. Vol. 22, no. 3. P. 396–422. <https://doi.org/10.1093/isr/viz007>
- Wojczewski T.* Trump, Populism, and American Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2020b. Vol. 16, no. 3. P. 292–311. <https://doi.org/10.1093/fpa/orz021>
- Wright T.* Advancing multilateralism in a populist age // *Foreign Policy at Brookings*. 2021. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/02/FP_20210204_multilateralism_wright_v2.pdf (accessed: 13.08.2021).

Yaşar N. T., Özpek B. B. Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule // *Turkish Studies*. 2018. Vol. 19, no. 2. P. 198–216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>

References

- Bale, T. (2019). Populism as an intra-party phenomenon: The British Labour Party under Jeremy Corbyn. *The British Journal of Politics and International Relations*, 21(1), 99–115.
- Bale, T., & Watts, J. (2018) Populism as an intra-party phenomenon: The British Labour Party under Jeremy Corbyn. *The British Journal of Politics and International Relations*, 21(1), 99–115.
- Barr, R. Populism as a political strategy. (2018). In C. De la Torre (Ed.), *Routledge Handbook of Global Populism* (pp. 44–56). Routledge. <https://doi.org/10.1177/003232172111002669>
- Blokker, P. (2019). Populist Governments and International Law: A Reply to Heike Krieger. *European Journal of International Law*, 30(3), 1009–1019.
- Boucher, J.-C., & Thies, C. (2019). “I Am a Tariff Man”: The Power of Populist Foreign Policy Rhetoric under President Trump. *The Journal of Politics*, 81(2), 712–722.
- Cadier, D., & Lequesne, C. (2020). *How Populism Impacts EU Foreign Policy*. EU-LISTCO Policy Paper Series, 8. <https://www.eu-listco.net/publications/how-populism-impacts-eu-foreign-policy>
- Cadier, D., & Szulecki, K. (2020). Populism, historical discourse and foreign policy: the case of Poland’s Law and Justice government. *International Politics* 57. 990–1011. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-020-00252-6>
- Chrysogelos, A. (2017). Populism in Foreign Policy. *Oxford Research Encyclopedias, Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.467>
- Chrysogelos, A. (2018). State transformation and populism: From the internationalized to the neo-sovereign state? *Politics*, 40(1), 22–37
- Coticchia, F., & Vignoli, V. (2020). Populist parties and foreign policy: The case of Italy’s Five Star Movement. *The British Journal of Politics and International Relations*, 22(3), 523–541. <https://doi.org/10.1177/1369148120922808>
- De Sá Guimarães, F., & De Oliveira E Silva, I. (2021). Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro’s ultra-conservatism and the new politics of alignment. *International Affairs*, 97(2), 345–363.
- Diodato, E., & Niglia, F. (2019). *Berlusconi ‘The Diplomat’. Populism and Foreign Policy in Italy*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-97262-6>
- Drezner, D. (2017). The Angry Populist As a Foreign Policy Leader: Real Change or Just Hot Air. *Fletcher Forum of World Affairs*, 41(2), 3–43.
- Dueck, C. (2019). Populism, Foreign Policy, and the GOP. In C. Dueck (Ed.), *Age of Iron: On Conservative Nationalism*. Oxford University Press.
- Exadaktylos, T. (2020). Populism in Foreign Policy: Shifting Paradigms in Greek Political Parties. *Marmara Journal of European Studies*, 28(2), 179–201.
- Filipović, A. (2020). The influence of right-wing populist parties upon the national policies towards the Russian Federation: the case of the Progress Party (Norway) and the Danish People’s Party. *SENTENTIA, European Journal of Humanities and Social Sciences*, 1, 1–35. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.1.32373>
- Glurlando, P. (2020). Populist foreign policy: the case of Italy. *Canadian Foreign Policy Journal*, 27(2), 251–267.
- Göksel, O. (2019). Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics. *New Middle Eastern Studies*, 9(1).
- Hall, J. (2020). In search of enemies: Donald Trump’s populist foreign policy rhetoric. *Politics*, 41(1), 48–63.

- Higgott, R., & Proud, V. (2017). *Populist-Nationalism and Foreign Policy: Cultural Diplomacy, International Interaction and Resilience*. (ifa Edition Culture and Foreign Policy). Stuttgart: ifa (Institut für Auslandsbeziehungen).
- Jenne, E. (2021). Populism, nationalism and revisionist foreign policy. *International Affairs*, 97(2), 323–343. <https://doi.org/10.1093/ia/iaa230>
- Kaliber, A., & Kaliber, E. 2019. From De-Europeanisation to Anti-Western Populism: Turkish Foreign Policy in Flux. *The International Spectator*, 54(4), 1–16. <https://doi.org/10.1080/03932729.2019.1668640>
- Kallis, A. (2018). Populism, Sovereigntism, and the Unlikely Re-Emergence of the Territorial Nation-State. *Fudan Journal of the Humanities and Social Science*, 11, 285–302. <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0233-z>
- Kane, C., & McCulloch, C. (2017). Populism and Foreign Policy: Deepening Divisions and Decreasing Efficiency. *Global Politics Review*, 3(2), 39–52.
- Kreiger, H. (2019). Populist Governments and International Law. *European Journal of International Law*. Oxford University Press, 30(3), 971–996.
- Lacatus, C. (2021). Populism and President Trump's approach to foreign policy: An analysis of tweets and rally speeches. *Politics*, 41(1), 31–47. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0263395720935380>
- Laclau, E. (2005). *On a populist reason*. Verso: London.
- Lapham, L. (2016). *Age of Folly: America Abandons Its Democracy*. New York: Verso Books.
- Leslie, J. (2017). Netanyahu's Populism: An Overlooked Explanation for Israeli Foreign Policy. *The SAIS Review of International Affairs*. Johns Hopkins University Press, 37(1), 75–82. <https://doi.org/10.1353/sais.2017.0006>
- Liang, C.S. (2007). Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right. In: C.S. Liang (Ed.), *Europe for the Europeans* (pp. 1–32). Hampshire: Ashgate.
- Löffmann, G. (2019). America First and the Populist Impact on US Foreign Policy. *Global Politics and Strategy*, 61, 115–138. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1688573>
- Lovec, M., & Bojinović Fenko, A. (2020). Populism in the Foreign Policy of Central European States. *Teorija in Praksa*, 56(4), 1152–1172.
- MacDonald, D., Stengel, F., & Nabers, D. (2019). *Populism and World Politics Exploring Inter- and Transnational Dimensions*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04621-7>
- Magcamit, M. (2017). Explaining the Three-Way Linkage Between Populism, Securitization, and Realist Foreign Policies: President Donald Trump and the Pursuit of “America First” Doctrine. *World Affairs*, 180(3), 6–35. <https://doi.org/10.1177/0043820017746263>
- March, L. (2017). Left and Right Populism Compared: The British case. *The British Journal of Politics and International Relations*, 19(2), 282–303.
- Mead W. (2011). The Tea Party and American foreign policy: What populism means for globalism. *Foreign Affairs*, 90(2), 28–44
- Melville, A. Yu. (2004). On Trajectories of Post-Communist Transformations. *Polis. Political Studies*, 2, 64–75. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.07>
- Mudde, C., & Kaltwasser, C. (2012). *Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy*. Cambridge University Press.
- Mudde, C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, 39(4), 541–563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde, C. (2016). *The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave*. C-REX WORKING PAPER SERIES, 1. Center for Research on Extremism, The Extreme Right, Hate Crime and Political Violence, University of Oslo. URL: <https://www.sv.uio.no/c-rex/english/publications/c-rex-working-paper-series/Cas%20Mudde:%20The%20Study%20of%20Populist%20Radical%20Right%20Parties.pdf>

- Müller, J.-W. (2016). *What is populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- (Müller, J.-W. *What is populism?* (2018). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Musikhin, G. (2009). Populism: a structural characteristic of politics or a flawed ideology? *Politika*, 4(55), 40–53. (In Russian).
- Ozpek, B., & Yasar, N. (2018). Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule. *Turkish Studies*, 19(2), 98–216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>
- Plagemann, J., & Destradi, S. (2019a). Populism and Foreign Policy: The Case of India. *Foreign Policy Analysis*, 15(2), 283–301. <https://doi.org/10.1093/fpa/ory010>
- Plagemann, J., & Destradi, S. (2019b). Populism and International Relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics. *Review of International Studies*, 45(5), 711–730. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000184>
- Rudolph, M. (2019). Populist Governments and International Law: A Reply to Heike Krieger. *European Journal of International Law*, 30(3), 997–1008. <https://doi.org/10.1093/ejil/chz058>
- Sagarzazu, I., & Thies, C. (2019). The Foreign Policy Rhetoric of Populism: Chavez, Oil, and Anti-imperialism. *Political Research Quarterly*, 72 (1), 205–214.
- Skonieczny, A. (2018). Emotions and Political Narratives: Populism, Trump and Trade. *Interdisciplinary Approaches to Studying Emotions within Politics and International Relations*, 6(4). <https://doi.org/10.17645/pag.v6i4.1574>
- Shein, S. (2020) The role of conservatism in the development of populism in Europe (a case of the United Kingdom). *World economy and international relations*, 2, 34–41.
- Stanley, B. (2008). The thin ideology of populism. *The Journal of Political Ideologies*, 13(1), 95–110. <https://doi.org/10.1080/13569310701822289>
- Stengel, F.A., & MacDonald, D.B. (eds.). (2019). *Populism and World Politics: Exploring Inter- and Transnational Dimensions (Global Political Sociology)*. Basingstoke: Palgrave Macmillan 2019.
- Tevdoi — Bumurli, A. (2018). *Ethnopolitical dynamics of the European Union: a textbook for university students*. Moscow: Aspekt — Press. (In Russian).
- Verbeek, B., & Zaslove, A. (2017). Populism and Foreign Policy. In C. R. Kaltwasser, P. Taggart, P. O. Espejo, P. Ostiguy (Eds.), *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford University Press, 384–405. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.15>
- Verbeek, B., & Zaslove, A. (2015) The Impact of Populist Radical Right Parties on Foreign Policy: The Northern League as a Junior Coalition Partner in the Berlusconi Governments. *European Political Science Review*, 7(4), 525–546.
- Voeten, E. Populism and Backlashes Against International Courts. *Perspectives on Politics*, 18(2), 407–422.
- Wajner, D. F. (2000). Exploring the foreign policies of populist governments: (Latin) America First. *Journal of International Relations and Development*, 4, 651–680.
- Wajner, D. F. (2019). Making (Latin) America Great Again: Lessons from Populist Foreign Policies in the Americas. In F. Stengel, D. MacDonald, D. Nabers (Eds.), *Populism and World Politics: Exploring Inter- and Transnational Dimensions* (pp. 195–225). Book Series: Global Political Sociology. Springer International Publishing.
- Wehner, L., & Thies, C. G. (2020). The nexus of populism and foreign policy: The case of Latin America. *International Relations*, 35(2), 320–340. <https://doi.org/10.1177/0047117820944430>
- Weyland, K. (2001). Clarifying a Contested Concept Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*, 34, 1–22.
- Wojczewski, T. (2020a). Populism, Hindu Nationalism, and Foreign Policy in India: The Politics of Representing “the People”. *International Studies Review*, 22(3), 396–422. <https://doi.org/10.1093/isr/viz007>

- Wojczewski, T. (2020b). Trump, Populism, and American Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*, 16(3), 292–311. <https://doi.org/10.1093/fpa/orz021>
- Yaşar, N. T., Özpek, B. B. (2018). Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule. *Turkish Studies*, 19(2), 198–216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>

Сведения об авторах:

Шейн Сергей Александрович — кандидат политических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ (e-mail: sshein@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9749-9116)

Аликин Артем Анатольевич — стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) (e-mail: aalikin@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-0969-0752)

About the authors:

Sergey A. Shein — PhD in Political Science, Associate Professor at School of International Regional Studies, Research Fellow at Centre of Comprehensive European and International Studies of Higher School of Economics (e-mail: sshein@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9749-9116)

Artem A. Alikin — Research Assistant at Centre of Comprehensive European and International Studies of Higher School of Economics (e-mail: aalikin@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-0969-0752)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-221-233

Научная статья / Research article

Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения

Е. С. Бурмистрова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация*

 burmi-k@yandex.ru

Аннотация. Миграционный кризис стал триггерной точкой для активизации праворадикальных сил и движений. Современные правые, стремясь обособить себя от экстремистских правых течений, прибегают к популистскому компоненту и обновляют свою политическую повестку: в своей риторике они используют традиционные консервативные ценности, но придают им новую интерпретацию. В частности, понимание традиционных ценностей расширяется за счет признания гендерного равенства и прав меньшинств. В статье с опорой на концептуализацию праворадикального популизма Х.-Г. Беца и К. Мюдде дан анализ того, как трансформируется семейная повестка правых в новом социально-политическом контексте. Автор характеризует этот процесс на примере Национального объединения Франции, исследуя выступления лидеров партии, партийные программы и материалы СМИ с применением дискурс-анализа, а также статистические данные. Автор выделяет две тенденции: 1) уже с 1980-х гг. традиционная антимигрантская риторика правых была расширена за счет семейной повестки, а идея семьи как ядра нации постепенно трансформировалась в инструмент ее защиты нации от внешнего влияния; 2) обновление партии под лидерством Марин Ле Пен повлекло за собой обновление семейной повестки за счет включения в нее защиты прав женщин, современной трактовки семьи, актуализацию проблематики европейской и национальной идентичности, включая интерпретацию роли женщины в семейной повестке как активного защитника национальной идентичности. По мнению автора, этот процесс вписывается в общие усилия правых радикалов по продвижению в политический мейнстрим и становлению правого популизма.

Ключевые слова: правый радикализм, гендер, семейная повестка, Национальный фронт, Национальное объединение

Для цитирования: Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 221–233. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-221-233>

© Бурмистрова Е. С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-411-590010 «Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа».

Traditional Values in the Discourse of the French Populist Radical Right: The Case of the National Rally

Ekaterina S. Burmistrova

Perm State University, Perm, Russian Federation

 burmi-k@yandex.ru

Abstract. The migration crisis has become a trigger activating radical right-wing forces and movements. Contemporary right-wing forces, seeking to distinguish themselves from extremist right-wing movements, are resorting to populism, updating their political agenda: they use traditional conservative values in their rhetoric, but give them a new interpretation. In particular, the traditional values are complemented by gender equality and minority rights. The article analyses the transformation of the right-wing family agenda in the new social and political context, based on the conceptualisation of radical right-wing populism by H.-G. Betz and C. Mudde. The author considers the case of the French National Rally, examining the speeches of party leaders, party programmes and media materials through discourse analysis. The author identifies two trends: (1) since the 1980s, the traditional anti-migrant rhetoric of the right has been extended to include the family agenda, and the category of family as the core of the nation was gradually transformed into a tool to protect the nation from external influence; (2) party renewal under the leadership of Marine Le Pen entailed the updating of the family agenda to include protection of women's rights, the modern interpretation of family, actualization of issues of European and national identity, including the interpretation of the women's role as active protectors of national identity. In the author's view, this process fits into the overall efforts of right-wing radicals to move into the political mainstream and the emergence of right-wing populism.

Keywords: right-wing radicalism, gender, family agenda, National Front, National Rally

For citation: Burmistrova, E. S. (2022). Traditional values in the discourse of the French populist radical right: The case of the National Rally. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 221–233. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-221-233>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-411-590010 «Traditional values and globalization in the Modern world: North America, Western and Eastern Europe».

Введение

Миграционный кризис оказал значительное влияние на актуализацию проблематики идентичности в разных ее измерениях. Применительно к Европейскому союзу остро стоит вопрос о вызовах и угрозах, трактуемых разнообразно. Одним из наиболее сложных дискурсов, который насчитывает уже более полувека, является защита традиционных европейских ценностей от «исламского вторжения».

Традиционно такая постановка вопроса характерна для политических сил, которые трактуются как радикальные правые. Однако сами политические организации, которые поддерживают данный дискурс, идентифицируют себя иным образом.

С 2014 г. в рамках Европарламента начал формироваться альянс европейских националистских и правопопулистских сил, к 2019 г. оформившийся в партию «Идентичность и демократия»¹. Общей платформой для движений, объединенных в этой партии, выступает неприятие мигрантов и поиски новой модели европейской кооперации. Почвой для такой кооперации могут стать общеевропейские ценности, в том числе касающиеся европейского понимания семьи.

В условиях резкого роста количества мигрантов, прибывающих в Европу, еще одним поводом для антимигрантской позиции стала проблема защиты семьи. Эта позиция четко проявляется в риторике Национального объединения/фронта, охарактеризованного Касом Мюдде как «самая известная популистская праворадикальная партия» [Mudde 2007: 41]. По мнению К. Бурселье, во Франции воззрения современных правых радикалов выступают матрицей для мощного национал-популистского течения², а значит, пытаются напрямую влиять на общественное мнение. Правые радикалы во Франции представлены достаточно широко: от партийных правых в лице Национального объединения до общественных объединений идентитаристов (*Les Identitaires*), их молодежного крыла «Поколение идентичность» (*Génération identitaire*) и отдельных публичных личностей, среди которых особо можно выделить Эрика Земмура, кандидата на президентских выборах во Франции в 2022 г. Размышления о проблемах и корнях европейской идентичности привели правых радикалов к тому, чтобы закрепить за семьей функцию главного защитника Европы, что можно проследить на примере французских правых и их подходов к семейной проблематике.

Теоретическое осмысление становления феномена современных правых предлагает профессор института политологии Цюрихского университета Х.-Г. Бец, эксперт по популизму и правому радикализму в либеральных демократиях. В работе «Радикальный правый популизм в Западной Европе» он говорил о том, что популярность современной праворадикальной идеи берет свои корни в «массовом прорыве, ставшем одним из наиболее значительных сигналов о фундаментальной трансформации политики в развитых западных демократиях», который праворадикальные течения осуществили в конце 1980-х гг. и начале 1990-х гг. во многих странах Западной Европы [Betz 1994: 3]. Одной из основных задач для правых с последней трети 1980-х гг. стало избавление от ультраправого имиджа и представление себя как более приемлемой альтернативы мейнстримным партиям. Характеризуя позиции западноевропейских правых, Ханс-Георг Бец обращал внимание на их радикальность «в своем

¹ Identity and Democracy Party. URL: <https://www.id-party.eu/> (accessed: 17.02.2022).

² Bourseiller C. Les idéaux politiques extrémistes: de l'extrême gauche à l'extrême droite // L'antiblog de Christophe Bourseiller. 14 mai 2017. URL: <https://bourseiller.fr/les-ideaux-politiques-extremistes-de-lextreme-gauche-a-lextreme-droite/> (accessed: 26.01.2022).

неприятии сложившейся социокультурной и социально-политической системы», популизм, выражающийся в «беспринципном использовании и инструментализации общественных чувств тревоги и разочарования и их обращении к простому человеку и его якобы высшему здравому смыслу». Правый характер их взглядов находит отражение в «неприятии индивидуального и социального равенства; противодействии социальной интеграции маргинализированных групп; апелляции к ксенофобии, если не к открытому расизму и антисемитизму» [Betz 1994: 4]. Французские правые, как на этапе существования партии под названием Национальный фронт, так и на современном этапе Национального объединения, на наш взгляд, этим характеристикам соответствуют. Партия сохраняет правые позиции, отстаивая права французов на экономические и социальные блага своей страны; критикует социально-политическую систему Франции в целом, списывая все недостатки, существующие в стране, на неудачи правительства; применяет популистские приемы, что отчасти выражается в часто используемой риторике, отсылающей к представлению о том, что партийные лидеры олицетворяют собой простых французов и понимают их чаяния (так Жан-Мари Ле Пен даже свою автобиографию озаглавил «Сын нации», а Марин Ле Пен часто говорит о том, что как простая французская женщина и мать она способна понять переживания всех французенок по поводу угрозы со стороны приезжих). Сочетание этих черт партийной повестки позволяет отнести Национальный фронт/объединение к популистским правым радикалам.

В качестве методологической основы исследования выступает концептуализация праворадикального популизма К. Мюдде, в рамках которой он выделяет три ключевых компонента, свойственных праворадикальным течениям — популизму, авторитаризму и нативизму [Mudde 2007]. В данной статье семейная повестка французских правых рассматривается с использованием методов дискурс-анализа выступлений лидеров и текстов партии сквозь призму трех концепций, предложенных К. Мюдде. В подобной постановке семья предстает ключевым выразителем воли народа, через нее реализуется принцип сохранения упорядоченности общества, она аккумулирует в себе примат прав коренных французов, что выражается как в идейной, так и экономической поддержке института семьи.

При этом повестка правых радикалов, в том числе в отношении семейной повестки, не является статичным явлением. В начале XXI века, особенно после начала миграционного кризиса, многие праворадикальные течения ставят перед собой задачу по демаргинализации своей повестки с целью перемещения с политической обочины в центр большой политики. Современные правые популистские движения оказываются в двоякой ситуации: с одной стороны, они сохраняют ключевые позиции по проблемам миграции, преступности и коррупции, с другой стороны, изменение политического ландшафта вынуждает их обновлять свою программу с целью нормализации своих позиций. Исследовательский интерес в рамках этой тенденции привлекает повестка «Национального объединения» (бывшего «Национального фронта») по вопросам семьи и то, как она используется партией для продвижения антимигрантских позиций.

Меняющиеся традиционные ценности Европы в условиях миграционной угрозы

По мнению Этторе Рекки, существует две модели формирования и поддержки европейской идентичности. Так называемая культурная модель предполагает, что идентичность основывается главным образом на устоявшихся европейских ценностях и их отражении в публичных практиках, прежде всего в управлении и функционировании правовой системы. В рамках данной модели идентификация с Европой происходит «сверху вниз» и возникает в силу воздействия влиятельных дискурсов и символов [Recchi 2012]. Влияние, в свою очередь, может быть оказано на отдельных людей, как в детском, так и в подростковом возрасте. В первом случае основным механизмом вовлечения в европейскую идентичность выступает социализация, а во втором — убеждение и идеологическое воздействие. Структурная модель предполагает, что идентичность основывается на ассоциации с другими европейцами. В рамках этой модели важнейшую роль играет социальное взаимодействие, а идентификация с Европой происходит «снизу вверх», путем межличностной коммуникации и осознания людьми присущих им общих черт. Наиболее значимое влияние на идентичность здесь оказывается во взрослом возрасте, когда человек уже полностью осознает себя в социальных взаимосвязях [Recchi 2012].

Р. Инглхарт и У. Бейкер, анализируя модернизацию ценностной картины общества на рубеже веков, отмечали, что «влияние традиционных систем ценностей вряд ли исчезнет, поскольку системы верований демонстрируют удивительную долговечность и устойчивость. ...Ценности могут меняться и меняются, но они продолжают отражать культурное наследие общества» [Inglehart, Baker 2000: 49]. Несмотря на значительные процессы изменений в общественно-политической и духовной жизни общества, традиционные ценности, тем не менее, сохраняют свою значимость.

Результаты опроса Евробарометра 2007 г. о европейских культурных ценностях могут дать представление о том, какие концепты были и остаются наиболее важными для жителей континента. Наиболее «европейскими» ценностями считаются поддержание мира, уважение к природе и окружающей среде, равенство и солидарность, свобода выражения мнения и толерантность³. При этом в рамках разделяемой европейцами культурной общности существует тренд на признание культурного разнообразия: более 76 % опрошенных согласились с тем, что именно существование этого разнообразия придает европейской культуре уникальный вкус и повышает ее ценность⁴. Последующие исследования Евробарометра показали устойчивость данных тенденций. Вместе с тем активизация консервативных сил, ставшая ответом на вызовы глобализации, привела к витку актуализации тематики традиционных ценностей во многих странах Европы и Америки. Опорными пунктами для европейцев в этом отношении стала равноправная семья, национальные языки и христианская ценностная матрица

³ European Cultural Values. Special Eurobarometer 278. September 2007. P. 77.

⁴ European Cultural Values. Special Eurobarometer 278. September 2007. P. 83.

[Бурмистрова 2020]. Именно эти пункты становятся частью той европейской идентичности, о которой говорят праворадикальные партии Западной Европы. Миграционный кризис стал важным подспорьем в укреплении идей национальной и европейской идентичности, а также способствовал продолжающемуся росту популярности праворадикальных движений. Следует отметить и то, что идея ограничения присутствия мигрантов в Европе находит поддержку у широких слоев населения. Так, по данным опроса Международной организации по миграции 2015 г., 52 % европейцев считали необходимым ограничить количество иммигрирующих в европейские страны⁵; опрос, проведенный Евробарометром в 2018 г., показал, что 40 % европейцев рассматривают иммиграцию скорее как проблему, нежели возможность⁶; отчет Международной организации по миграции, выпущенный в 2020 г., обращает внимание на сохранение антииммигрантских настроений в европейском обществе⁷.

В условиях институционализации прав человека и закрепления их в качестве основной ценности современного мира, победившей сексуальной революции и распространения в рамках глобализационных процессов западных ценностей универсальное значение приобретают ценности демократии, прав человека и равенства полов. Р. Инглхарт и У. Бейкер отмечали, что многие страны находятся в состоянии перехода к рационально-секулярным ценностям и ценностям самовыражения [Inglehart, Baker 2000]. В этих условиях, с одной стороны, консервативные силы в лице политических и общественных движений, церковных организаций могут встать на позицию жесткого отрицания и противодействия распространению теорий, к примеру, гендерного равенства. С другой стороны, подобно современным правым радикалам такие движения могут расширить свою ценностную матрицу и обогатить ее новыми концептами, среди которых, например, защита прав женщин в качестве ведущей ценности европейской культуры.

Разнообразное понимание семьи и традиционных ценностей, связанных с ней в общественном сознании, находит отражение и в европейской политической повестке. Анализ предвыборных программ различных партий в Европе показывает, что концепт «традиционных ценностей» используется утилитарно и зачастую наполняется разным содержанием в зависимости от целей его использования. Варианты концептуализации и актуализации данного понятия в современном политическом процессе зависят от комплекса факторов: национального, регионального и исторического контекста; особенностей партийно-политической борьбы; идеологической ориентации акторов, их использующих. Источником угроз традиционным ценностям также выступают различные факторы, в зависимости от того, что под этими ценностями подразумевается. Так, если речь идет о глубоко религиозных консервативно настроенных польских поли-

⁵ How the world views migration. IOM. 2015. P. 8

⁶ Integration of immigrants in the European Union. Special Eurobarometer 469. URL: <http://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/EuroBarometer-IntegrationOfMigrantsintheEU.pdf> (accessed: 17.02.2022).

⁷ Доклад о миграции в мире 2020 // Международная организация по миграции. 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

тических элитах, то под угрозой будут пониматься в том числе сторонники прав женщин на аборт. Угрозы могут носить и более абстрактный характер: в частности, для французских социал-либералов главной угрозой выступает перспектива размывания национальной культуры и французского языка [Бурмистрова 2020; Вершинина 2018; Вершинина, Тимофеева 2019].

Использование концепта «традиционных ценностей» характерно и для европейских праворадикальных движений, на деятельность которых в западноевропейских странах, таких как Швейцария, Германия и Франция, сильно повлиял миграционный кризис, возникший в 2015 г. В своих манифестах, ставших реакцией на последствия кризиса, Швейцарская народная партия⁸, Альтернатива для Германии⁹ и Народный фронт во Франции¹⁰ говорят о необходимости укрепления нации через «этническое единство» и возвращения к традиционным ценностям. Таким образом, одной из главных целей правых радикалов становится защита «традиционной европейской семьи» от последствий притока иммигрантов, угрожающих правам европейских женщин, несущих с собой ценностную матрицу ислама, которая, по мнению праворадикальных популистов, способна навредить светскому пониманию европейской семьи.

Впрочем, говоря о традиционных ценностях, правые радикалы зачастую сами модернизируются под влиянием тех процессов, которые оказываются объектом их критики: к примеру, часто выступая против «гендерной идеологии» и «гендерного мейнстриминга», французские и немецкие правые стремятся выиграть борьбу за женский электорат и смягчают свою повестку, играя на феминистском поле для достижения этой цели. Женский вопрос начинает использоваться ими с целью расширения антимигрантской риторики. Вопрос о мигрантах оказывается важен для понимания концепта традиционных европейских ценностей. В первую очередь у правых сил активизация иммигрантских сообществ вызывает ощущение угрозы тому, что они понимают под европейскостью. Именно под воздействием внешней угрозы и формулируются те «традиционные» ценности, которые отстаивают современные правые.

Семья как основа нации в риторике французских правых радикалов

Институт французской семьи существенно трансформировался на современном этапе: так, введение гражданских договоров солидарности расширило понимание семьи и позволило включить в нее в том числе людей, живущих вместе вне официального брака; с 2013 г. во Франции были разрешены однополые

⁸ SVP– die Partei für die Schweiz. Parteiprogramm der Schweizerischen Volkspartei 2015–2019. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2018-2/43810_2015.pdf (accessed: 17.02.2022).

⁹ Wahlprogramm Bundestagswahl 2017. Alternative für Deutschland. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2017-2/41953_2017.pdf (accessed: 17.02.2022).

¹⁰ 144 PRÉSIDENTIELS. Engagements présidentiels Marine 2017. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2017-2/31720_2017.pdf (accessed: 17.02.2022).

браки. Но вне зависимости от структуры семьи существуют укоренившиеся в сознании людей ценности, которые имеют отношение к воспитанию детей или отношениям между членами семьи¹¹.

Для идеологии «Национального фронта» одним из краеугольных камней является стремление к сохранению традиции и традиционного уклада жизни. Говоря об основах, на которых держатся государство и народ, Жан-Мари Ле Пен отмечал, что «нация является сообществом с общим языком, интересами, расой, историей и культурой»¹². При этом в качестве основы общества выступает именно институт семьи, без которого существование французской нации оказывается немислимым. По мнению Жана-Мари Ле Пена, только нация и семья «способны гарантировать существование и обеспечить личное счастье французов»¹³.

П. Дэвис отмечал, что для Национального фронта характерна стратегия соотнесения всех вопросов, независимо от их характера, с нацией, ее благополучием и целостностью, такая стратегия является последовательным элементом большей части партийного дискурса [Davies 2012: 25]. В этом русле движется и семейная повестка Национального фронта, «пообещавшего вернуть Францию к славным дням прошлого и единой культуры» [Mudde 2016: 26].

Основным методом спасения нации от внешней угрозы изнутри становится укрепление французской семьи и стимулирование рождаемости. Жан-Мари Ле Пен еще 30 лет назад отмечал, что все население страны «обеспокоено последствиями иммиграции, которая постепенно превращает их в иностранцев в собственной стране»¹⁴. Хотя уровень рождаемости во Франции традиционно находится на относительно высоком для Европы уровне (на протяжении существования партии индекс рождаемости во Франции составлял примерно 1,9)¹⁵, это не мешало Ж.-М. Ле Пену заявлять о том, что главным вызовом остается демографическая проблема, в результате которой «старенный белый мир» будет поглощен «молодым и динамичным третьим миром»¹⁶.

Проблему снижения рождаемости, по мнению Ле Пена, можно было решить двумя способами. Во-первых, необходимо запретить аборт, который Ж.-М. Ле Пен называл «антифранцузским геноцидом» [Marcus 1995: 13]. Во-вторых, использовать финансовые инструменты: «материнское пособие», которое должно было выплачиваться всем женщинам, которые все свое время посвящают семье и воспитанию детей, и в перспективе стимулировать женщину отказываться от построения карьеры в пользу создания семьи.

¹¹ French families — statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/6723/families-in-france/#dossierKeyfigures> (accessed: 26.01.2022).

¹² Le Pen J. M. *La Vraie Opposition*. Paris. Le Front National. 1984. P. 11

¹³ Ibid.

¹⁴ Le Pen J. M. *Les raisons du Front* // *Le Monde*. 8 septembre 1991. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/234924-jean-marie-le-pen-18091991-front-national> (accessed: 26.01.2022).

¹⁵ France Fertility Rate 1950-2022. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/SWE/france/fertility-rate> (accessed: 17.02.2022).

¹⁶ A question of colour, a matter of faith // *The Economist*. November 16, 2002. URL: <https://www.economist.com/special-report/2002/11/16/a-question-of-colour-a-matter-of-faith> (accessed: 17.02.2022).

В 1993 г. Национальным фронтом были разработаны «300 мер для возрождения Франции», в числе которых была необходимость «систематического поощрения и помощи семьям»¹⁷. При этом ценностью признается лишь семья французов. Так, в предвыборной программе 2002 г. отдельный пункт был посвящен необходимости переломить ход миграции. Среди основных мер по ограничению притока мигрантов предлагались установление национальных и европейских предпочтений во всех сферах социальной поддержки (жилье, занятость, социальная помощь) и прекращение воссоединения мигрантских семей¹⁸. Таким образом, широкий спектр мер поддержки, направленный на поддержание института семьи, должен использоваться лишь по отношению к этническим французам. Антимигрантский характер семейной повестки Национального фронта подчеркивается и тем, что в их представлении стимулирование роста населения с помощью экономических и финансовых мер приведет к появлению сильной Франции, которая сможет противостоять внешним врагам.

На протяжении конца 2000-х гг. и в последующем Национальный фронт все свои предложения обобщал под девизом «национального интереса», утверждая, что при любой возможности предпочтение должно отдаваться гражданам страны (под которыми понимались этнические французы), и этот принцип должен быть включен в Конституцию Франции [Stockemer 2017: 29]. При этом ключевое значение для политической повестки Национального фронта, как отмечал Дж. Эванс, сохраняет примат идентичности, опирающийся на исторический опыт и чувство нации [Evans 2016]. В целом можно говорить о том, что такая тенденция характерна и для семейной повестки, в рамках которой семья выступает колыбелью для сохранения и поддержания идентичности французов.

Подобный подход к решению семейного вопроса и рассмотрению французской семьи как единственного защитника, ограждающего нацию от мигрантов, без особых изменений сохранялся до 2011 г. Именно в этом году Марин Ле Пен, сменившая своего отца на посту главы партии, взяла курс на «дедемонизацию» партии. Н. Майер отмечала, что динамика электоральных успехов Национального фронта под руководством Марин Ле Пен может свидетельствовать о том, что модернизация образа партии поспособствовала тому, чтобы смягчить имидж партии и сделать ее авторитетной не только по вопросам иммиграции [Mayer 2013: 161]. Вместе с тем исследователи отмечают, что ключевые позиции партии не претерпели изменений: евроскептицизм, жесткие позиции по поводу национальной безопасности, протекционистская экономическая политика и антимигрантская позиция по-прежнему актуальны для партии, что по-прежнему позволяет относить партию к праворадикальным популистам [Shields 2013; Williams 2011]. Риторика Национального фронта о семье также претерпевает изменения, которые носят, однако, в большей степени демонстративный характер.

¹⁷ 300 mesures pour la renaissance de la France: Front national, programme de gouvernement : l'alternative nationale. Editions nationales. 1993. P. 59.

¹⁸ Le Pen J. M. Pour un avenir français. 2002. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/129981-programme-de-m-jean-marie-le-pen-president-du-front-national-et-candid> (accessed: 26.01.2022).

При сохранении понимания основной роли женщины как матери программа Национального фронта 2012 г.¹⁹ впервые для французских правых концентрировалась на женских свободах, которые были определены совершенно новым образом. Признавая, что гендерное равенство уже достигнуто, программа призывала начать борьбу за право отказаться от работы и от аборта. При этом экономическая повестка в отношении семейной проблематики продолжала логику программ предыдущих лет: часть запланированных Национальным фронтом экономических мероприятий была направлена на поддержку многодетных семей, сохранялась идея родительского дохода для людей, решивших посвятить себя семье и детям. Предпочтение в оказании социальной помощи по-прежнему отводилось этническим французам, однако появилось важное добавление о том, что в приоритете отныне будут находиться также семьи мигрантов из других европейских стран: «...семейные пособия будут предназначены для семей, в которых хотя бы один из родителей — француз или европеец»²⁰.

В июне 2018 г. партия в рамках политики обновления своего образа меняет название — на смену «фронту», ассоциируемому с агрессией и военными конфликтами, приходит «объединение» (*Rassemblement*), связанное с ощущением общегражданской политической демонстрации протеста.

Вместе с дальнейшим обновлением партии было расширено и понимание семейной повестки. Так, отдельное внимание стало уделяться имущественным правам женщин-мусульманок, в связи с дискуссиями о возможности применения исламского права наследования в Европе. Накануне выборов в Европарламент 2019 г. французские правые обращали в своих предвыборных материалах внимание на то, что некоторые французские мусульманки могут быть лишены наследства посредством применения исламского права, что, по их мнению, считается недопустимым²¹. Однако, несмотря на попытки включить в партийный дискурс элементы политики разнообразия, ключевые позиции по семейной повестке не меняются, и она по-прежнему рассматривается как инструмент противостояния мигрантам: «...поскольку выбор стоит между рождаемостью и иммиграцией, давайте без колебаний сделаем выбор в пользу французских семей и рождаемости»²².

Таким образом, правая семейная повестка изменяется. Если раньше семья рассматривалась как единственно возможный вариант развития событий для женщины и на нее возлагалась высокая обязанность защиты нации через создание семьи и воспитание юных французов, то сейчас фокус внимания смещается. Признается, что современная француженка живет в мире альтернатив и ценностей нового гендерного порядка, в котором необходимо защитить ее пра-

¹⁹ Le Pen M. *Mon projet pour la France et les français*. Le Front National. 2012.

²⁰ Le Pen M. *Mon projet pour la France et les français*. Le Front National. 2012. P. 6.

²¹ *Femmes françaises fières de nos libertés!* Rassemblement national. 2019. URL: https://rassemblementnational.fr/telecharger/publications/A4_4_PAGES_JOURNEE_FEMME_2019_HD.pdf (accessed: 31.01.2022).

²² *Congrès de Perpignan: discours de Marine Le Pen*. Rassemblement national. 5 July 2021. URL: <https://rassemblementnational.fr/discours/congres-de-perpignan-discours-de-marine-le-pen/> (accessed: 31.01.2022).

во на создание семьи как от идей феминизма, так и от мигрантов, угрожающих концепции равноправной европейской семьи. При этом на протяжении всего существования Национального фронта главной целью существования и поддержки семьи объявляется защита национальной идентичности.

В целом можно говорить о том, что правые идеи находят во Франции все больше поддержки. Так, согласно опросу Ipsos, проведенному осенью 2021 г.²³, французское общество стало более правым: 44,9 % французов сегодня находятся на правых позициях по сравнению с 42,6 % в ноябре 2015 г. Данные этого опроса также свидетельствуют о том, что 64 % французов считают, что иммигрантов стало слишком много, а 62 % французов больше не чувствуют себя во Франции, как дома. В этих условиях организации правые, подающие себя не как преемники крайне правого радикализма XX века, а как защитники традиционных европейских порядков, в том числе семейных ценностей, имеют все больше шансов на вхождение в политический мейнстрим.

Выводы

Одним из результатов миграционного кризиса стало обращение политических элит к тематике традиционных ценностей. Семья, религия, патриотизм в различных комбинациях и различных трактовках на современном этапе активно используются для привлечения электората, для противопоставления себя угрозе извне. Миграционный кризис позволил праворадикальным популистам сформировать образ врага, подрывающего основы европейских традиций и культуры, и обозначить угрозы, представляющие, на их взгляд, особую опасность для национальной идентичности всех европейских стран.

Французский кейс демонстрирует пример использования семейной повестки как одного из способов противостояния последствиям миграционного кризиса. Традиционная для правых антимигрантская повестка расширяется за счет того, что семейная повестка становится ее частью, семья становится отражением нации, а ее охрана и поддержка способствуют поддержанию национальной идентичности. С точки зрения антимигрантского характера семейной повестки Национального фронта, обращает на себя внимание позиция, согласно которой рост населения этнических французов позволит создать сильную Францию, которая сможет противостоять внешним врагам.

Пересмотр семейной повестки оказывается связан также и со стремлением Марин Ле Пен к демаргинализации своей партии. Меняется не только смысловое наполнение названия партии, но и содержание партийной повестки, а семейная ее часть обогащается новыми компонентами — защитой прав женщин и расширением трактовки семьи, что позволяет партии претендовать на вхождение в политический мейнстрим.

²³ Enquete electorale 2022. Octobre 2021. Ipsos. URL: <https://www.slideshare.net/IpsosFrance/enquete-lectorale-2022-vague-2-octobre-2021> (accessed: 17.02.2022).

Тенденция фокусировать внимание на исключительно французской семье, которая могла свидетельствовать о закрытости по отношению к другим европейским странам социальной повестки французских правых, уходит в прошлое. Национальное объединение расширяет понимание французской семьи за счет включения в нее «родителя-европейца». Благодаря такому изменению в перспективе может быть создана единая семейная повестка европейских правых, защищающая европейскую семью и ее ценности, противостоящие мигрантскому пониманию семейных ценностей. Национальный проект защиты семьи становится частью сохранения общеевропейских ценностей. Таким образом, семейная повестка может стать еще одним кирпичиком в деле объединения праворадикальных сил Западной Европы.

Поступила в редакцию / Received: 21.12.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 19.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 21.02.2022

Библиографический список

- Бурмистрова Е. С.* Старый свет — новые ценности: концепт традиционных ценностей в политических и религиозных дискурсах Западной Европы (на примере Франции и Германии) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 3. С. 297–302. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-3-297-302>
- Вершинина Д. Б.* Семья в фокусе общественно-политических дебатов в современной Ирландии // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 3. С. 127–134.
- Вершинина Д. Б., Тимофеева О. В.* Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX — начала XXI века (на примере вопроса об абортгах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 95–108.
- Betz H. G.* *Radical right-wing populism in Western Europe*. Springer, 1994.
- Davies P.* *The National Front in France: ideology, discourse and power*. Routledge, 2012. 289 p.
- Evans J.* ‘La politique du dehors avec les raisons du dedans’: Foreign and Defence Policy of the French Front National // *Europe for the Europeans*. Routledge, 2016. P. 143–156.
- Inglehart R., Baker W. E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American sociological review*. 2000. Vol. 65, no. 1. P. 19–51.
- Marcus J.* *The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen*. NY, 1995.
- Mayer N.* From Jean-Marie to Marine Le Pen: electoral change on the far right // *Parliamentary Affairs*. 2013. Vol. 66, no. 1. P. 160–178.
- Mudde C.* Europe’s populist surge: A long time in the making // *Foreign affairs*. 2016. Vol. 95, no. 6. P. 25–30.
- Mudde C.* *Populist radical right parties in Europe*. Cambridge: Cambridge university press, 2007.
- Recchi E.* *Transnational Practices and European Identity: Theoretical Foundations, Research Developments and Policy Implications*. EUCROSS Working Paper No. 3. 2012. 12 p.
- Shields J.* Marine Le Pen and the ‘New’FN: A change of style or of substance? // *Parliamentary affairs*. 2013. Vol. 66, no. 1. P. 179–196.
- Stockemer D.* *The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen*. Springer, 2017.
- Williams M. H.* A new era for French far right politics? Comparing the FN under two Le Pens // *Análise social*. 2011. No. 201. P. 679–695.

References

- Betz, H. G. (1994). *Radical right-wing populism in Western Europe*. Springer.
- Burmistrova, E. S. (2020). Old world — new values: the concept of traditional values in political and religious discourses in Western Europe (cases of France and Germany). *Bulletin of Udmurt State University. Sociology. Political science. International Relations*, 4(3), 297–302. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-3-297-302> (In Russian).
- Davies, P. (2012). *The National Front in France: ideology, discourse and power*. Routledge.
- Evans, J. A. (2016). ‘La politique du dehors avec les raisons du dedans’: Foreign and Defence Policy of the French Front National. In *Europe for the Europeans* (pp. 143–156). Routledge.
- Inglehart, R., & Baker, W. E. (2000). Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*, 65(1), 19–51.
- Marcus, J. (1995). *The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen*. NYU Press.
- Mayer, N. (2013). From Jean-Marie to Marine Le Pen: electoral change on the far right. *Parliamentary Affairs*, 66(1), 160–178.
- Mudde, C. (2007). *Populist radical right parties in Europe*. Cambridge: Cambridge university press.
- Mudde, C. (2016). Europe’s populist surge: A long time in the making. *Foreign affairs*, 95(6), 25–30.
- Recchi, E. (2012). Transnational Practices and European Identity: Theoretical Foundations, Research Developments and Policy Implications. *EUCROSS Working Paper No. 3*.
- Shields, J. (2013). Marine Le Pen and the ‘New’ FN: A change of style or of substance? *Parliamentary affairs*, 66(1), 179–196.
- Stockemer, D. (2017). *The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen*. Springer.
- Vershinina, D. B. (2018). Family in social and political debates in contemporary Ireland. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, (3), 127–134. (In Russian).
- Vershinina, D. B., & Timofeeva, O. V. (2019). Women’s issue in a catholic country: trajectories of gender policy in Ireland and Poland in the late 20th and early 21st centuries (on the example of the abortion question). *Perm University Herald. Series History*, (3), 95–108. (In Russian).
- Williams, M. H. (2011). A new era for French far right politics? Comparing the FN under two Le Pens. *Análise social*, 201, 679–695.

Сведения об авторе:

Бурмистрова Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: burmi-k@yandex.ru) (ORCID 0000-0002-4418-8557)

About the author:

Ekaterina S. Burmistrova — Lecturer at Department of History and Archeology, Perm State University (e-mail: burmi-k@yandex.ru) (ORCID 0000-0002-4418-8557)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-234-246

Научная статья / Research article

Испанская праворадикальная партия «Вокс»: роль в формировании региональной повестки в Европейском союзе

И. Л. Прохоренко

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
Москва, Российская Федерация*

 irinapr@imemo.ru

Аннотация. Электоральные успехи «Вокс», ее успешная институциональная и идейно-политическая адаптация к условиям меняющегося партийно-политического ландшафта страны, попытки создать собственные институциональные, организационные, информационные и креативные ресурсы, а также курс на прочный альянс с правоконсервативными силами в Европе и Америке превращают партию во влиятельного актора политического процесса на общеевропейском уровне. На основе пространственного подхода (категории политического пространства и политической идентичности) и дискурс-анализа осмыслены программные установки «Вокс», определено место партии в партийно-политической структуре и медиасфере Испании, выявлена роль «Вокс» в формировании региональной повестки в ЕС. Фокусом исследования стали политические и институциональные аспекты укрепления связей «Вокс» с аналогичными по природе партиями в Евросоюзе на основе партийно-идеологической идентичности и разработки альтернативных проектов европейской интеграции, создания нового идеологизированного формата взаимоотношений Испании (и шире — ЕС) с ибероамериканскими странами. Автор приходит к выводу о структурировании и формальной институционализации пространства коммуникации и политического взаимодействия праворадикальных партийных элит, что несет в себе риски формируемым Евросоюзом макрорегionalной идентичности и метанарратива памяти, а значит, политических разделений в транснациональном политическом пространстве ЕС.

Ключевые слова: Испания, Европейский союз, партия «Вокс», партийная система Испании, правый радикализм, политическая идентичность, партийная идентичность, европейская идентичность, транснациональное политическое пространство ЕС

Для цитирования: Прохоренко И. Л. Испанская праворадикальная партия «Вокс»: роль в формировании региональной повестки в Европейском союзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-234-246>

© Прохоренко И. Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Spanish Far-Right Party “Vox”: Its Role in Shaping of the EU Regional Agenda

Irina L. Prokhorenko

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russian Federation*

 irinapr@imemo.ru

Abstract. The “Vox” party has turned into an influential actor of the European politics due to its electoral success; institutional and ideological adaptation to the country’s changing party landscape; attempts to create its own institutional, organizational, informational, and creative resources; as well as its policy of forming strong alliances with European and American right-wing conservative forces. Based on the spatial approach (categories of political space and political identity) and discourse-analysis, the author tries to comprehend the policy guidelines of “Vox”; determines the place of the party in the political system and the media sphere of Spain; defines the role that “Vox” plays in shaping the regional agenda of the EU. The study focuses on the political and institutional aspects of how “Vox” strengthens its relations with similar EU parties based on partisan and ideological identity, designing alternative projects of European integration, and establishing a new, ideologized format for the relations of Spain (and more broadly — the EU) and the Ibero-American countries. The author concludes about the structuring and the formal institutionalization of communications and political interactions between the far-right political elites which carries risks for the EU’s efforts to create a macropolitical identity and the metanarrative of memory, therefore, potentially leading to political divisions in the EU.

Keywords: Spain, European Union, party “Vox”, Spanish party system, far-right, political identity, party identity, European identity, EU’s transnational political space.

For citation: Prokhorenko, I. L. (2022). Spanish far-right party “Vox”: Its role in shaping of the EU regional agenda. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 234–246. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-234-246>

Введение

Актуальность статьи заключается в изучении феномена и практик сравнительно новой, однако последовательно набирающей популярность у испанских избирателей политической партии «Вокс» («Голос»), которую характеризуют как праворадикальную. Если политическая риторика и программные заявления «Вокс», обращенные к гражданам страны, изучены достаточно хорошо в испанской, англоязычной и отечественной литературе, то деятельности партии на политической арене Евросоюза фактически не уделяется внимания.

Феномен появления и стремительного роста электоральной популярности испанской политической партии «Вокс» (от лат. голос, глас), столь необычный для постфранкистской Испании, привлекает внимание экспертов и политологов. Ответ на вопрос о том, способна ли партия, путь даже никогда не бывшая правительственной, влиять на формирование национальной повестки, понятен и не вызывает научных споров. Ключевым, по мнению автора, может быть вопрос о субъектности «Вокс» на политической арене Европейского союза и в

отношениях с третьими странами, в плане поведения и стратегии Евросоюза как глобального игрока. Если не рассматривать эту проблему с точки зрения, например, политического реализма или структурного функционализма, а применить пространственный подход с его категориями политического пространства и политической идентичности в русле конструктивистской парадигмы [Идентичность... 2017: 349–354, 494–501], можно увидеть формирующиеся буквально на наших глазах организационные поля политической коммуникации «Вокс» с другими праворадикальными партиями в ЕС и за его пределами, прежде всего в Ибероамерике. Анализ властного и общественно-политического дискурса [Jørgensen, Phillips 2002; Aladro Vico, Requeijo Rey 2020; Mancera Rueda, Villar-Hernández 2020] в Испании и ЕС в целом позволяет судить о глубине партийно-идеологических противостояний и размежеваний, которые являются политически значимыми как с точки зрения странового развития, так и динамики европейской интеграции, а также о потенциале использования «Вокс» политической конфликтности в стране и Евросоюзе как ресурса конкуренции и борьбы за продвижение собственного альтернативного политического проекта.

«Вокс»: идентификационные маркеры

Еще сравнительно недавно исследователи праворадикальных и ультраправых партий в Евросоюзе отмечали уникальную особенность Испании среди других государств — членов ЕС, учитывая ее исторический опыт авторитарных правлений в XX в. (военно-монархической диктатуры Primo de Rivera и франкизма). Идеологические наследники франкистской Фаланги не находили поддержки избирателей. Мелкие маргинальные ультраправые партии, появившиеся с начала 2000-х гг. и фактически копирующие лозунги и программные положения французского «Национального фронта»¹, были не в состоянии преодолеть заградительный барьер на всеобщих и автономных парламентских выборах и могли рассчитывать лишь на места в муниципальных советах в малых городах, где возникал конфликт между «старыми» гражданами и инокультурными мигрантами, число которых в стране стремительно увеличивалось [Climent-Sanjuan, Montaner-Goetzenberger 2020].

Создание в 2013 г. партии «Вокс» во многом было обусловлено подъемом регионального партикуляризма и сепаратизма в испанском «государстве автономий» (прежде всего в Каталонии) и стремлением защитить территориальную целостность государства и национально-государственную идентичность. Эти причины лежали также в основе учреждения в 2006 г. левоцентристской партии «Граждане — Партия гражданства» (исп. Ciudadanos). Однако главным было движение двух традиционных влиятельных общенациональных партий страны — Народной партии (НП) и Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), которые заняли доминирующее положение в партийной системе в пост-франкистский период, к центру, следствием чего стали разочарование части пра-

¹ С 2018 г. партия «Национальный фронт» носит название «Национальное объединение».

вого и соответственно левого электората и вакуум власти на крайних флангах левого и правого спектров. Также имели свое значение процессы европейской интеграции, открывшие, с одной стороны, возможность национальным политическим партиям действовать на различных политических аренах, а с другой, — поставившие их перед вызовами европеизации и институциональной адаптации [Прохоренко 2014; Marks, Wilson, Ray 2002]. Следствием европеизации явились усиление влияния партийных элит, аппаратных экспертов по проблемам европейской интеграции, сужение круга вопросов для внутривнутрипартийной дискуссии, фактическое исключение из обсуждения векторов и динамики развития регионального интеграционного проекта. Все эти тренды, характерные для «старых» традиционных партий и в других государствах — членах ЕС, в Испании усиливались глубокими разделениями внутри политического класса по территориальному признаку, по линии центр — периферия.

Партию «Вокс» учредили в подавляющем выходцы из Народной партии, представители в первую очередь отделения НП в Стране Басков, политики разных поколений. Их личный, семейный и профессиональный опыт партийной работы, деятельности в парламентских институтах и органах государственной власти на местах, угрозы, покушения и даже похищения со стороны баскской террористической организации ЭТА, наблюдение изнутри за разногласиями и расколами в НП, эмоциональное восприятие авторитарных тенденций в партии, выстроенной, как и многие другие в стране, по типу «политической семьи», скандалов, связанных с Народной партией, в том числе финансовых и коррупционных², — все это имело следствием инициативу создания новой правоконсервативной партии.

Дальнейшая трансформация партийной системы страны в сторону отчетливой многопартийности под влиянием негативных последствий глобального финансово-экономического кризиса и появление протестной леворадикальной левопопулистской партии «Подemos» (исп. Podemos, «Мы можем!»), выросшей из «Движения 15 мая», или «Движения возмущенных», — испанского варианта “Occupy Wall Street”, еще более укрепила решимость учредителей «Вокс». Теперь лидеры и идеологи «Вокс» видели своей целью защиту Испанию не только от сепаратистов, но и от ультралевых, а также стремящихся вернуть себе прежнее электоральное влияние коммунистов. Демографический переход в Испании, массовая миграция в страну, миграционный кризис в ЕС 2015 г. и одновременное табуирование НП и ИСРП проблемы иммиграции в избирательных кампаниях начиная с 2008 г., негативные эффекты процессов глобализации и боязнь утратить национальные суверенитет и самобытность предопределили положение «Вокс» на политическом ландшафте страны как праворадикальной или даже ультраправой партии [Fernández Suárez 2021]. Это радикально изменило и еще более политизировало и без того жесткое противостояние по линии правые — левые

² Председатель «Вокс» Сантьяго Абаскаль (род. 1976) был сначала советником от Народной партии муниципалитета Льодио в баскской провинции Алава, а затем депутатом автономного парламента Страны Басков. Один из учредителей «Вокс», бывший член Народной партии и служащий пенитенциальной системы страны Хосе Антонио Ортега Лара был похищен и удерживался 532 дня боевиками ЭТА.

в Испании. Продвигаемый «Вокс» политический проект так называемой реконкисты, отвоевания Испании у сепаратистов и прогрессистов, не ограничивается задачами национально-государственного строительства, он также касается всей модели странового развития — экономического, политического, социального, культурного и ценностного, внешнеполитического потенциала страны и нарративов исторической памяти [Rubio-Pueyo 2019; Marcos-Marne, Plaza-Colodro, O'Flynn 2021]. Это политический проект не статичен и развивается на протяжении всего недолгого существования «Вокс».

Несмотря на продолжающиеся в научной литературе споры о природе «Вокс», партия демонстрирует, по мнению автора, сознательный, может быть, не столь заметный и быстрый, отход от ультраправого радикализма и злоупотребления популистскими практиками. Это происходит на фоне очевидных электоральных успехов начиная с 2018 г. и в преддверии очередных всеобщих парламентских выборов, которые должны состояться до конца декабря 2023 г., постепенного превращения в достаточно массовую партию, создания молодежного отделения и аффилированного с «Вокс» профсоюза «Солидарность»³, учреждения партийных сетевого издания “La Gaceta” (“La Gaceta de la Iberosfera”, русск. «Вестник Иберосферы»⁴) и аналитического центра Fundación Disenso, активной планомерной регулярной работы в социальных сетях, например, в Twitter, Telegram и Instagram [Aladro Vico, Requeijo Rey 2020]. Вероятно, в краткосрочном будущем значение в этом плане будут иметь укрепление Народной партии как преимущественно центристской и ее попытки добиться альянса с ИСРП перед угрозой растущей популярности «Вокс». Раскол внутри Народной партии, фактически открытая война между председателем партии Пабло Касадо и главой правительства автономного сообщества Мадрид Исабель Диас Аюсо, завершился избранием Альберто Фейхоа новым лидером партии в апреле 2022 г. Однако по сути раскол не преодолен, что, безусловно, окажет влияние на электоральные позиции НП, а значит, и «Вокс».

Конфликтность в ЕС для продвижения собственной повестки

В отличие от правительственных партий государств — членов Европейского союза, руководство и представители которых присутствуют в различных формированиях Совета ЕС, в его комитетах постоянных представителей и рабочих группах, в Европейском совете и на межправительственных конференциях Союза, «Вокс»

³ Ana Belén Ramos. El sindicato de Vox crece y abre nuevas secciones sindicales en grandes empresas. *El Independiente*, 24.12.2021. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/12/24/el-sindicato-de-vox-crece-y-abre-nuevas-secciones-sindicales-en-grandes-empresas/> (accessed: 12.02.2022).

⁴ Иберосфера — собственный неологизм идеологов «Вокс», обозначающий идентитарное содружество стран и народов Латинской Америки и Карибского бассейна, бывших колоний Испании и Португалии, и иберийских государств, «общность наций и интересов по обе стороны Атлантики, сообщество народов, разделяющих культурное наследие с Испанией и Португалией» (Carta de Madrid: En defensa de la libertad y la democracia en la Iberosfera. Fundación Disenso. URL: Carta de Madrid — Fundación Disenso (fundaciondisenso.org) (accessed: 12.02.2022)).

лишена такой возможности. Поскольку до сих пор, по итогам автономных парламентских выборов, партии также не удавалось сформировать или войти в состав коалиционного регионального правительства, ее представители не могут напрямую взаимодействовать с европейскими институтами и органами через брюссельские офисы регионов, через Комитет регионов, а также косвенно — посредством вхождения в состав национальных делегаций для участия в отдельных формациях Совета ЕС. Последнее предусмотрено Маастрихтским договором, который вступил в силу в 1993 г. для тех государств-членов, где имеется система региональной власти с исполнительными органами, привлекать к участию в работе в Совет ЕС региональных представителей, и Испания воспользовалась этим правом.

Фактически единственной площадкой на уровне ЕС для «Вокс» является Европейский парламент (ЕП). Однако, учитывая растущую роль национальных парламентов в многоуровневом управлении Европейского союза, которую значительно укрепил Лиссабонский договор о реформе 2007 г., у депутатов от «Вокс» в национальном законодательном органе имеется также возможность осуществлять парламентский контроль национальных правительств в рамках Совета ЕС и Европейского совета, проводить, пусть и в ограниченной степени, проверку соблюдения принципа субсидиарности, участвовать в прямом политическом диалоге с Европейской комиссией [Стрежнева 2015].

По итогам выборов в Европейский парламент в мае 2019 г. «Вокс» получила более 6,2 % голосов избирателей и четыре депутатских места из 59, закрепленных за Испанией (всего в ЕП 9-го созыва 705 депутатов)⁵. Все депутаты от «Вокс» вошли в политическую группу Европейских консерваторов и реформистов в ЕП (всего в группе 62 парламентария), аффилированную с Европейской партией консерваторов и реформистов, которая была создана в 2009 г. и в настоящее время объединяет более 40 политических партий на принципах консерватизма, неолиберализма, национального суверенитета, парламентской демократии, частной собственности, индивидуальных свобод и семейных ценностей под слоганом «Свободные люди, свободные государства, свободные рынки»⁶.

В настоящее время даже ультраправые и праворадикальные партии в Евросоюзе не являются жесткими евроскептиками, они не разделяют идею выхода их конкретного государства из состава ЕС, однако готовы предложить собственный альтернативный интеграционный проект, что-то исправить в системе политического и экономического управления в ЕС, изменить Европейский союз изнутри⁷. В этом плане «Вокс», придерживаясь во многом умеренного евроскептицизма, отличается от большей части политических

⁵ Elecciones Europeas 2019. Ministerio del Interior de España, 27.05.2019. URL: <http://elecciones.mir.es/resultadoslocales2019/#/es/eu/resultados/total> (accessed: 12.02.2022).

⁶ European Conservatives and Reformists (ECR) Party. URL: <https://ecrparty.eu/about> (accessed: 11.02.2022).

⁷ Ignacio S. Calleja. Buxadé, eurodiputado de Vox: “No queremos salir de la UE, queremos reformar Europa desde dentro”. ABC, 07.09.2021. URL: https://www.abc.es/espana/abci-buxade-eurodiputado-no-queremos-salir-queremos-reformar-europa-desde-dentro-202107140107_noticia.html (accessed: 12.02.2022).

элит Испании, которые традиционно считаются не просто еврооптимистами, а евроэнтузиастами [Rodriguez-Teruel, Real-Dato, Jerez 2016], выступают за усиление наднационального компонента в ЕС, что, в свою очередь, требует централизации экономического и политического управления на страновом уровне, надеясь тем самым на сдерживание партикуляристских и сецессионистских устремлений регионов.

Лидеры «Вокс» открыто заявляют о своем неприятии идей федерализма и дальнейшей федерализации ЕС («чтобы все решения в ЕС принимались исключительно в Брюсселе»), рассуждают о демократическом дефиците в ЕС, выступают против нелегальной миграции и принципов мультикультурализма в поддержку нативизма и христианских ценностей, которые легли в основу европейской цивилизации, используя инокультурную миграцию как своего рода маркер в разделении на «своих» и «чужих». В стратегическом документе «Повестка дня для Испании», представленном партией в октябре 2021 г., заявляется: «Европейский союз должен стать сообществом свободных наций, которые сотрудничают между собой и объединяют усилия в тех областях, где они могут быть однозначно достигнуты намного быстрее, справедливее и эффективнее сообща, нежели порознь. Это означает уважение суверенитета каждой нации с четко определенными ограничениями на компетенции институтов Евросоюза, которые в настоящее время избыточны и по-новому толкуются Судом ЕС. В планах глобалистов превратить Европейский союз в огромный бюрократический аппарат, далекий от интересов и потребностей государств-членов и приверженный глобалистской повестке, предающей историю, традиции и христианскую идентичность Европы. Нельзя, чтобы Европейский союз существовал отдельно от наций, его составляющих»⁸.

Однако что в силах сделать на общеевропейском уровне политическая партия, за которую на выборах в Европарламент в 2019 г. проголосовали чуть более 6,2 % испанских граждан? Для сравнения: на тех же выборах за партию «Фидес — Венгерский гражданский союз» премьер-министра Венгрии Виктора Орбана отдали свои голоса 52,3 % избирателей на родине, польскую партию «Право и справедливость» поддержали 45,3 % национального электората, в поддержку лидера «Национального фронта» («Национального объединения») Марин Ле Пен выступили 23,31 % французов⁹.

Тем не менее, несмотря на эти цифры количества парламентариев «Вокс» в ЕП, руководству партии удалось весьма эффективно способствовать дальнейшему укреплению межпартийного сотрудничества ультраправых и праворадикальных консервативных сил в Европейском союзе, в котором роль Испании оказалась чрезвычайно заметной. Фактически речь идет о формировании контуров

⁸ Agenda España, P. 33. URL: https://xn--agendaespa-a-beb.es/wp-content/uploads/2021/10/AgendaEspana_VOX.pdf (accessed: 12.02.2022).

⁹ Javier Biosca Azcoiti, Ana Ordaz. Vox, a la cola de la Europa ultraconservadora. *elDiario.es*, 28.05.2019. URL: https://www.eldiario.es/internacional/mapa-vox-partido-europa-ultraconservadora_1_1529943.html (accessed: 12.02.2022).

некоего политического сообщества внутри национальных элит ЕС, объединяющего партийные элиты государств — членов правого и крайне правого фланга¹⁰.

По инициативе и организационными усилиями «Вокс» в январе 2022 г. в Мадриде был созван Саммит патриотов Европы, в котором приняли участие 14 праворадикальных, в том числе правительственных, партий государств — членов ЕС. Тем самым можно говорить о том, что «Вокс» развивает не только пространственные горизонтальные межпартийные связи по типу политических сетей, но и диагональные взаимодействия — с правительствами конкретных стран и прежде всего Вишеградской группы («Вишеградской четверки») в составе Венгрии, Польши, Словакии и Чехии [Scott 2021]. В стенах Европарламента депутаты «Вокс» активно используют конфликт властей ЕС с правительствами Венгрии и Польши по поводу верховенства права, распределения иммигрантов в ЕС, вопросам традиционных семейных ценностей [Кувалдин 2021] и т. д. не только в конкурентной борьбе за влияние на формирование повестки в ЕС, но и для увеличения собственных политических и имиджевых ресурсов.

Евросоюз и Латинская Америка: альтернативный политический проект сотрудничества

Анализ программных положений, выступлений и заявлений лидеров «Вокс» о том, какой должна быть внешнеполитическая стратегия Испании, позволяют сделать вывод о том, что для «Вокс» приоритетными на международной арене являются атлантизм, возвращение Гибралтара под испанский суверенитет, защита испанских эксклавов Сеута и Мелилья на побережье Северной Африки от притязаний Марокко, на чьей национальной территории они расположены, поддержка США в их противостоянии с Китаем, традиционные исторические связи со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Заявляя об особой роли Испании в латиноамериканском регионе, «Вокс» полагает, что «Европейский союз не должен смотреть исключительно в сторону Китая. Испания обязана обеспечить, чтобы институты ЕС эффективно участвовали в защите свободы и демократии наций Иберосферы»¹¹, имея в виду прежде всего общую позицию и инструментарий политики Евросоюза в отношении Кубы и Венесуэлы.

Что касается латиноамериканского вектора внешней политики Испании, то «Вокс» предлагает Испании и Европейскому союзу весьма идеологизированный альтернативный проект политического сотрудничества с латиноамериканскими республиками. Краеугольным камнем проекта является борьба с коммунизмом («наркокоммунизмом» в терминологии «Вокс») в Латинской Америке и продвиже-

¹⁰ Эти контуры еще более ярко проявились на фоне специальной военной операции России на территории Украины в 2022 г. и кризиса беженцев, основные потоки которых направлены именно в страны Вишеградской группы. В свою очередь «Вокс» решительно поддержала направление вооружения и военной техники в Украину (против выступила партия «Подemos»), а также прием Испанией украинских беженцев.

¹¹ Agenda España. P. 36. URL: https://xn--agendaespa-a-beb.es/wp-content/uploads/2021/10/AgendaEspana_VOX.pdf (accessed: 12.02.2022).

ние демократии. Отсюда понятны, в частности, политическая поддержка «Вокс» оппозиционного политика Хуана Гуайдо в Венесуэле в его противостоянии с режимом президента Николаса Мадуро, массовых антиправительственных протестов на Кубе летом 2021 г., консервативного политика Жанин Аньес в ходе политического кризиса в Боливии и отставки президента Эво Моралеса.

«Вокс» разработала и подписала в октябре 2020 г. Мадридскую хартию в защиту свободы и демократии в Иберосфере и учредила на ее основе Мадридский форум в защиту свободы, демократии и правового государства по обеим сторонам Атлантики. Первая региональная встреча в рамках нового форума состоялась в феврале 2022 г. в Боготе (столице Колумбии). По сути, «Вокс» считает неэффективным универсальный проект Ибероамериканского сообщества, который Испания продвигает в Латинской Америке вот уже более полувека, используя ресурсы постимперской идентичности. Так же как и в случае с Европейским союзом, «Вокс» стремится использовать, точнее — «эксплуатировать», политическую конфликтность в регионе в ее партийно-идеологическом измерении в собственных узкопартийных интересах, для реализации своих политических целей. Планируется, что другим важным инструментом распространения влияния «Вокс» в регионе должно стать партийное сетевое издание «Вестник Иберосферы», или просто «Вестник» («Газета»).

Выстраивая свой политический проект в отношении Латинской Америки как своего рода режим транснационального контроля над общественно-политическими процессами, идеологи «Вокс» обращаются к символической политике и политике памяти. Для них заокеанский имперский проект — триумф испанской нации и испанской монархии. Любая критика испанской конкисты в Западной полушарии осуждается как возрождение так называемой черной легенды¹² в новых исторических условиях [Straehle Porrás 2020] международной конкуренции. Но возникает закономерный вопрос, не несет ли подобный проект риски новых политико-идеологических размежеваний в регионе, несмотря на его целеполагание — установление прочной представительной демократии и правового государства во всех латиноамериканских странах. Можно ли будет Европейскому союзу опереться на этот политический проект в своей латиноамериканской стратегии, не будет ли он иметь следствием повышение политической конфликтности в отношениях ЕС с государствами региона? И наконец, не будет ли латиноамериканский проект «Вокс» вести к сокращению ресурсов «мягкой силы» Испании в Ибероамерике?

Заключение

Испанская политическая партия «Вокс», созданная в декабре 2013 г., превратилась за короткое время в третью (а по некоторым опросам — даже во вторую) по значимости политическую силу страны, разработав и предло-

¹² Понятие «черная легенда» ввел испанский историк, социолог и писатель Хулиан Худе-риас в начале XX в. для обозначения попытки выставить в черном свете испанских Габсбургов в XVI в. как врагов Реформации, а католическую Испанию — основательницей инквизиции как института борьбы против инакомыслящих.

жив испанцам и Европейскому союзу альтернативные политические проекты развития и взаимоотношений с третьими странами, в частности с латиноамериканскими государствами.

В основе этих проектов лежит стремление использовать политическую конфликтность в стране, европейском интеграционном объединении или Латинской Америке как регионе приоритетного применения Испанией ресурсов и инструментов «мягкой силы». Несмотря на то, что можно со всей очевидностью наблюдать постепенную организационную адаптацию партии к существующей в стране политической системе и ее постепенное движение от ультраправой к праворадикальной и даже правоконсервативной партии в целях расширения электоральной базы, налицо риски негативной эксклюзивной партийной идентичности «Вокс» для политического пространства Испании и транснационального пространства ЕС. И без того глубокие размежевания между правыми и левыми все более политизируются и дополняются «Вокс» другими делениями — национальными, этническими (этнорасовыми — в отношении нелегальных мигрантов в первую очередь), культурными, гендерными, по вопросам исторической памяти и прочими. Неформальная и формальная институционализация взаимодействия со схожими по природе политическими, в том числе правительственными, партиями других государств — членами ЕС ведет к идеологической и ценностной фрагментации политического сообщества национальных и транснациональных элит Европейского союза как главного субъекта транснационального пространства ЕС и динамики европейской интеграции.

Скандал в Народной партии в феврале 2022 г. в связи с лоббированием главы мадридского правительства Исабель Аюсо контрактов по закупке медицинских масок в Китае в пользу своих родственников, организованная бывшим председателем НП слежка за коллегой по партии¹³ и смена руководства в партии в силах изменить расстановку политических сил за год до всеобщих парламентских выборов, сделав непредсказуемыми их исход. Неясные последствия будут иметь и инициативы лишить легального статуса «Вокс», время от времени высказываемые с разных сторон. Значительные риски ухудшения экономической ситуации в стране несут события в Украине и антиросийские санкции: Испания — один из главных европейских покупателей зерновых и подсолнечного масла из Украины и России, велика также ее зависимость от динамики цен на углеводороды. На этом фоне эмоциональная и порой агрессивная критика «Вокс» коалиционного правительства левых сил может иметь успех среди испанского электората.

Поступила в редакцию / Received: 25.12.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2022

¹³ Natalia Junquera. El factor humano que hizo estallar la guerra en el PP. El País, 20.02.2022. URL: <https://elpais.com/espana/2022-02-20/el-factor-humano-que-hizo-estallar-la-guerra-en-el-pp.html> (accessed: 20.02.2022).

Библиографический список

- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017.
- Кувалдин С. А.* Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 38–48. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-38-48>
- Прохоренко И. Л.* Проблема европеизации национальных политических партий в государствах — членах Европейского союза // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. С. 32–40.
- Стрежнева М. В.* Роль национальных парламентов в управлении Европейским союзом // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-1-52-62>
- Aladro Vico E., & Requeijo Rey P.* Discurso, estrategias e interacciones de Vox en su cuenta oficial de Instagram en las elecciones del 28-A. Derecha radical y redes sociales // Revista Latina de Comunicación Social. 2020. No. 77. P. 203–229. <https://doi.org/10.4185/RLCS-2020-1455>
- Castillo A., and Gil-Barragán J. M.* El poder normativo de España en la constitución de la comunidad iberoamericana. // Methadods. Revista de Ciencias Sociales. 2021. Vol. 9, no. 1. P. 10–26. <https://doi.org/10.17502/mrcs.v9i1.426>
- Climent-Sanjuan V., Montaner-Goetzenberger M.* Los partidos populistas de extrema derecha en España: Un análisis sociológico comparado // Izquierdas. 2020. No. 49. P. 910–931. <https://dx.doi.org/10.4067/s0718-50492020000100248>
- Fernández Suárez B.* Gender and Immigration in Vox. The Discourse of the Radical Right in Spain // Migraciones. 2021. No. 51. P. 241–268. <https://doi.org/10.14422/mig.i51y2021.009>
- Jørgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. London, Thousand Oak, New Delhi: SAGE Publications.
- Mancera Rueda A., Villar-Hernández P.* Analysis of the Discursive Framing Strategies Used in Spanish Press Headlines Regarding the Electoral Coverage of Vox // Doxa Comunicación. 2020. Vol. 31. P. 315–340. <https://doi.org/10.31921/doxacom.n31a16>
- Marcos-Marne H., Plaza-Colodro C., O'Flynn C.* Populism and New Radical-Right Parties: The Case of VOX. Politics. June 2021 [Online]. <https://doi.org/10.1177/026339572111019587> URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/026339572111019587> (accessed: 12.02.2022).
- Marks G., Wilson C. J., and Leonard Ray R.* (2002) National Political Parties and European Integration // American Journal of Political Science. 2002. Vol. 46, no. 3. P. 585–594. <https://doi.org/10.2307/3088401>
- Rodriguez-Teruel J., Real-Dato J., & Jerez M.* But Still Enthusiastic: The Unchanged Europeanness of the Spanish Parliamentary Elite During the Eurozone Crisis // Historical Social Research. Vol. 41, no. 4. P. 214–238. <https://doi.org/10.12759/hsr.41.2016.4.214-238>
- Rubio-Pueyo V.* Vox: A New Far Right in Spain? Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office, 2019. URL: https://rosalux.nyc/wp-content/uploads/2021/01/RLS-NYC_VOX_Spain_EN.pdf (accessed: 12.02.2022).
- Scott J. W.* Visegrád Four Political Regionalism as a Critical Reflection of Europeanization: Deciphering the “Illiberal Turn” // Eurasian Geography and Economics. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/15387216.2021.1972023>
- Straehle Porras E.* El resurgir actual de la Leyenda Negra: entre la historia, la memoria y la política // Pasajes: Revista de pensamiento contemporáneo. 2020. No. 60. October. P. 43–66.

References

- Aladro Vico, E., & Requeijo Rey, P. (2020). Discurso, estrategias e interacciones de Vox en su cuenta oficial de Instagram en las elecciones del 28-A. Derecha radical y redes sociales. *Revista Latina De Comunicación Social*, (77), 203–229. <https://doi.org/10.4185/RLCS-2020-1455> (In Spanish).
- Castillo, A., & Gil-Barragán, J. M. (2021). El poder normativo de España en la constitución de la comunidad iberoamericana. *Methaodos. Revista De Ciencias Sociales*, 9(1), 10–26. <https://doi.org/10.17502/mrcs.v9i1.426> (In Spanish).
- Climent-Sanjuan, V., & Montaner-Goetzenberger, M. (2020). Los partidos populistas de extrema derecha en España: Un análisis sociológico comparado. *Izquierdas*, (49), 910–931. <https://dx.doi.org/10.4067/s0718-50492020000100248> (In Spanish).
- Fernández Suárez, Belén (2021). Gender and Immigration in Vox. The Discourse of the Radical Right in Spain. *Migraciones*, (51), 241–268. <https://dx.doi.org/10.14422/mig.i51y2021.009>
- Jørgensen, M., & Phillips, L. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Thousand Oak, New Dehli: SAGE Publications.
- Kuvaldin S. A. (2021). Linking EU Budget Allocations to the Rule of Law: The Case of Poland and Hungary. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, (2), 38–48. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-38-48> (In Russian).
- Mancera Rueda, A., & Villar-Hernández, P. (2020). Analysis of the Discursive Framing Strategies Used in Spanish Press Headlines Regarding the Electoral Coverage of Vox. *Doxa Comunicación*, 31, 315–340. <https://doi.org/10.31921/doxacom.n31a16>
- Marcos-Marne, H., Plaza-Colodro, C., & O'Flynn, C. (2021). Populism and New Radical-Right Parties: The Case of VOX. Politics. <https://doi.org/10.1177/02633957211019587> Retrieved Feb 12, 2022, from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/02633957211019587>
- Marks, G., Wilson, C. J., & Leonard, R. (2002). National Political Parties and European Integration. *American Journal of Political Science*, 46(3), 585–594. <https://doi.org/10.2307/3088401>
- Prokhorenko I. L. (2014). Problem of Europeanization of National Political Parties in the Member-States of the European Union. *Human. Community. Management*, (3), 32–40 (In Russian).
- Rodríguez-Teruel, J., Real-Dato, J., & Jerez, M. (2016). But Still Enthusiastic: The Unchanged Europeanness of the Spanish Parliamentary Elite During the Eurozone Crisis. *Historical Social Research*, 41(4), 214–238. <https://doi.org/10.12759/hsr.41.2016.4.214-238>
- Rubio-Pueyo, V. (2019). *Vox: A New Far Right in Spain?* Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office. Retrieved February 12, 2022, from: https://rosalux.nyc/wp-content/uploads/2021/01/RLS-NYC_VOX_Spain_EN.pdf
- Straehle Porras, E. (2020). El resurgir actual de la Leyenda Negra: entre la historia, la memoria y la política. *Pasajes: Revista de pensamiento contemporáneo*, 60, 43–66. (In Spanish).
- Scott J. W. (2021). Visegrád Four Political Regionalism as a Critical Reflection of Europeanization: Deciphering the “Illiberal Turn.” *Eurasian Geography and Economics*, 1–22. <https://doi.org/10.1080/15387216.2021.1972023>
- Semenenko, I. S. (Ed.). (2017). *Identity: Person, Society, Policy. Encyclopedia*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Straehle Porras, E. (2020). El resurgir actual de la Leyenda Negra: entre la historia, la memoria y la política. *Pasajes: Revista de pensamiento contemporáneo*, 60, 43–66. (In Spanish).
- Strezhneva, M. V. (2015). The Role of National Parliaments in Governing the European Union. *World Economy and International Relations*, (1), 52–62. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-1-52-62> (In Russian).

Сведения об авторе:

Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-8090-7934)

About the author:

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Political Science, Head of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO) (e-mail: irinapr@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-8090-7934)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-247-267

Научная статья / Research article

Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях

А. А. Малашенкова , О. Г. Харитонова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 angelina9909@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике популизма в латиноамериканских демократиях и путям их эволюции. Авторами определены факторы, влияющие на успех популизма в демократиях Латинской Америки. Для исследования были выбраны 13 кейсов: Аргентина, Чили, Уругвай, Венесуэла, Боливия, Бразилия, Перу, Эквадор, Колумбия, Доминиканская Республика, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас. Сформулированы две гипотезы, согласно которым вероятность победы на выборах популистов увеличивается при низких уровнях политического участия, слабом гражданском обществе, при высоком уровне экономического развития, неравенства и инфляции. Собрана база данных по 65 президентам с 1991 по 2019 г. (377 наблюдений). Для выявления связи между переменными авторы используют метод множественного логистического регрессионного анализа. Независимыми переменными выступают социально-экономические показатели, такие как: уровень гражданского участия, развития гражданского общества, политического участия, экономического неравенства, экономического развития. Результаты анализа позволили выделить две переменные, которые оказывают наиболее заметное влияние на вероятность прихода к власти лидера-популиста: уровень развития гражданского общества и экономического развития. Проведенное исследование позволило подтвердить, что в странах Латинской Америки высокий уровень гражданского участия и развитое гражданское общество могут препятствовать электоральной победе лидеров-популистов.

Ключевые слова: популизм, идеационный подход к популизму, популистская волна в Латинской Америке, лидеры-популисты, социально-экономические факторы популизма, популистская мобилизация, гражданское общество

Для цитирования: Малашенкова А. А., Харитонова О. Г. Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 247–267. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-247-267>

© Малашенкова А. А., Харитонова О. Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31622 «Политические режимы и режимные изменения в контексте «популистской волны».

Populist Presidents and Civil Society on Latin American Democracies

Angelina A. Malashenkova , Oxana G. Kharitonova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 angelina9909@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of populism in Latin American democracies and their evolution. The authors identify the factors leading to the electoral success of populist presidents in Latin American democracies. 13 cases were selected for research: Argentina, Bolivia, Brazil, Chile, Columbia, Dominican Republic, Ecuador, Honduras, Nicaragua, Peru, Uruguay, Venezuela. The authors formulated two hypotheses, according to which the probability of electoral success for populist presidents increases in case of low political participation rates, undeveloped civil society; in case of increasing levels of economic development, inequality and inflation. The dataset includes 377 country/year observations on 65 presidents from 1991 to 2019. The hypotheses were tested by logistic regression analysis. The independent variables for the electoral success of populist presidents were determined as the following: the level of civic participation, the level of the civil society development, political participation, economic inequality, and economic development. The quantitative analysis identified two variables with the most significant impact on the dependent variable, i.e., the civil society index and the level of GDP per capita. The article concludes that in the third-wave Latin American democracies high levels of civil participation and sustainable civil society can hinder the rise of populist leaders.

Keywords: populism, ideational approach to populism, populist wave in Latin America, populist leaders, socio-economic factors of populism, populist mobilization, civil society

For citation: Malashenkova, A. A., & Kharitonova, O.G. (2022). Populist presidents and civil society on Latin American democracies. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 247–267. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-247-267>

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research project № 21-011-31622 «Political regimes and regime changes in the context of the “populist wave”».

Введение

В настоящее время наблюдается рост популизма во всех регионах мира, в том числе в странах Латинской Америки, в которых появление популистских лидеров связывают с неэффективной политикой элит, приводящей к снижению уровня жизни населения и, как следствие, увеличению числа антиправительственных выступлений [Justino, Martorano 2019]. Г. Лопез и И. Ана зафиксиро-

вали значительный рост числа протестов в регионе с середины 2000-х, отметив, что 60 % из них были направлены против исполнительной власти [López, Ana 2017: 93–94].

В данной статье авторы поставили целью выявление факторов успеха лидеров-популистов в демократиях Латинской Америки. Выбор кейсов был сделан в соответствии с теорией волн демократизации С. Хантингтона, согласно которой латиноамериканские страны перешли к демократии в третьей волне демократизации (1974–1991) [Хантингтон 2003]. Для анализа были отобраны 13 кейсов: Аргентина, Чили, Уругвай, Венесуэла¹, Боливия, Бразилия, Перу, Эквадор, Колумбия, Доминиканская Республика, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас. Хронологические рамки анализа определены периодом с 1991 по 2019 г., так как с этого времени наблюдается нарастание популистской волны. В исследовании Дж. Кайл и Л. Гулчин, в период с 1990 по 2018 г. число популистов, находящихся у власти в мире, выросло в пять раз: с четырех до двадцати [Kyle, Gultchin 2018]².

Авторы проводят концептуализацию и операционализацию популизма в странах Латинской Америки. На основе анализа литературы выдвигаются две гипотезы о факторах успеха лидеров-популистов, которые проверяются с помощью метода логистического регрессионного анализа.

Концептуализация и операционализация популизма в странах Латинской Америки

Концептуализации популизма в странах Латинской Америки уделяли внимание как российские [Чернышев 2015; Дабагян 2017; Мартынов 2020; Варенцова 2014; Осколков 2019], так и зарубежные исследователи [Laclau 2005; Germani 1978; De la Torre 2014; Barr 2017; Roberts 2007; Hawkins et al. 2019].

К. Мюдде и К. Ровира Кальтвассер выделяют три основных подхода к концептуализации популизма: идеационный (*ideational*), политико-стратегический и социокультурный [Mudde, Rovira Kaltwasser 2018]. Классическим в рамках идеационного подхода считается определение К. Мюдде, который понимает популизм как «разреженную» (*thin-centered*) идеологию, разделяющую общество на две антагонистические однородные группы, «истинный народ» и «коррупцированную элиту», и основанную на тезисе, что политика должна представлять собой выражение «общей воли» (*volonté general*) [Mudde 2004: 543].

¹ Переход к демократии в Венесуэле отнесен ко второй волне в периодизации С. Хантингтона, однако, по мнению авторов, пакт 1958 г. не соответствовал критериям демократического выбора, поэтому не мог привести к консолидации демократии, о чем свидетельствуют попытки переворотов.

² Необходимо отметить, что Дж. Кайл и Л. Гулчин рассматривали популистов только в демократических и гибридных режимах.

Популизм сложно концептуализировать как отдельную идеологию из-за ее разреженности (*thinness*), обусловленной отсутствием общего исторического или генеалогического референта [Moffitt 2016]. Популизм в этом случае можно представить в качестве вторичной характеристики «насыщенных» идеологий [подробнее см.: Hawkins, Rovira Kaltwasser 2017], которая наслаивается на любые идеологические элементы с целью привлечения более широкого круга сторонников. В данной статье «идея» (идеационный подход) рассматривается как ключевая характеристика «популизма», необходимая и достаточная для его концептуализации. Два других атрибута популизма (персонализм и популистский стиль поведения) по отдельности не являются ни необходимыми, ни достаточными, однако при наложении на ключевую характеристику они добавляют популизму харизматическое и персоналистское измерение (подробнее о попытке о радиальной категоризации популизма см. [Харитоновна, Кудряшова 2022]). В рамках идеационного подхода лежит и антилиберальная парадигма Э. Лакло, согласно которой, популизм является «не онтической, а онтологической категорией, суть которой заключается не в политике или идеологии, а в определенном способе артикулирования социального, политического и идеологического содержания» [Laclau, 2005: 34]. Идея находит отражение в дискурсе, стратегии и риторике политических лидеров.

Именно идеационный подход преобладает в научной литературе, посвященной популизму в странах Латинской Америки [De la Torre 2015; Barr 2017; Roberts 2006; Hawkins et al. 2019], в рамках которого популизм понимается как риторика, используемая для легитимации лидера и обеспечения поддержки общества. Учитывая, что популизм является эмоционально окрашенной реакцией общества на несправедливость со стороны элит, он анализируется через политический дискурс, оппозиционный по отношению к прежней элите и мобилизационный по отношению к народу. Карлос де ла Торре сочетает политико-стратегический и идеационный подходы, определяя популизм как стратегию по завоеванию власти, основанную на демократически обоснованной необходимости вернуть власть ее исходному владельцу — «народу» [De la Torre 2014: 81].

Способ операционализации популизма в Латинской Америке был выбран с опорой на работу С. Рут [Ruth 2018: 360]. Популистом мы считаем лидера, которого минимум три исследователя на основе анализа дискурса охарактеризовали как популиста. Например³, президент Бразилии Жаир Болсонару характеризуется как популист в работах трех авторов [Daly 2019: 18; Kyle, Gultchin 2018: 5; Gontijo, Ramos 2019: 619]. В табл. 1 показаны результаты операционализации на основе анализа литературы, посвященной популизму, политическим изменениям и режимным трансформациям в странах Латинской Америки [Ruth 2018; Levitsky, Loxton 2013; De La Torre 2014; Roberts 2015; Edwards 2019; Hawkins 2010 и др.].

³ Операционализация лидеров в остальных странах, включенных в выборку исследования, проводилась аналогичным образом.

Популистские и непопулистские президенты в 13 странах Латинской Америки

Страна	Лидер	Популист («1» — популист, «0» — непопулист)
Аргентина	Карлос Менем (1989–1999)	1
	Фернандо де ла Руа (1999–2003)	0
	Карлос Менем (2003–2007)	1
	Кристина Киршнер (2007–2015)	1
	Маурисио Макри (2015–2019)	0
Боливия	Гонсало Санчес де Лосада (1993–1997; 2002–2003)	1
	Уго Бансер Суарес (1997–2001)	0
	Хорхе Рамирес (2001–2002)	0
	Карлос Меса (2003–2005)	0
	Эдуардо Родригес Вельце (2005–2006)	0
	Эво Моралес (2006–2019)	1
Бразилия	Фернандо Коллор (1990–1992)	1
	Итамар Франку (1993–1994)	0
	Фернандо Кардозу (1994–2002)	0
	Луис Лула да Силва (2002–2010)	1
	Дилма Русеф (2010–2016)	0
	Мишель Темер Лулиа (2016–2018)	0
	Жаир Болсонару (2018–2021)	1
Венесуэла	Рафаэль Кальдера (1993–1998)	1
	Уго Чавес (1998–2013)	1
	Николас Мадуро (2013–2021)	1
Гондурас	Карлос Рейна (1993–1997)	0
	Карлос Флорес (1997–2001)	0
	Рикардо Мадуро (2001–2005)	0
	Мануэль Селайя (2005–2009)	0
	Порфирио Лобо (2009–2013)	0
	Хуан Эрнандес (2013–2021)	0
Доминиканская Республика	Хоакин Рикардо (1994–1996)	0
	Леонель Фернандес (1996–2000; 2004–2012)	0
	Иполито Мехиа (2000–2004)	1
	Данило Медина (2012–2020)	1

Страна	Лидер	Популист («1» — популист, «0» — непопулист)
Колумбия	Эрнесто Сампер Писано (1994–1998)	0
	Андрес Пастрана (1998–2002)	0
	Альваро Урибе (2002–2010)	1
	Хуан Мануэль Сантос (2010–2018)	0
	Иван Дукэ (2018–2021)	0
Никарагуа	Виолета Бариос де Чаморро	0
	Хосе Лакайо (1997–2002)	0
	Энрике Хосе Боланьос Гейер (2002–2007)	0
	Даниэль Ортега (2007–2021)	1
Перу	Альберто Фухимори (1990–2001)	1
	Александро Толедо (2001–2006)	0
	Алан Гарсия (2006–2011)	1
	Ольянта Умала (2011–2016)	0
	Педро Пабло Кучински (2016–2021)	0
Сальвадор	Армандо Соль (1997–1999)	0
	Франсиско Флорес (1999–2004)	0
	Антонио Сака (2004–2009)	0
	Маурисио Фунес (2009–2014)	0
	Сальвадор Серен (2014–2019)	0
Уругвай	Луис де Эррера (1990–1995)	0
	Хулио Койроло (1995–2000)	0
	Хорхе Ибаньес (2000–2005)	0
	Табаре Васкес (2005–2010)	0
	Хосе Кордано (2010–2015)	0
	Табаре Васкес (2015–2020)	1
Чили	Рикардо Лагос (1993–2006)	1
	Мишель Бачелет (2006–2010; 2013–2017)	1
	Себастьян Пиньера (2010–2013; 2017–2021)	0
Эквадор	Сиксто Дюран-Бальен (1992–1996)	0
	Абадала Букарам (1996–1998)	1
	Хамиль Мауад (1998–2002)	1
	Лусио Гутьеррес (2002–2006)	1
	Рафаэль Корреа (2006–2017)	1
	Ленин Морено (2017–2021)	0

Источник: составлено авторами.

Populist and non-populist presidents in 13 Latin American countries

Country	President	Populism («1» — populist, «0» — non populist)
Argentina	Carlos Menem (1989–1999; 2003–2007)	1
	Fernando de la Rúa (1999–2003)	0
	Cristina Kirchner (2007–2015)	1
	Mauricio Macri (2015–2019)	0
Bolivia	Gonzalo Sánchez de Lozada (1993–1997; 2002–2003)	1
	Hugo Banzer Suárez (1997–2001)	0
	Jorge Ramírez (2001–2002)	0
	Carlos Mesa (2003–2005)	0
	Eduardo Rodríguez Veltzé (2005–2006)	0
	Evo Morales (2006–2019)	1
Brazil	Fernando Collor (1990–1992)	1
	Itamar Franco (1993–1994)	0
	Fernando Cardoso (1994–2002)	0
	Luiz Inácio Lula da Silva (2002–2010)	1
	Dilma Rousseff (2010–2016)	0
	Michel Temer Lulia (2016–2018)	0
	Jair Bolsonaro (2018–2021)	1
Venezuela	Rafael Caldera (1993–1998)	1
	Hugo Chávez (1998–2013)	1
	Nicolás Maduro (2013–2021)	1
Honduras	Carlos Reina (1993–1997)	0
	Carlos Flores (1997–2001)	0
	Ricardo Maduro (2001–2005)	0
	Manuel Zelaya (2005–2009)	0
	Porfirio Lobo (2009–2013)	0
	Juan Hernández (2013–2021)	0
Dominican Republic	Ricardo Joaquín (1994–1996)	0
	Leonel Fernández (1996–2000; 2004–2012)	0
	Hipólito Mejía (2000–2004)	1
	Danilo Medina (2012–2020)	1

Country	President	Populism («1» — populist, «0» — non populist)
Colombia	Ernesto Samper Pizano (1994–1998)	0
	Andrés Pastrana (1998–2002)	0
	Álvaro Uribe (2002–2010)	1
	Juan Manuel Santos (2010–2018)	0
	Iván Duque (2018–2021)	0
Nicaragua	Violeta Barrios Torres de Chamorro (1990–1997)	0
	José Lacayo (1997–2002)	0
	Enrique José Bolaños Geyer (2002–2007)	0
	Daniel Ortega (2007–2021)	1
Peru	Alberto Fujimori (1990–2001)	1
	Alejandro Toledo (2001–2006)	0
	Alan García (2006–2011)	1
	Ollanta Humala (2011–2016)	0
	Pedro Pablo Kuczynski (2016–2021)	0
El Salvador	Armando Sol (1997–1999)	0
	Francisco Flores (1999–2004)	0
	Antonio Saca (2004–2009)	0
	Mauricio Funes (2009–2014)	0
	Salvador Cerén (2014–2019)	0
Uruguay	Luis de Herrera (1990–1995)	0
	Julio Coirolo (1995–2000)	0
	Jorge Ibáñez (2000–2005)	0
	Tabaré Vázquez (2005–2010)	0
	José Cordano (2010–2015)	0
	Tabaré Vázquez (2015–2020)	1
Chile	Ricardo Lagos (1993–2006)	1
	Michelle Bachelet (2006–2010; 2013–2017)	1
	Sebastián Piñera (2010–2013; 2017–2021)	0
Ecuador	Sixto Durán-Ballén (1992–1996)	0
	Abdalá Bucaram (1996–1998)	1
	Jamil Mahuad (1998–2002)	1
	Lucio Gutiérrez (2002–2006)	1
	Rafael Correa (2006–2017)	1
	Lenín Moreno (2017–2021)	0

Source: compiled by authors.

Факторы популизма в латиноамериканских странах

Многие исследователи, работающие в рамках структурного подхода к анализу популизма, подчеркивают значимость социально-экономических условий популизма [Guriev 2018; Ocampo 2019; Kyle, Mounk 2018]. Ряд авторов выявляют влияние таких факторов, как уровень гражданского участия [Макаренко 2017; Avritzer 2004; Feinberg, Waisman, Zamosc 2006] и степень автономии гражданского общества [Dagnino 2011].

По мнению Б. И. Макаренко, развитое гражданское общество «не является надежной «прививкой» от популизма, однако служит его ограничителем» [Макаренко 2017: 16]. Согласно матрице популизма К. Робертса, высокий уровень организации гражданского общества приводит к появлению «органического популизма»⁴ и «лейбористского популизма»⁵, низкий — «партийного» либо «электорального популизма»⁶ [Roberts 2006: 131].

К. Хокинс считает, что популизм появляется в результате «значительных политических провалов, подрывающих легитимность политической системы как в нормативном плане, так и по существу» [Hawkins 2010:161]. По мнению К. Робертса, популистские волны в Латинской Америке происходят в периоды институциональных кризисов, упадка или транзита, когда политические институты не могут удержать или направить политическую мобилизацию» [Roberts 2007: 4].

Вследствие особенностей латиноамериканской политической культуры социальные движения и политическое участие часто вдохновляются «сверху» с целью получения дополнительной поддержки. Согласно Р. Янсону, популизм неотделим от метода его осуществления — мобилизации, поэтому он понимает популизм как «популистскую мобилизацию, сочетающую популистскую антиэлитарную, националистическую риторику и мобилизацию маргинализированных слоев на продолжительные протестные действия» [Jansen 2015: 181]. Для такой мобилизации необходим популистский лидер, который «может конвертировать настроения в логичный эмоционально заряженный дискурс» [Hawkins et al. 2019: 196]. Фокус на маргинализированные слои отличает латиноамериканский популизм от европейского [Rovira Kaltwasser 2015], что проявилось в так называемых «бунтах нищеты» в поддержку антинеолиберального популизма левой волны.

Классическое исследование популизма Дж. Джермани [Germani 1978] рассматривает популизм как этап модернизации Латинской Америки, харак-

⁴ Органический популизм отличают высокий уровень организации гражданского общества и партии. Например, массовая Национально-революционная партия и массовые организации в Мексике при Карденасе.

⁵ При лейбористском популизме высокий уровень организации гражданского общества опережает партийное строительство, поэтому профсоюзы становятся главным инструментом электоральной борьбы. Например, Х. Перон больше полагался на неформальные движения, чем на партии.

⁶ Электоральные популисты не используют организации для мобилизации поддержки и рассчитывают на прямую связь между лидером-популистом и электоратом, полагаясь на харизму и ораторские способности. Среди них Х. Веласко Ибарра и А. Фухимори.

теризующийся социальной мобилизацией и инкорпорацией в политический процесс ранее исключенных масс. Согласно модернизационному подходу, экономическое развитие приводит к неравенству и, как следствие, социальному недовольству, поэтому популисты привлекают «неудачников модернизации» (*Modernisierungsverlierer*) [Rovira Kaltwasser 2015].

При высоком уровне экономического развития политический режим любого типа с большей вероятностью сохранится [Przeworski, Limongi 1997: 179], но при экономических кризисах угрозе распада наиболее подвержены новые неконсолидированные демократии. Экономический кризис может способствовать успеху популизма [Margalit 2019], так как стимулирует популистские настроения [Hawkins et al. 2019: 262]. Как считает И. Уолкер, популизм представляет «короткий путь к развитию и демократии через мгновенное удовлетворение социальных требований, создавая видимость эффективного решения проблем бедности и неравенства» [Walker 2008: 12]. Как считает С. Гуриев, «популизм связан с неравенством и перераспределением» [Guriev 2018: 202], причем «неравенство может быть как справедливым, выступая следствием навыков и усилий, так и несправедливым — неравенство возможностей в результате действия экзогенных факторов» [Ibid.]. В результате качественного сравнительного анализа (QCA) популизма Р. Барр сделал вывод, что экономические условия не являются ни необходимыми, ни достаточными для объяснения популизма в странах Латинской Америки (Barr 2017: 60). Исследование К. Хокинса выявило, что высокий уровень восприятия коррупции увеличивает вероятность прихода к власти популистов при любом уровне экономического роста [Hawkins 2010]. С. Гуриев также выявляет наличие связи между восприятием коррупции и неодобрением действующих лидеров [Guriev 2018: 202].

В рамках настоящего исследования авторы выдвигают две гипотезы о факторах успеха популистов на президентских выборах.

Первая гипотеза сформулирована следующим образом: чем ниже уровень политического участия и развития гражданского общества, тем больше вероятность победы популистов. Уровень политического участия операционализируется через индекс гражданского участия, а степень развития гражданского общества — через индекс гражданского общества. Данные по всем индексам берутся из базы данных «Разновидности демократии» (*Varieties of Democracy project — V-Dem*)⁷. В качестве контрольной переменной используются ВВП на душу населения и уровень инфляции. Вторая гипотеза гласит: чем выше уровень неравенства и инфляция в стране, тем больше вероятность прихода к власти лидера-популиста.

⁷ См.: Varieties of Democracy Project. 2021. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 02.05.2020); Pemstein D., Marquardt K. L., Tzelgov E, Wang Y., Medzihorsky J., Krusell J. Miri F., Von Römer J. The V-Dem Measurement Model: Latent Variable Analysis for Cross-National and Cross-Temporal Expert-Coded Data, V-Dem Working Paper No. 21, 6th edition // University of Gothenburg: Varieties of Democracy Institute. 2021. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 02.05.2020).

Причины успеха президентов-популистов в Латинской Америке: количественный анализ данных

Для проверки поставленных гипотез был выбран метод логистического регрессионного анализа, в котором в качестве зависимой переменной выступала фиктивная переменная «Популизм». В качестве зависимых переменных были взяты «Индекс гражданского участия», «Индекс гражданского общества», «ВВП на душу населения», «Уровень инфляции»⁸, «Уровень экономического неравенства» (коэффициент Джини). Описательные статистики по всем переменным базы данных по 13 странам (1991–2019) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описательные статистики для переменных

Переменная	Число наблюдений	Среднее значение переменной	Минимальное значение переменной	Максимальное значение переменной	Источник данных
Популизм (бинарная переменная)	377	0.49	0	1	Таблица 1
Индекс гражданского участия	377	0.76	0.29	0.96	V-Dem
Индекс гражданского общества	377	0.80	0.15	0.97	V-Dem
ВВП на душу населения	364	9885.57	2114.69	22104.77	V-Dem
Уровень инфляции	260	37.39	-1.167	2075.83	V-Dem
Индекс гражданских свобод	377	2.91	1	6	V-Dem
Уровень экономического неравенства (коэффициент Джини)	377	49.43	0	68.1	V-Dem

Источник: база данных 13 латиноамериканских демократий (1991–2019) составлена на основе базы V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1 // Varieties of Democracy Project. 2021. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 05.11. 2021).

⁸ Один из способов оценки экономического развития является анализ уровня инфляции [Lucas 2000].

Descriptive statistics

Variable	The number of observations	Mean	Min	Max	Data source
Populism (binary)	377	0.49	0	1	Table 1
Civil participation index	377	0.76	0.29	0.96	V-dem
Civil society index	377	0.80	0.15	0.97	V-dem
GDP per capita	364	9885.57	2114.69	22104.77	V-dem
Inflation	260	37.39	-1.167	2075.83	V-dem
Civil freedom index	377	2.91	1	6	V-dem
Gini coefficient	377	49.43	0	68.1	V-dem

Source: dataset of 13 Latin American democracies (1991–2019) was compiled on the basis of data from V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1 // Varieties of Democracy Project. 2021. Retrieved November 5, 2021, from <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 05.11. 2021).

Для проверки первой гипотезы были построены модели 1–3 (табл. 2). В качестве независимых переменных первой модели выступают индекс гражданского участия, индекс гражданского общества, уровень ВВП на душу населения и уровень инфляции⁹. Однако недостатком модели 1 стало отсутствие данных по уровню инфляции в базе V-Dem с 2011 г., что значительно снизило число наблюдений (с 364 до 260). По этой причине была построена модель 2 без учета переменной «Инфляция». Исключив переменную «Инфляция», авторы расширили число переменных, связанных с социальными факторами, включив в исследование уровень гражданских свобод, данные о котором со ссылкой на Дом свободы (Freedom House)¹⁰ предоставляет база данных V-Dem¹¹. Гражданские свободы могут рассматриваться не только как социальный фактор, но и как институциональный, зависящий от уровня открытости политического режима и политической системы в целом [Mainwaring et al. 2001: 44]. В рамках демократических систем популизм обычно рассматривается в качестве угрозы демократии [Weyland 2020], отката от демократии (democratic “backsliding”) [Peters, Pierre 2020: 931], проявляющегося в уменьшении политических и гражданских свобод. Согласно Б. Бугаричу, популизм «подрывает суть либеральной демократии, нарушая свободу СМИ и ущемляя гражданские и политические свободы, поэтому демократический популистский режим деградирует в сторону недемократического и авторитарного» [Bugaric, 2019, p. 390]. Уменьшение политических свобод, таким образом, может рассматриваться как следствие прихода к власти популистов.

⁹ V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1 // Varieties of Democracy Project. 2021. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 05.11. 2021).

¹⁰ Freedom in the world. Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (accessed: 05.04. 2021).

¹¹ V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11.1 // Varieties of Democracy Project. 2021. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemds21> (accessed: 05.05. 2021).

Следует отметить и иную точку зрения, согласно которой популизм приводит «к обновлению и „пробуждению“ конвенциональной политики, преодолению демократической энтропии и дефицита» (подробнее см. [Казаринова 2017]).

В данном исследовании предполагается, что при низком уровне гражданских и политических свобод ограничивается и уровень гражданского участия, что создает более благоприятные условия для прихода к власти популистов. С учетом данного предположения для составления третьей модели были выбраны следующие переменные: индекс гражданского участия, индекс гражданского общества, индекс гражданских свобод, уровень ВВП на душу населения.

Вторая гипотеза в качестве независимых переменных включает «Уровень инфляции» и «Уровень экономического неравенства (коэффициент Джини)». Для проверки гипотезы были построены модели 4 и 5. В связи с отсутствием части данных по фактору инфляции авторы провели повторный множественный регрессионный анализ, исключив данную переменную из модели. Для оценки экономического положения страны взят показатель уровня ВВП на душу населения.

Таблица 3

Результаты логистического регрессионного анализа факторов успеха популизма в Латинской Америке в 1991–2019 гг.

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Индекс гражданского участия	-8.743*** (-4.18)	-2.529 (-1.74)	-2.434 (-1.67)	—	—
Индекс гражданского общества	1.771 (1.06)	-3.474** (-2.72)	-3.060* (-2.29)	—	—
ВВП на душу населения	0.000283*** (6.80)	0.000182*** (6.75)	0.000196*** (6.36)	—	0.000117*** (4.67)
Уровень инфляции	0.0000115 (0.02)	—	—	-0.000104 (-0.15)	—
Индекс гражданских свобод	—	—	0.176 (0.96)	—	—
Уровень экономического неравенства (коэффициент Джини)	—	—	—	-0.0647* (-2.48)	-0.0204 (-0.97)
Константа	2.651* (2.51)	2.926*** (3.67)	1.883 (1.41)	3.225* (2.41)	-0.183 (-0.16)
Число наблюдений	260	364	364	260	364
P	0.000	0.000	0.000	0.038	0.000
Псевдо R ²	0.2170	0.1518	0.1537	0.0182	0.0708
Логарифмическое правдоподобие	-140.88725	-213.92212	-213.46173	-176.67008	-234.35554

Источник: составлено авторами. Зависимая переменная — приход лидеров-популистов к власти.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

**Logistic regression analysis results of the causes
of electoral success of populists, 1991–2019**

Variables	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5
Civil participation index	-8.743*** (-4.18)	-2.529 (-1.74)	-2.434 (-1.67)	—	—
Civil society index	1.771 (1.06)	-3.474** (-2.72)	-3.060* (-2.29)	—	—
GDP per capita	0.000283*** (6.80)	0.000182*** (6.75)	0.000196*** (6.36)	—	0.000117*** (4.67)
Inflation	0.0000115 (0.02)	—	—	-0.000104 (-0.15)	—
Civil freedom index	—	—	0.176 (0.96)	—	—
Gini coefficient	—	—	—	-0.0647* (-2.48)	-0.0204 (-0.97)
Constant	2.651* (2.51)	2.926*** (3.67)	1.883 (1.41)	3.225* (2.41)	-0.183 (-0.16)
Observations	260	364	364	260	364
P	0.000	0.000	0.000	0.038	0.000
Pseudo R ²	0.2170	0.1518	0.1537	0.0182	0.0708
Log likelihood	-140.88725	-213.92212	-213.46173	-176.67008	-234.35554

Source: compiled by authors, electoral success of populists as a dependent variable.

Проведенный анализ продемонстрировал значимость всех пяти моделей. Переменная «ВВП на душу населения» обладает значимостью в четырех моделях (1, 2, 3, 5), что подтверждает гипотезу относительно влияния экономических факторов на вероятность прихода к власти лидеров-популистов в странах Латинской Америки. Значимой также является переменная «Индекс гражданского участия» в модели 1, однако при увеличении числа наблюдений в моделях 2 и 3 переменная становится незначимой. Это может быть связано с тем, что после 2011 г. (именно с этого года отсутствуют данные по инфляции) уровень гражданского участия в среднем по странам Латинской Америки изменялся незначительно. Переменная «Индекс гражданского общества» сохраняет значимость в двух моделях с числом наблюдений 364, что подтверждает гипотезу о роли социальных факторов. Переменная «Уровень экономического неравенства (коэффициент Джини)» обладает значимостью в одной модели из двух: при увеличении числа наблюдений за счет замены переменной «Инфляция» на «ВВП на душу населения» в Модели 5 значимость теряется, что также говорит о том, что в последние годы уровень неравенства в исследуемых странах менялся незначительно.

Первая модель обладает наибольшим объяснительным потенциалом с учетом высокого значения псевдо R-квадрата, однако уменьшение числа наблюдений до 260 не позволяет использовать модели 1 и 4 для точного прогнозиро-

вания вероятности прихода к власти лидеров-популистов. Анализ результатов моделей 2, 3, 5 дает основания предположить, что экономический фактор, выраженный в данном исследовании переменной «ВВП на душу населения», играет значительную роль при оценке вероятности прихода к власти лидера-популиста в странах Латинской Америки.

Значимой в моделях 2 и 3 оказалась переменная «Индекс гражданского общества». Направление связи говорит о том, что при низком уровне развития гражданского общества вероятность прихода к власти лидеров-популистов в Латинской Америке выше. Модель 5, в рамках которой авторы анализировали зависимость популизма от экономических факторов без учета социальных, не выявила значимых переменных.

Таким образом, проследив направление связи между переменными, авторы пришли к выводу, что в странах Латинской Америки гражданское участие и устойчивое гражданское общество являются препятствием для прихода к власти лидеров-популистов, при том что вероятность прихода к власти лидера-популиста сохраняется даже при высоком ВВП на душу населения. Результаты анализа позволили выделить две переменные, которые оказывают наиболее заметное влияние на вероятность прихода к власти лидера-популиста: индекс гражданского общества и уровень ВВП на душу населения. На основании проведенных подсчетов можно спрогнозировать зависимость ключевой переменной исследования от данных факторов. Результаты прогнозирования в виде графиков (рис. 1, 2).

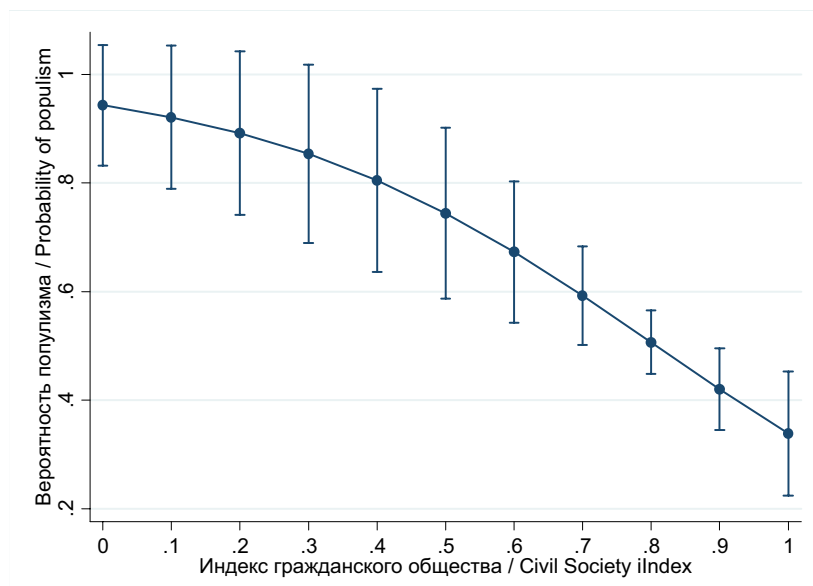

Рис. 1. Вероятность прихода к власти лидера-популиста в зависимости от индекса гражданского общества

Источник: составлено авторами на основе результатов регрессионного анализа. На графике показан 95 % доверительный интервал.

Fig. 1. Probability of populist leader's electoral success and civil society index

Source: compiled by the authors based on the results of regression analysis. The graph shows a 95 % confidence interval.

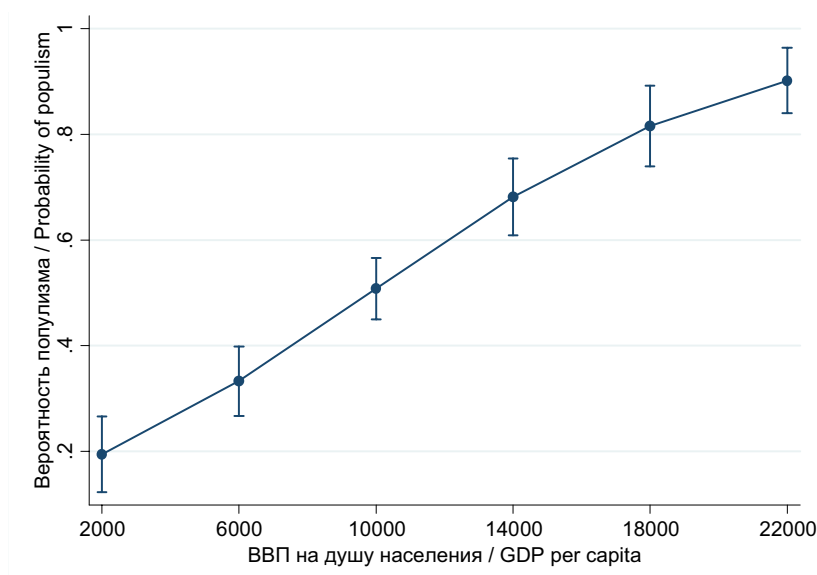

Рис. 2. Вероятность прихода к власти лидера-популиста в зависимости от ВВП

Источник: составлено авторами на основе результатов регрессионного анализа.

На графике показан 95 % доверительный интервал.

Fig. 2. Probability of populist leader's electoral success and GDP

Source: compiled by the authors based on the results of regression analysis.

The graph shows a 95 % confidence interval.

Проведенный анализ демонстрирует, что вероятность прихода к власти популистов в странах Латинской Америки снижается с повышением индекса гражданского общества и возрастает с увеличением уровня ВВП на душу населения. Прогноз был составлен на основе данных парного регрессионного анализа, согласно которому уменьшение значения переменной «Индекс гражданского участия» на единицу повышает вероятность прихода к власти лидера-популиста в странах Латинской Америки на 5 %. Между уровнем ВВП на душу населения и вероятностью прихода к власти популиста подтвердилась прямая зависимость: вероятность повышается на 1 % при изменении данной переменной на одну единицу.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить степень влияния социально-экономических факторов на успех популизма в Латинской Америке и спрогнозировать вероятность прихода к власти лидеров-популистов. Для проверки поставленных гипотез авторами было предложено пять моделей, из которых наиболее эффективной оказалась модель, объясняющая вероятность прихода к власти популистов через влияние индекса гражданского участия, индекса гражданского общества и уровня ВВП на душу населения. На основе анализа 13 кейсов в период с 1991 по 2019 г. авторы пришли к выводу, что в странах Латинской Америки гражданское участие и устойчивость гражданского общества могут стать препятствием для прихода к власти лидеров-популистов, хотя вероятность прихода к власти лидера-популиста сохраняется при любом

уровне ВВП на душу населения. Однако только качественные исследования отдельных страновых случаев помогут объяснить и скорректировать полученные выводы.

Поступила в редакцию / Received: 29.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 14.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 20.02.2022

Библиографический список

- Варенцова О. Б.* Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>
- Дабагян Э. С.* Массовые социальные протесты как политический фактор // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН, 2017. С. 185–203.
- Казаринова Д. Б.* Популизм и глобальный порядок // Политика постправды в современном мире / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 93–97.
- Макаренко Б.* Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2017. № 1–2 (124). С. 15–27. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2017-00001>
- Мартынов Б. Ф.* Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 19–29.
- Осколков П. В.* Правый популизм в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН, 2019.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
- Харитонова О. Г., Кудряшова И. В.* Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. 2022. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/1031249/poln/2022.01.10>
- Чернышев А. Л.* Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки // Латинская Америка. 2015. № 9. С. 73–80.
- Avritzer L.* Civil Society in Latin America: uncivil, liberal and participatory models // Glasius M., Lewis D. and Seckinelgin H. (eds.). Exploring Civil Society: Political and Cultural Contexts. Abingdon: Routledge, 2004. P. 47–53.
- Barr R. R.* The resurgence of populism in Latin America. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc. 2017.
- Bugaric B.* The two faces of populism: Between authoritarian and democratic populism // German law journal. 2019. Vol. 20. P. 390–400. <https://doi.org/10.1017/glj.2019.20>
- Dagnino E.* Civil Society in Latin America // M. Edwards (ed.). The Oxford Handbook of Civil Society. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 122–133.
- Daly T.* Populism, public law, and democratic decay in Brazil: understanding the rise of Jair Bolsonaro // SSRN Electronic Journal. 2019. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3350098>. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3350098 (accessed: 02.02.2022).
- De la Torre C.* Populism in Latin American politics // Research in Political Sociology. 2014. Vol. 22. P. 79–100. <https://doi.org/10.1108/S0895-993520140000022003>
- The Promise and Perils of Populism. Global Perspectives / De la Torre C. (ed.). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 2015.
- Edwards S.* On Latin American populism, and its echoes around the world // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33, no. 4. P. 76–99. <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.76>

- Feinberg R., Waisman C., Zamosc L.* Civil society and democracy in Latin America. Basingstok: Palgrave McMillan, 2006.
- Germani G.* Authoritarianism, Fascism, and National Populism. New Brunswick: Transaction books, 1978.
- Gontijo C., Ramos L.* Caesarism, Populism, and the 2018 Election in Brazil // *Capital & Class*. 2019. Vol. 44, no. 4. P. 617–632. <https://doi.org/10.1177/0309816819884670>
- Guriev S.* Economic Drivers of Populism // *AEA Papers and Proceedings*. 2018. Vol. 108. P. 200–203. <https://doi.org/10.1257/pandp.20181123>
- Hawkins K. A.* Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. N. Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Hawkins K., Rovira Kaltwasser C.* The Ideational Approach to Populism // *Latin American Research Review*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 513–528. <https://doi.org/10.25222/larr.85>
- Hawkins K., Carlin R. E., Littvay L., Rovira Kaltwasser C.* The Ideational Approach to Populism. Concept, Theory, and Analysis. Abingdon: Routledge, 2019.
- Jansen R.* Populist mobilization. A New Theoretical Approach to Populism // *The Promise and Perils of Populism. Global Perspectives / De la Torre C. (ed.)*. Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 2015. P. 159–188
- Justino P., Martorano B.* Redistributive Preferences and Protests in Latin America // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 63, no. 9. 2019. P. 2128–2154. <https://doi.org/10.1177/0022002719827370>
- Kyle J., Gultchin L.* Populists in Power Around the World. 2018. URL: <https://institute.global/insight/renewing-centre/populists-power-around-world> (accessed: 02.02.2022)
- Kyle J., Mounk Y.* The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment — 2018. URL: <https://institute.global/policy/populist-harm-democracy-empirical-assessment>
- Kyle J., Meyer B.* High Tide? Populism in Power, 1990–2020. 2020. URL: <https://institute.global/policy/high-tide-populism-power-1990-2020> (accessed: 02.02.2022).
- Laclau E.* Populism: What's in a Name? // *Panizza F. (ed.)*. Populism in the mirror of democracy. L. N. Y., Verso, 2005. P. 32–49.
- Levitsky S., Loxton J.* Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes // *Democratization*. 2013. Vol. 20, no. 1. P. 107–136. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- López G., Ana I.* Legislative Coalition Size and Antigovernment Protests in Latin America // *Journal of Politics in Latin America*. 2017. Vol. 9, no. 3. P. 91–120. <https://doi.org/10.1177/1866802X1700900304>
- Lucas R. E.* Some macroeconomics for the 21st century // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14, no. 1. P. 159–168. <https://doi.org/10.1257/jep.14.1.159>
- Mainwaring S., Brinks D., Pérez-Liñán A.* Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999 // *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36, no. 1. P. 37–65. <https://doi.org/10.1007/BF02687584>
- Margalit Y.* Economic Insecurity and the Causes of Populism, Reconsidered // *Journal of Economic Perspectives*. 2019. Vol. 33, no. 4. P. 152–70. <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.152>
- Moffitt B.* The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation. Stanford: Stanford University Press, 2016.
- Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39, no. 4. P. 541–563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C.* Studying populism in comparative perspective: Reflections on the contemporary and future research agenda // *Comparative political studies*. 2018. Vol. 51, no. 13. P. 1667–1693. <https://doi.org/10.1177/0010414018789490>
- Ocampo E.* The Economic Analysis of Populism: A Selective Review of the Literature // *UCEMA Working Papers: Serie Documentos de Trabajo*. 2019. Vol. 694.

- Peters B. G., Pierre J. A typology of populism: understanding the different forms of populism and their implications // *Democratization*. 2020. Vol. 27, no. 6. P. 928–946. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1751615>
- Przeworski A, Limongi F. Modernization: Theories and facts // *World politics*. 1997. Vol. 49, no. 2. P. 155–183. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0004>
- Roberts, K. M. Latin America's Populist Revival // *SAIS Review*. 2007. Vol. 27, no. 1. P. 3–15. <https://doi.org/10.1353/sais.2007.0018>
- Roberts K. M. Populism, Political Conflict, and Grass-Roots Organization in Latin America // *Comparative Politics*. 2006. Vol. 38, no. 2. P. 127–148. <https://doi.org/10.2307/20433986>
- Roberts K. M. Populism, political mobilizations, and crises of political representation // *The promise and perils of populism: Global perspectives*. / De la Torre C. (ed.). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 2015. P. 140–158.
- Rovira Kaltwasser C. Explaining the emergence of populism in Europe and the Americas // *The Promise and Perils of Populism. Global Perspectives* / De la Torre C. (ed.). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 2015. P. 189–228.
- Ruth S. P. Populism and the erosion of horizontal accountability in Latin America // *Political Studies*. 2018. Vol. 66, no. 2. P. 356–375. <https://doi.org/10.1177/0032321717723511>
- Walker I. The Three Lefts of Latin America // *Dissent*. 2008. Vol. 55, no. 4. P. 5–12. <https://doi.org/10.1353/dss.2008.0044>
- Weyland K. Populism's threat to democracy. Comparative lessons for the United States // *Perspectives on populism*. 2020. Vol. 18, no. 2. P. 389–406. <https://doi.org/10.1017/S1537592719003955>

References

- Avritzer, L. (2004). Civil Society in Latin America: uncivil, liberal and participatory models. In M. Glasius, D. Lewis, & H. Seckinelgin (Eds.), *Exploring civil society: Political and cultural contexts* (pp. 47–53). Abingdon: Routledge.
- Barr, R. R. (2017). *The resurgence of populism in Latin America*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc.
- Bugaric, B. (2019). The two faces of populism: Between authoritarian and democratic populism. *German Law Journal*, 20, 390–400. <https://doi.org/10.1017/glj.2019.20>
- Chernyshev, A. L. (2015). Politicization of ethnicity in the era of globalization: Latin American experience. *Latin America*, 9, 73–80. (In Russian).
- Dabagyan, E. S. (2017). Mass social protests as a political factor. In *Political conflicts in Latin America: Challenges to stability and new opportunities* (pp. 185–203). Moscow: ILA RAS. (In Russian).
- Dagnino, E. (2011). Civil society in Latin America. In M. Edwards (Ed.), *The Oxford Handbook of Civil Society* (pp. 122–133). N. Y.: Oxford University Press.
- Daly, T. (2019). Populism, public law, and democratic decay in Brazil: understanding the rise of Jair Bolsonaro. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3350098>. Retrieved February 2, 2022, from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3350098
- De la Torre, C. (2014). Populism in Latin American politics. *Research in Political Sociology*, 22, 79–100. <https://doi.org/10.1108/S0895-993520140000022003>
- De la Torre, C. (Ed.). (2015). *The promise and perils of populism. Global perspectives*. Lexington, Kentucky, University Press of Kentucky.
- Edwards, S. (2019). On Latin American populism, and its echoes around the world. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4), 76–99. <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.76>
- Feinberg, R., Waisman, C., & Zamosc, L. (Eds.). (2006). *Civil society and democracy in Latin America*. Basingstok: Palgrave MacMillan.

- Germani, G. (1978). *Authoritarianism, fascism, and national populism*. New Brunswick: transaction books.
- Gontijo, C., & Ramos, L. (2019). Caesarism, populism, and the 2018 election in Brazil. *Capital & Class*, 44(4), 617–632. <https://doi.org/10.1177/0309816819884670>
- Guriev, S. (2018). Economic drivers of populism. *AEA Papers and Proceedings*, 108, 200–203. <https://doi.org/10.1257/pandp.20181123>
- Hawkins, K. A. (2010). *Venezuela's Chavismo and populism in comparative perspective*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Hawkins, K., & Rovira Kaltwasser, C. (2017). The ideational approach to populism. *Latin American Research Review*, 52(4), 513–528. <http://doi.org/10.25222/larr.85>
- Huntington, S. P. (2003). *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian) [Huntington, S. P. (1991). *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. University of Oklahoma Press.]
- Hawkins, K., Carlin, R. E., Littvay, L., & Rovira Kaltwasser, C. (2019). *The ideational approach to populism. Concept, theory, and analysis*. Abingdon: Routledge.
- Jansen, R. (2015). Populist mobilization. A new theoretical approach to populism. In C. De la Torre (Ed.). *The Promise and Perils of Populism. Global Perspectives* (pp. 159–188). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky.
- Justino, P., & Martorano, B. (2019). Redistributive preferences and protests in Latin America. *Journal of Conflict Resolution*, 63(9), 2128–2154. <https://doi.org/10.1177/0022002719827370>
- Kazarinova, D. B. (2017) Populism and the global order. In Popova O. V. (Ed.), *Politics of post-truth in the modern world* (pp. 93–97). Saint Petersburg: Skifia print (In Russian).
- Kharitonova, O., & Kudryashova, I. (2022). Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political Science (RU)*, 1, 224-244. (In Russian). <https://doi.org/1031249/poln/2022.01.10>
- Kyle, J., & Gultchin, L. (2018). *Populists in power around the world*. Retrieved February 2, 2022, from <https://institute.global/insight/renewing-centre/populists-power-around-world>
- Kyle, J., & Mounk, Y. (2018). *The populist harm to democracy: An empirical assessment*. Retrieved February 2, 2022, from <https://institute.global/policy/populist-harm-democracy-empirical-assessment>
- Kyle, J., Meyer, B. (2020). *High tide? Populism in power, 1990–2020* Retrieved February 2, 2022, from <https://institute.global/policy/high-tide-populism-power-1990-2020>
- Laclau, E. (2005) Populism: What's in a name? In F. Panizza (Ed.), *Populism in the mirror oof democracy* (pp. 32–49). L. N. Y., Verso.
- Levitsky, S., & Loxton, J. (2013). Populism and competitive authoritarianism in the Andes. *Democratization*, 20(1), 107–136. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- López, G., & Ana, I. (2017). Legislative coalition size and antigovernment protests in Latin America. *Journal of Politics in Latin America*, 9(3), 91–120; <https://doi.org/10.1177/1866802X1700900304>
- Lucas, R. E. (2000). Some macroeconomics for the 21st century. *Journal of Economic Perspectives*, 14(1), 159–168. <https://doi.org/10.1257/jep.14.1.159>
- Makarenko, B. (2017). Populism and political institutions: comparative perspective. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussion*, 1–2(124), 15–27. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2017-00001>
- Mainwaring, S., Brinks, D., & Pérez-Liñán, A. (2001). Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999. *Studies in Comparative International Development*, 36(1), 37–65. <https://doi.org/10.1007/BF02687584>
- Margalit, Y. (2019). Economic Insecurity and the Causes of Populism, Reconsidered. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4), 152–70. <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.152>

- Martynov, B. F. (2020). Latin American populism: Some reflections on the issue. *Latin America*, (2), 19–29. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2017-00001>
- Moffitt, B. (2016). *The global rise of populism: Performance, political style, and representation*. Stanford: Stanford University Press.
- Mudde, C. (2004). The populist zeitgeist. *Government and Opposition*, 39(4), 541–563 <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde, C., & Rovira Kaltwasser, C. (2018). Studying populism in comparative perspective: Reflections on the contemporary and future research agenda. *Comparative political studies*, 51(13), 1667–1693. <https://doi.org/10.1177/0010414018789490>
- Ocampo, E. (2019). *The economic analysis of populism: A selective review of the literature*. UCEMA Working Papers: Serie Documentos de Trabajo.
- Oskolkov, P. V. (2019). *Right populism in the European Union*. Moscow: Institute of Europe.
- Peters, B. G., & Pierre, J. (2020). A typology of populism: Understanding the different forms of populism and their implications. *Democratization*, 27(6), 928–946. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1751615>
- Przeworski, A., & Limongi, F. (1997). Modernization: Theories and facts. *World politics*, 49(2), 155–183. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0004>
- Roberts, K. M. (2007). Latin America's populist revival. *SAIS Review*, 27(1), 3–15. <https://doi.org/10.1353/sais.2007.0018>
- Roberts, K. M. (2006). Populism, political conflict, and grass-roots organization in Latin America. *Comparative Politics*, 38(2), 127–148. <https://doi.org/10.2307/20433986>
- Roberts, K. M. (2015). Populism, political mobilizations, and crises of political representation. In C. De la Torre (Ed.), *The promise and perils of populism: Global perspectives* (pp. 140–158). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky.
- Rovira Kaltwasser, C. (2015). Explaining the emergence of populism in Europe and the Americas. In C. De la Torre (Ed.), *The Promise and Perils of Populism. Global Perspectives* (pp. 189–228). Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky.
- Ruth, S. P. (2018). Populism and the erosion of horizontal accountability. *Latin America. Political Studies*, 66(2), 356–375. <https://doi.org/10.1177/0032321717723511>
- Varentsova, O. V. (2014). Three waves of populism in Latin America. *MGIMO review of international relations*, 6(39), 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160> (In Russian).
- Walker, I. (2008). The three lefts of Latin America. *Dissent*, 55(4), 5–12. <https://doi.org/10.1353/dss.2008.0044>
- Weyland, K. (2020). Populism's threat to democracy. Comparative lessons for the United States. *Perspectives on populism*, 18(2), 389–406. <https://doi.org/10.1017/S1537592719003955>

Сведения об авторах:

Малашенкова Ангелина Александровна — студентка магистратуры факультета управления и политики МГИМО МИД России (e-mail: angelina9909@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5457-5588)

Харитонова Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. (e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-1908-0613)

About the authors:

Angelina A. Malashenkova — graduate student of the School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: angelina9909@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5457-5588)

Oxana G. Kharitonova — PhD in Political Science, Associate Professor of Comparative Politics, MGIMO University. (e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-1908-0613)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-268-278

Научная статья / Research article

Основной электорат правопопулистских партий в Европе на примере «Альтернативы для Германии» и Австрийской партии свободы

Д. Ю. Мещеряков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

 dmesh91@gmail.com

Аннотация. В политической науке продолжают дискуссии относительно того, существуют ли определенные группы, являющиеся опорой правопопулистских партий на выборах. С одной стороны, утверждается, что понятия «типичного избирателя» правых популистов не существует, с другой — ряд исследований, в которых рассматриваются практические примеры избирательных кампаний в различных государствах, показывает, что выделение электоральных групп поддержки таких политических сил на основании социальных, профессиональных и демографических признаков все же возможно. Рассмотренные в статье случаи «Альтернативы для Германии» и Австрийской партии свободы демонстрируют, что в большей мере справедливым является второе утверждение. Такие группы выделяются в рамках социологической теории электорального поведения, а также теорий о «проигравших от глобализации» Х.-Г. Бетца и «культурной ответной реакции» П. Норриса и Р. Инглхарта с применением анализа существующей релевантной статистики, прежде всего, социологических опросов. Примеры Германии и Австрии подтверждают предположения о том, что за правопопулистские партии в большей мере отдают голоса мужчины, рабочие, лица без высшего образования, а также безработные.

Ключевые слова: правый популизм, электоральные исследования, «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы

Для цитирования: Мещеряков Д. Ю. Основной электорат правопопулистских партий в Европе на примере «Альтернативы для Германии» и Австрийской партии свободы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 268–278. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-268-278>

© Мещеряков Д. Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Main Electorate of Right-Wing Populist Parties in Europe: Cases of the Alternative for Germany and the Freedom Party of Austria

Dmitry Yu. Meshcheryakov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 dmesh91@gmail.com

Abstract. There is an ongoing political debate on whether certain groups can be considered the electoral backbone of right-wing populist parties. On the one hand, it is argued that there is no concept of a “typical voter” for right-wing populists; on the other hand, some studies of election campaigns in different countries show that it is possible to define electoral support groups for such political parties based on the social, professional, and demographic characteristics. The cases of the “Alternative for Germany” and the “Austrian Freedom Party” analyzed in the article demonstrate that the latter statement is more likely to be true. Those support groups can be identified within the framework of the sociological theory of electoral behavior, as well as the theories of the losers of globalization by H. G. Betz and the cultural backlash of P. Norris and R. Inglehart, using the analysis of existing relevant statistics, mainly sociological surveys. The examples of Germany and Austria prove the assumptions that men, workers, people with no higher education and the unemployed are more likely to vote for right-wing populist parties.

Keywords: right-wing populism, electoral studies, Alternative for Germany, Freedom Party of Austria

For citation: Meshcheryakov, D. Yu. (2022). The main electorate of right-wing populist parties in Europe: Cases of the Alternative for Germany and the Freedom Party of Austria. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 268–278. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-268-278>

Введение

Изучение электората правопопулистских партий в Европе — один из важных инструментов анализа причин их успеха на парламентских выборах. Тем не менее в политической науке нет единого мнения о четкой предопределенности в вероятности голосования за правых популистов представителей определенных социальных групп. В частности, нидерландский исследователь М. Роодуйн, проведя анализ избирателей популистских политических сил в ряде государств Европы, пришел к выводу, что понятия единого «популистского избирателя» не существует [Rooduijn 2018: 364–365]. Развивая данный тезис, немецкие политологи Х. Гиблер и С. Регель, рассматривающие случай «Альтернативы для Германии» (АдГ), пишут, что «типичного избирателя АдГ не существует», но, тем не менее, замечают: в некоторых случаях социально-демографические характеристики избирателя играют определенную роль в плане голосования за правых популистов — к примеру, женщины и люди с высшим образованием голосуют за них значительно реже [Giebler, Regel 2018: 22]. Отдельные исследователи, анализируя конкретные примеры избирательных кампаний в европейских странах, склонны не уделять

особое внимание выделению каких-либо социальных групп, поддерживающих правопопулистские политические силы. К примеру, по мнению исследователей М. Хансена и Дж. Олсена, «избиратели АдГ в 2017 г. в демографическом смысле не отличались от избирателей всех других партий... с точки зрения пола, образования, занятости и членства в профсоюзах» [Hansen, Olsen 2019].

Тем не менее выделение определенных социальных групп, в большей мере склонных поддерживать правых популистов, представляется возможным, прежде всего, в рамках социологической теории электорального поведения, представителями которой являются С. Роккан и С. М. Липсет. Также существование определенных групп поддержки производится на основе теории «проигравших от модернизации», развиваемой Х.-Г. Бетцем [Betz 1994] и объясняющей рост поддержки правых популистов через недовольство социальных групп, «пострадавших» в ходе глубокой трансформации западных обществ в результате перехода от индустриальной экономики к постиндустриальной. Следует также учитывать, что одной лишь реакции на факторы социально-экономического характера как основной причины поддержки правопопулистских партий не бывает достаточно для всеобъемлющего объяснения данного феномена. В данном случае необходимо обратиться и к социокультурным причинам, обусловленным реакцией на массовую миграцию и кризис беженцев [Шейн 2020: 34–41] (что можно наблюдать, в частности, в Германии и Австрии).

В Германии в год выборов в бундестаг 2017 г. экономика находилась в хорошем состоянии (например, рост ВВП оказался выше, чем в прежние годы, а уровень безработицы и вовсе стал самым низким с 1990 г.¹). При этом подавляющее большинство немцев (84 %) оценили экономическую ситуацию в стране как «хорошую», а среди электората АдГ личное экономическое положение как «хорошее» назвали 73 % опрошенных². Одной из наиболее современных теорий, объясняющих социокультурный аспект поддержки правых популистов, является теория П. Норрис и Р. Инглхарта о «культурной ответной реакции»: благодаря структурным трансформациям в 1970-х гг. в западных обществах произошла «революция социально-либеральных ценностей», которая выражалась в большей открытости к иным идентичностям и разнообразию, что вызвало обратную реакцию со стороны консерваторов, которые ввиду происходящих изменений (в том числе, в значительной мере, и растущего притока мигрантов иной культуры) стали поддерживать популистов [Norris, Inglehart 2019]. В целом же миграционный кризис в Европе, начавшийся в 2015 г., усилил позиции правых популистов в Европе [Сигачёв, Слепцов, Фадеев 2020: 472] Как отмечает И. М. Узнародов, правопопулистские партии (в числе всех политических сил, поддер-

¹ Arbeitslosigkeit 2017 auf tiefstem Stand seit Wiedervereinigung // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/jobs-in-deutschland-arbeitslosigkeit-2017-auf-tiefstem-stand-seit-wiedervereinigung/20764684.html?ticket=ST-1739190-Tvd1Yp3CqI9IdFXgAwcW-ap5> (accessed: 20.09.2020).

² Umfragen Lage in Deutschland — Bundestagswahl 2017 // Tagesschau [Electronic resource]. URL: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/umfrage-gesellschaft.shtml> (accessed: 26.04.2020).

живающих «новый национализм» в Европе), в качестве одного из приоритетов выдвигают именно защиту национальной идентичности от мигрантов, изменение миграционной политики, а также евроскептицизм [Узнародов 2015: 79].

К. Арцхаймер, обобщив данные ряда электоральных исследований, выделяет несколько типов групп, склонных поддерживать на выборах правых популистов: безработных, рабочих, лиц без высшего образования [Arzheimer 2017: 287]. Тезис о рабочих как одной из основных групп поддержки правых популистов подтверждается на материале Австрии, Бельгии, Франции, Норвегии и Швейцарии, где с 1990-х гг. наблюдается тенденция к превращению рабочего класса в центральную электоральную группу для правых популистов [Oesch 2008: 356]. Также к группам, поддерживающим правопопулистские силы, относят молодых избирателей (в возрасте до 30 лет) и мужчин [Arzheimer 2017: 285]. Отдельные исследователи подчеркивают и существование «гендерного разрыва» внутри электората правых популистов [Mudde 2017: 614]. В частности, Т. Гивенс приводит данные, согласно которым в среднем соотношение голосующих за правых популистов мужчин и женщин составляет два к одному [Givens 2017: 291]. При этом исследователями высказывается предположение, что подобную ситуацию, при которой за правых голосуют больше мужчин, чем женщин, можно объяснить не разницей в социальном и экономическом положении и различным отношением к угрозе со стороны мигрантов, а, скорее, отношением к самому популизму [Spierings, Zaslove 2017: 839–840].

Основываясь на теории размежеваний С. Роккана и С. М. Липсета, исследователи Дж. Гут и Б. Нельсен приходят к выводу, что раскол по линии правых и левых все еще актуален (при наличии формирующегося переходного раскола — левые и правые популисты против традиционных партий «замороженного» центра), при этом четко выделяя схожие группы электората правопопулистских партий: «молодые, представляющие рабочий класс, и менее образованные избиратели, чаще всего мужчины, которые не связаны с религиозными институтами, негативно оценивают экономическое положение страны и свое личное, а также плохо относящиеся к мигрантам» [Guth, Nelsen 2021: 453]. При этом выделение таких групп, как мужчины и люди с меньшим уровнем образования, связывают с теорией «проигравших от глобализации», согласно которой популизм становится реакцией на смену ценностей в западных обществах, в результате которых данные группы видят себя менее защищенными [Staerklé, Green 2018: 432]. Как отмечает М. А. Клупт, электорат популистов, наряду с теми, кто всегда был недоволен «системой», — рабочими, низкооплачиваемыми служащими, безработными, включает также представителей других социальных групп, «обеспокоенных утратой культурной идентичности и традиционных ценностей» [Клупт 2020: 47].

В рамках данного исследования утверждение о наличии особых групп поддержки правых популистов будет проиллюстрировано на материале «Альтернативы для Германии» (АдГ) и Австрийской партии свободы (АПС). 2017 г. стал наиболее удачным для обеих политических сил, поскольку им удалось достичь наилучшего за последние годы результата на парламентских выборах (в бундестаг и Национальный совет Австрии соответственно). Именно эти избирательные кампании будут проанализированы с точки зрения поддерживающего АдГ и АПС электората.

Основные группы поддержки «Альтернативы для Германии»

Согласно статистическим данным, в 2017 г. за АдГ активнее голосовали мужчины (их число составило 16 %, при этом доля поддержавших партию женщин оказалась значительно ниже — 9 %); за АдГ отдавали голоса представители среднего возраста (16 % в группе от 30 до 44 лет и 15 % — от 45 до 59 лет, избирателей до 30 лет за АдГ проголосовало меньше — 11 %), а также избиратели с полным средним образованием — 17 % (14 % — с основным средним образованием, при этом доля избирателей с законченным высшим образованием составила лишь 7 %)³. Также в состав электорального ядра АдГ в 2017 г. вошли рабочие⁴, (21 %); служащие — 12 %, чиновники — 10 %, самозанятые и индивидуальные предприниматели — 12 %. Помимо этого, доля проголосовавших за АдГ безработных составила 21 %⁵. Примечательным оказалось и то, что среди избирателей АдГ есть определенная доля полицейских и военнослужащих, причем 13 % всех депутатов от «Альтернативы» вышли из военной среды, а в бундестаге их доля составляет 20 %⁶.

Наглядно распределение основных групп электората АдГ в 2017 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные группы избирателей «Альтернативы для Германии» в 2017 г.

По полу		
Мужчины — 16 %	Женщины — 9 %	
По возрасту		
30-44 лет — 16 %	45-59 лет — 15 %	До 30 лет — 11 %
По профессиональному признаку		
Рабочие — 21 %	Служащие — 12 %	Самозанятые — 12 %
По уровню образования		
Среднее — 17 %	Основное среднее — 14 %	

Источник: Bundestagswahl 2017 // Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2017-09-24-BT-DE/index.shtml> (accessed: 29.10.2021).

³ Kolb M. Sechs Grafiken, die den Erfolg der AfD erklären // Süddeutsche Zeitung. 25.09.2017. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/afd-bei-bundestagswahl-sechs-grafiken-die-den-erfolg-der-afd-erklaren-1.3681714> (accessed: 25.04.2020).

⁴ Pfahl-Traugher A. Wer wählt warum die AfD? // Bundeszentrale für politische Bildung. 8.06.2017. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/248916/wer-waehlt-warum-die-afd> (accessed: 25.04.2020).

⁵ Umfragen zur AfD — Bundestagswahl 2017 // Tagesschau. — URL: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/umfrage-afd.shtml> (accessed: 25.04.2020).

⁶ Amann M., Bartsch M., Berg S., Friedmann J., Großbongardt A., Gude H., Gutensohn D., Knobbe M., Medick V., Meyer zu Eppendorf K., Pfister R., Polonyi M., Schmid F., Ulrich A., Wiedmann-Schmidt W., Winter S. Radikale Mitte // Der Spiegel. 2018. No. 37. S. 10–19.

Main electoral groups of Alternative for Germany in 2017

Gender		
Men — 16%	Women — 9%	
Age		
30-44 years old — 16%	45-59 years old — 15%	Less than 30 years old — 11%
Profession		
Workers — 21%	White collars — 12%	Self-employed — 12%
Education		
Secondary education — 17%	Basic secondary education — 14%	

Source: Bundestagswahl 2017 // Tagesschau. Retrieved October 29, 2022, from <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2017-09-24-BT-DE/index.shtml>

Примечательно, что по итогам выборов в бундестаг 2021 г. электоральные группы поддержки АдГ оказались практически неизменными. Как и в 2017 г., в 2021 г. партия пользовалась наибольшей поддержкой среди избирателей от 30 до 44 лет (13 %), затем — в группе от 45 до 55 лет (12 %), и до 30 лет (8 %). Как и в 2017 г., за АдГ проголосовали преимущественно мужчины (12 %) и в меньшей степени женщины (8 %). Примерно одинаковым в соотношении оказалось и распределение избирателей АдГ по уровню образования: 14 % избирателей со средним образованием, 12 % — с основным общим образованием, и лишь 5 % — с высшим. Распределение избирателей по принципу профессиональной принадлежности также оказалось схожим. Как в 2017 г., так и в 2021 г. основной группой поддержки АдГ стали рабочие (16 %), служащие (9 %) и самозанятые (9 %)⁷. Таким образом, хотя партия и набрала меньше голосов, чем в 2017 г., группы ее поддержки сохранились (пусть внутри них процент отданных за АдГ голосов также уменьшился). Все это подтверждает тезис о существовании стабильных групп, которые поддерживают правых популистов, а также свидетельствует о том, что, несмотря на сравнительно недолгое существование, АдГ обрела свою электоральную базу.

Анализ программных установок АдГ с помощью функционала «Manifesto Project Database» также дает понять, какие пункты программы могли привлечь данные группы избирателей. В частности, в 2017 г. партия наибольшее внимание уделила теме патриотизма и национализма («национальный образ жизни»), поддержке традиционных ценностей, негативному отношению к мультикультурализму, а также отчетливо выразила отрицательное отношение к миграции⁸. В сочетании с представленной выше информацией о том,

⁷ Bundestagswahl — 26.September 2021 // Forschungsgruppe Wahlen. URL: <https://www.forschungsgruppe.de/Wahlen/Wahlanalysen/News/Bund210927.pdf> (accessed: 19.10.2021).

⁸ Volkens A., Krause W., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2019b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). URL: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard_dataset/ (accessed: 18.04.2020).

что экономическая ситуация в ФРГ на 2017 г. оставалась преимущественно благоприятной и таковой ее считала значительная доля граждан (включая избирателей АдГ), можно утверждать, что в данном случае проявляется теория «культурной ответной реакции» — опасения поддержавших АдГ немцев насчет притока людей иной культуры, которые также могут представлять собой конкурентов для них в будущем.

Электорат Австрийской партии свободы

По сравнению с «Альтернативой для Германии», созданной в 2013 г., Австрийская партия свободы (АПС) существует гораздо дольше, участвуя в политической жизни Австрии с 1956 г. (под нынешним названием) и пройдя эволюционный путь, окончательно став ярким примером правопопулистской партии. Примечательной тенденцией является заметное увеличение доли поддержки АПС среди австрийских рабочих. Так, в начале 1990-х гг. они стали крупной группой поддержки партии, а на парламентских выборах 1999 г. число «голубых воротничков», проголосовавших за АПС, оказалось практически равным доле рабочих, поддержавших социал-демократов (42 и 43 % соответственно) [Heinisch 2016: 44–45], и к концу XX в. АПС заслужила характеристику «партии австрийских рабочих» [Ignazi 2006: 122]. С 1990-х гг. заметными электоральными группами для АПС стали также самозанятые и представители среднего класса [Solsten, McClave 1994: 200].

При рассмотрении избирательной кампании АПС на парламентских выборах 2017 г. в первую очередь следует отметить закрепление роли партии как в наибольшей мере пользующейся поддержкой рабочих (доля проголосовавших за АПС рабочих составила 59 %; для сравнения — за социал-демократов проголосовало 19 %); также заметную поддержку АПС оказали служащие (26 % — равное количество с Социал-демократической партией Австрии (СДПА), но уступает Австрийской народной партии (АНП) с 31 %) и самозанятые (в этой группе АПС получила 23 %, уступив лишь АНП с 41 %) [Fallend, Habersack, Heinisch 2018: 37]. Доля пенсионеров, проголосовавших за АПС (16 %), значительно уступила как АНП, так и СДПА (33 и 39 % соответственно)⁹. В 2017 г. число проголосовавших за правых популистов Австрии женщин превысило долю мужчин (29 % против 22 %), за них также активнее голосовала молодежь до 29 лет (30 %, наибольший процент в этой возрастной категории среди всех политических сил) и граждане от 30 до 59 лет (28 %), в наименьшей мере АПС поддержали граждане старше 60 лет (19 %, для сравнения — за АПС проголосовало 36 % представителей старшего поколения, а за социал-демократов — 34 %)¹⁰. Примечательным оказалось распределение голосов за АПС по уровню

⁹ Zandonella M., Perlot F. Wahltagsbefragung und Wählerstromanalyse — Nationalratswahl 2017 // SORA Institute for Social Research and Consulting. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2017_NRW_Grafiken-Wahltagsbefragung.pdf (accessed: 16.06.2020).

¹⁰ Zandonella M., Perlot F. Wahltagsbefragung und Wählerstromanalyse — Nationalratswahl 2017 // SORA Institute for Social Research and Consulting. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2017_NRW_Grafiken-Wahltagsbefragung.pdf (accessed: 16.06.2020).

образования: партия оказалась более популярна у лиц, имеющих среднее образование (33 % — самый высокий показатель наравне с СДПА) и профессиональное образование (37 % — наивысший процент среди всех партий); в то же время АПС оказалась менее популярна у австрийцев с высшим образованием, получив в данной категории лишь 7 % (для сравнения: у АНП — 32 %, у СДПА — 31 %, у «Зеленых» — 10 %) ¹¹.

Распределение основных групп электората АПС на парламентских выборах 2017 г. представлено в табл. 2.

Таблица 2

Основные группы избирателей Австрийской партии свободы в 2017 г.

По полу		
Мужчины — 29 %		Женщины — 22 %
По возрасту		
До 30 лет — 30 %	30-59 лет — 28 %	Старше 60 лет — 19 %
По профессиональному признаку		
Рабочие — 59 %	Служащие — 26 %	Самозанятые — 23 %
По уровню образования		
Профессиональное — 37 %		Среднее — 33 %

Источник: SORA Institute for Social Research and Consulting. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2017_NRW_Grafiken-Wahltagsbefragung.pdf (accessed: 29.10.2021).

Table 2

Main electoral groups of Freedom Party of Austria in 2017

Gender		
Men — 29 %		Women — 22 %
Age		
Less than 30 years old — 30 %	30-59 years old — 28 %	More than 60 years old — 19 %
Profession		
Workers — 59 %	White collars — 26 %	Self-employed — 23 %
Education		
Professional education — 37 %		Secondary education — 33 %

Source: SORA Institute for Social Research and Consulting. Retrieved October 29, 2021, from https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2017_NRW_Grafiken-Wahltagsbefragung.pdf

¹¹ Zandonella M., Perlot F. Wahltagsbefragung und Wählerstromanalyse — Nationalratswahl 2017 // SORA Institute for Social Research and Consulting. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2017_NRW_Grafiken-Wahltagsbefragung.pdf (accessed: 16.06.2020).

Как и в случае АдГ, возможным представляется определить программные установки АПС, которые могли привлечь перечисленные электоральные группы в 2017 г. В частности, в программе партии относительно высоким удельным весом обладали пункты, посвященные вопросам укрепления правопорядка, демократии, защиты окружающей среды, «национальному образу жизни»; помимо этого, заметными темами оказались негативное отношение к миграции, ЕС и мультикультурализму¹².

Заключение

Таким образом, дискуссия в политической науке о существовании «типичного избирателя» правопопулистских политических сил продолжается. При этом материалы исследований случаев электорального успеха правых популистов в Европе показывают, что представители определенных социальных групп более склонны поддерживать правопопулистские партии. Проведенное в данной работе сравнение электората АдГ и АПС демонстрирует, что эти партии в рамках избирательных кампаний 2017 г. были поддержаны примерно одними и теми же социальными группами. В обоих случаях за правопопулистские силы более активно отдавали голоса мужчины, лица без высшего образования, рабочие и безработные — именно эти группы выделяют в исследованиях как основную опору правых популистов. Также показательным является то, что в программах АдГ и АПС обязательно широко присутствовали темы негативного отношения к миграции и мультикультурализму, а также поддержки «национального образа жизни», которые, как представляется, могли привлечь внимание представителей перечисленных электоральных групп.

Поступила в редакцию / Received: 29.10.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 02.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 20.02.2022

Библиографический список

- Клунт М. А.* Социальная база и перспективы популизма в странах Запада // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 3. С. 47–55.
- Сизачёв М. И., Слепцов Э. С., Фадеев Э. В.* Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италия, Франция, Германия, Австрия) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 458–474.
- Узнародов И. М.* Новый национализм в современной Европе // *Современная Европа*. 2015. № 5. С. 79–90.

¹² Volkens A., Krause W., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weißels B. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2019b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). URL: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard_dataset/ (accessed: 18.04.2020).

- Шейн С. А. Роль консерватизма в развитии правового популизма в Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 2. С. 34–41.
- Arzheimer K. (ed.). *Electoral Sociology — who Votes for the Extreme Right and Why—and When?* // Mudde C. *The Populist Radical Right: A Reader*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2017. P. 277–289.
- Betz H.-G. *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. Houndmills: Macmillan, 1994.
- Fallend F., Habersack F., Heinisch R. Rechtspopulismus in Österreich: Zur Entwicklung der FPÖ. // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2018. Vol. 68, no. 34–35. P. 33–40.
- Giebler H., Regel S. Who Votes Right-Wing Populist? Geographical and Individual Factors in Seven German State Elections. Friedrich-Ebert-Stiftung: WISO Diskurs, 2018.
- Givens T. E. The Radical Right Gender Gap // *The Populist Radical Right: A Reader* / Mudde C. (ed.). Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2017. P. 290–309.
- Guth J., Nelsen B. Party choice in Europe: Social cleavages and the rise of populist parties // *Party Politics*. 2021. Vol. 27, no. 3. P. 453–464.
- Hansen M., Olsen J. Flesh of the Same Flesh: A Study of Voters for the Alternative for Germany (AfD) in the 2017 Federal Election // *German Politics*. 2019. Vol. 28, no.1. P. 1–19.
- Heinisch R. The Austrian Freedom Party: Organizational Development and Leadership Change // Heinisch R., Mazzoleni O. *Understanding Populist Party Organisation*. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 19–47.
- Ignazi P. *Extreme Right Parties in Western Europe* Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Mudde C. Conclusion: Studying Populist Radical Right Parties and Politics in the 21st Century // *The Populist Radical Right: A Reader*. Editor: Mudde C. Abingdon. Oxon; New York: Routledge, 2017. P. 609–621.
- Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Oesch D. Explaining Workers' Support for Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // *International Political Science Review*. 2008. Vol. 29, no. 3. P. 349–373.
- Rooduijn M. What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10, no. 3. P. 351–368.
- Solsten E., McClave D. E. *Austria: a country study*. Washington: Federal Research Division, Library of Congress, 1994.
- Spierings N., Zaslove A. Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties // *West European Politics*. 2017. Vol. 40, no. 4. P. 821–847.
- Staerklé C., Green E. Right-wing populism as a social representation: A comparison across four European countries // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2018, no. 6. Vol. 28. P. 430–445.

References

- Arzheimer, K. (2017). Electoral sociology — who votes for the extreme right and why—and when? In C. Mudde (Ed.), *The Populist Radical Right: A Reader* (pp. 277–289). Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Fallend, F., Habersack, F., & Heinisch, R. (2018). Rechtspopulismus in Österreich: Zur Entwicklung der FPÖ. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 68(34-35), 33–40. (In German).
- Giebler, H., & Regel, S. (2018). *Who Votes Right-Wing Populist? Geographical and Individual Factors in Seven German State Elections*. Friedrich-Ebert-Stiftung: WISO Diskurs.
- Givens, T. E. (2017). The radical right gender gap. In C. Mudde (Ed.), *The Populist Radical Right: A Reader* (pp. 290–309). Abingdon, Oxon; New York: Routledge.

- Guth, J., & Nelsen, B. (2021). Party choice in Europe: Social cleavages and the rise of populist parties. *Party Politics*, 27(3), 453–464.
- Hansen, M., & Olsen, J. (2019). Flesh of the same flesh: A study of voters for the Alternative for Germany (AfD) in the 2017 Federal Election. *German Politics*, 28(1), 1–19.
- Heinisch, R. (2016). The Austrian Freedom Party: Organizational development and leadership change. In R. Heinisch, & O. Mazzoleni (Eds.), *Understanding Populist Party Organization* (pp. 19–47). London: Palgrave Macmillan.
- Ignazi, P. (2006). *Extreme Right Parties in Western Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Klupt, M. A. (2020) Social base and prospects of populism in western countries. *World Economy and International Relations*, 64(3), 47–55. (In Russian).
- Mudde, C. (2017). Conclusion: Studying populist radical right parties and politics in the 21st Century. In C. Mudde (Ed.), *The Populist Radical Right: A Reader* (pp. 609–621). Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Oesch, D. (2008). Explaining workers' support for right-wing populist parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland. *International Political Science Review*, 29(3), 349–373.
- Rooduijn, M. (2018). What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties. *European Political Science Review*, 10(3), 351–368.
- Shein A. (2020) The role of conservatism in the development of right-wing populism in Europe: The UK case. *World Economy and International Relations*, 64(2), 34–41. (In Russian).
- Sigachev M., Sleptsov E., & Fadeev E. (2020) New right-wing populism: Tendencies and prospects on the example of some European states (Italy, France, Germany, Austria), *RUDN Journal of Political Science*, 22 (3), 458–474. (In Russian).
- Solsten, E., & McClave, D. E. (1994). *Austria: a country study*. Washington: Federal Research Division, Library of Congress.
- Spierings, N., & Zaslove, A. (2017). Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties. *West European Politics*, 40(4), 821–847.
- Staerklé, C., & Green, E. (2018). Right-wing populism as a social representation: A comparison across four European countries. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 28(6), 430–445.
- Uznarodov I. M. (2015) New nationalism in contemporary Europe. *Contemporary Europe*, (5), 79–90. (In Russian).

Сведения об авторе:

Мещеряков Дмитрий Юрьевич — соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (e-mail: dmesh91@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9745-4962)

About the author:

Dmitry Yu. Meshcheryakov — postgraduate at the Department of Comparative Politics, MGIMO University (e-mail: dmesh91@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9745-4962)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-279-290

Научная статья / Research article

Два течения консервативного национализма в современной Польше: внешнеполитический аспект

И. А. Дец¹ , Р. В. Савенков²

¹Малопольское государственное высшее учебное заведение им. ротмистра
Витольда Пилецкого в Освенциме, Ягеллонский университет в Кракове,
Республика Польша

²Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

 joachim.diec@uj.edu.pl

Аннотация. Представлены внешнеполитические позиции наиболее крупных течений правого национал-популизма в современной Польше. Работа основана на анализе содержания программных документов правопопулистских группировок, в основном лагеря «Объединенных правых», на протяжении последних двадцати лет. Показаны основные идеи и проблемные моменты, среди которых отношения с Европейским союзом и Российской Федерацией. Указано, что на современной польской политической сцене мы имеем дело не только с разногласиями внутри правящего правого крыла, но прежде всего с альтернативными правыми, которые придерживаются популизма в смысле решимости защищать суверенитет. Вместе с тем отмечено, что «Конфедерация», альтернативное правое крыло, с еще большим упором на суверенитет, движется к менее конфликтной политике по отношению к наиболее важным зарубежным партнерам.

Ключевые слова: Польша, правые, национализм, популизм, внешняя политика

Для цитирования: Дец И. Я., Савенков Р. В. Два течения консервативного национализма в современной Польше: внешнеполитический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 279–290. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-279-290>

Two Trends of Conservative Nationalism in Contemporary Poland: Foreign Policy Aspect

Joachim A. Diec¹ , Roman V. Savenkov²

¹Cpt. W. Pilecki State College of Małopolska, Poland, Jagiellonian University Krakow, Poland

²Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

 joachim.diec@uj.edu.pl

© Дец И.Я., Савенков Р. В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. Modern Polish political scene is characterized by both the divisions within the ruling right-wing and, what is more important, with the alt-right, which stick to populism in terms of the determination to defend the country's sovereignty. On the other hand, the "Confederation", the alternative right wing, with an even greater emphasis on sovereignty, is moving towards less conflicts with the country's most important foreign partners. This article presents the foreign policy positions of the largest right-wing national populism movements in contemporary Poland. The authors analyzed the program documents of the leading right-wing populist groups, mainly of the United Right camp, over the past twenty years. The article highlights the main ideas and problematic points, including those regarding the relations with the European Union and the Russian Federation.

Keywords: Poland, right wing, nationalism, populism, foreign policy

For citation: Diec, J.A., & Savenkov, R. V. (2022). Two trends of conservative nationalism in contemporary Poland: Foreign policy aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 279–290. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-279-290>

Введение

Одна из самых гомогенных стран Европы (96 % католиков и 95 % этнических поляков) в настоящее время переживает глубокий политический и идейный раскол. Основным содержанием политической жизни стала так называемая «польско-польская война», обозначившая конфликтные кливажи между парламентскими политическими партиями по вопросам внутренней и внешней политики [Лыкошина 2015]. Политические размежевания усиливаются «войнами памяти» о прошлом, в результате чего общество «существует в постоянном внутреннем напряжении, живет сразу в нескольких реальностях, переключаясь с одной в другую в зависимости от обстоятельств» [Эппле 2020: 125]. «Неоавторитарный» политический курс правящей с 2015 г. партии «Право и Справедливость» (далее — ПиС) вызвал не только многочисленные протесты в Польше, но и угрозу введения серьезных санкций со стороны Европейского союза. В то же время электоральная поддержка ПиС польскими избирателями не снижается, демонстрируя соответствие программы партии ожиданиям крупных электоральных групп.

Рост популярности правопопулистских групп и партий в европейских странах был вызван самыми разными факторами [Популизм... 2018]. В силу географического расположения на цивилизационном стыке Европы и России Польша находилась в непростых отношениях с соседними странами и вынуждена была выбирать одно из этих пространств [Клемешев, Ворожеина, 2018: 17]. В результате конфликтных взаимоотношений в общественном сознании (особенно среди избирателей ПиС) сформирована идентификация себя как жертвы внешних сил, с болезненным акцентом на независимости и представлении о национальной измене как самом страшном преступлении. Среди составляющих такой самоидентификации базовое недоверие к любым внешним силам, так как они явно или скрыто посягают на независимость Польши и связь представления о независимости с моноэтничностью и ориентацией на построение свободной Польши как национального государства [Эппле 2020: 127–129]. Особыми польскими факторами, усугубляющими правый национализм, стали националистическая

радикализация части католической церкви, использование памяти о катастрофе под Смоленском в 2010 г. для ударов по своим политическим оппонентам и усиливающаяся интерпретация решений круглого стола 1989 г. как предательство национальных интересов [Глухова, Савенков 2019: 182–183].

Цель статьи — обозначить наиболее важные современные черты правого радикального национализма и популизма в Польше на основе анализа программ влиятельных правых организаций и их политических практик в вопросах внешней политики.

Исследования польского консервативного национализма и популизма обширны как в Польше, так и в России. Начало исследования внешнеполитических аспектов позиции правых партий началось задолго до их закрепления на политической сцене [Pankowski 2010, Przyłęcki 2012, Wojarowicz 2013, Дец 2019]. Социальным основаниям радикального национализма, общественного раскола посвящены исследования М. Гдулы, П. Обача [Gdula 2018, Obacz 2018, Górska 2019]. Российские исследователи подробно исследовали трансформации политического режима современной Польши [Яжборовская 2016, Клемешев, Ворожеина, 2018, Глухова, Савенков 2019], становление правых политических партий и групп [Лыкошина 2004, Неменский 2018].

Внешнеполитический курс партии «Право и Справедливость»

Внешнеполитический курс польского правительства в 1989–2005 гг. сохранял свой проевропейский вектор, несмотря на то, что правительство формировали как выходцы из либерального лагеря «Солидарности» (1991–1993, 1997–2001 гг.), так и бывшие социалисты (1993–1997, 2001–2005 гг.). Экономическая политика Польши проводилась в соответствии с моделью монетаристского либерализма, персонализированного вице-премьером Л. Бальцеровичем, последователем Г. Сакса и Чикагской школы. Реализация этого курса привела к экономическому росту и гармоничному вливанию страны в евроатлантические структуры, усилению международных позиций Польши. Возможно, отказ Польской левицы — партии-преемницы социалистической Польской объединенной рабочей партии — проводить левый экономический курс сформировал социальные и эмоциональные условия для будущих побед правых национал-популистов.

На парламентских выборах в XXI в. правые партии окончательно вытеснили левых с ведущих политических позиций: правоконсервативная партия «Право и Справедливость» трижды одерживала победу: в 2005, 2015 и 2019 гг., проевропейская либерально-католическая «Гражданская платформа» (далее — ГП) доминировала в Сейме по итогам двух выборов — в 2007 и 2011 гг. Обе правые партии с разной степенью активности поддерживали националистические настроения поляков, пытаясь продемонстрировать собственный патриотизм — необходимые для электоральной победы ценности. По инициативе президента Польши Б. Комаровского (ГП) с 2011 г. празднуется день памяти «проклятых солдат», а правящая с 2015 г. ПиС сформировала инклюзивное видение национальной польской общности, дающее возможность простому человеку не присягать на верность «евро-

пейским ценностям», чтобы ощущать себя полноправным и полноценным членом польского общества. Национальные символы, вера и гордость за свою историю стали проходить через все слои польского общества, отделяя их от «элит», воспринимаемых «чужими» [Gdula 2018: 7, 58]. Вдохновляющим примером для польских правых стал опыт венгерской партии «Фидес», успехи которой позволили лидеру Пис Я. Качинскому после собственного электорального поражения в 2011 г. заявить, что «наступит день, когда Будапешт окажется в Варшаве»¹.

Выборы 2005 г. показали высокий запрос поляков на националистические идеи и заботу со стороны государства. Победа на парламентских выборах Пис раскалывает польское общество на «патриотов» и «либералов». В предвыборной программе партии «Право и Справедливость» 2005 г. излагается внешнеполитическая позиция. Проект отвергнутой в итоге европейской конституции подвергся критике, главным образом из-за масштабного делегирования полномочий центральным органам ЕС и «антихристианского» духа проекта. Руководство «Права и Справедливости» хотело восстановить «солидарное» измерение политики ЕС, которое выражается не только в противодействии гегемонистским устремлениям сильнейших стран ЕС, желающих построить свое процветание за счет прав других членов, но и в стремлении расширить Союз за счет включения в него новых стран Восточной Европы. Партия Качиньского, как де-факто националистическая, была и остается носителем тезиса о том, что «культурно богатая Европа может быть только Европой наций». По мнению авторов программы Пис, именно принцип суверенитета наций вырастает в их противостояние попыткам навязать верховенство европейского права над национальными конституциями, а также несогласие с тем, что вопросы морали и нравственности регулируются европейским законодательством и не остаются исключительной ответственностью государств-членов².

Основным посылом европейской политики Пис было четко выраженное убеждение в том, что к Европейскому союзу ни при каких обстоятельствах нельзя относиться иначе, чем к союзу полностью суверенных государств. Таким образом, развитие Союза должно быть результатом гармоничного сотрудничества между суверенными государствами-членами, а отношения между институтами Союза должны указывать, где находится политическое руководство Союза. Руководство партии четко заявило, что Европейский совет и Совет Европейского союза должны оставаться главными директивными институтами, решающими наиболее важные вопросы и определяющими направления политики. Именно такая институциональная структура ЕС, вытекающая из принципа суверенитета государств-членов, может соответствовать польским и европейским интересам³.

¹ „Przyjdzie dzień, że w Warszawie będzie Budapeszt”. Выступление Я. Качиньского // TVN24. 9.10.2011. URL: <https://tvn24.pl/polska/przyjdzie-dzien-ze-w-warszawie-bedzie-budapeszt-ra186922-3535336> (accessed: 19.02.2022).

² Prawo i Sprawiedliwość PROGRAM 2005 // Serwis Wyborczy. URL: <http://www.wybory2005.pis.org.pl/program.php> (accessed: 19.02.2022).

³ Prawo i Sprawiedliwość. PROGRAM 2005 // Serwis Wyborczy. URL: <http://www.wybory2005.pis.org.pl/program.php> (accessed: 19.02.2022).

Внешнеполитическим объектом критики польских правых стали институты Европейского союза, а также условия вступления Польши в ЕС в 2004 г. и политика России. В период 2005–2007 гг., после отклонения проекта европейской Конституции, серьезной проблемой стала разработка нового документа, который заложил бы принципы функционирования Европейского союза. Консервативно-националистические польские политики определенно отдавали предпочтение решениям, предложенным Ницким договором, который в процессе голосования давал широкий спектр вариантов отказа от неудобных для отдельных стран проектов и практически приравнивал Польшу к Испании в плане количества голосов. Один из консервативных политиков «Гражданской платформы» Ян Мария Рокита запомнился лозунгом «Ницца или смерть» [Bielawska 2012].

Гораздо менее комфортными для националистов были условия Лиссабонского договора, который представлял собой компромисс между сильными антифедералистами, придерживавшимися положений Ниццы, и сторонниками улучшения процесса принятия решений в ЕС. Это вызвало гораздо больше споров в Польше. Наибольшие разногласия вызвали положения, касающиеся принятия решений в Совете ЕС двойным большинством голосов (это составляет не менее 55 % государств-членов, представляющих не менее 65 % населения ЕС). По просьбе Польши лидеры стран ЕС договорились, что до 2014 г. будут действовать действующие правила голосования в Совете ЕС, предусмотренные старым договором, выгодным для Польши. В конечном итоге договор был ратифицирован президентом Польши от партии ПиС Лехом Качиньским (2005–2010 гг.). Отношение президента к Европейскому союзу и его последним постановлениям было гораздо более позитивным, чем его брата-близнеца Ярослава Качиньского, инициатора изменений в Польше, именуемых проектом «IV Речи Посполитой» — термин, употреблявшийся все реже и реже и фактически исчезнувший из официального нарратива⁴.

Серьезной угрозой стабильного международного порядка не только лидеры ПиС, но и подавляющая часть польских избирателей считала Россию. Поэтому политики старались делать вид строгих защитников государств региона. В 2008 г., во время российско-грузинской войны, большая часть польского политического мира явно поддерживала грузинскую интерпретацию событий, осуждая российскую военную операцию. В знак солидарности с грузинским государством президент Л. Качиньский вместе с лидерами Украины, Литвы, Латвии и Эстонии выступил на многочисленном митинге в Тбилиси 12 августа 2008 г. Президент Польши Лех Качиньский обвинил Россию в имперских устремлениях и призвал международное сообщество солидарно ей противостоять [Litwin-Lewandowska 2017].

Точкой негативного перелома в отношениях между Польшей и Россией стала авиакатастрофа 10 апреля 2010 г. над Смоленском, в которой погибли 88 представителей высшего руководства страны, в том числе президент Л. Качиньский. Польская делегация должна была участвовать в торжественной церемонии па-

⁴ *Kruszyńska A.* 10 lat temu prezydent Lech Kaczyński ratyfikował Traktat Lizboński // *Dzieje.pl*. Portal Historyczny. 10.10.2019. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/10-lat-temu-prezydent-lech-kaczynski-ratyfikowal-traktat-lizbonski> (accessed: 21.02.2022).

мяти о жертвах Катынского расстрела и запустить процесс примирения и сближения двух стран. ПиС обвинили российские власти в причастии к катастрофе. Комиссия Межгосударственного авиационного комитета, а затем и польская комиссия по расследованию причин смоленской катастрофы под руководством Ежи Миллера заявили, что катастрофа произошла в результате попытки приземлиться в неприемлемых условиях. Однако руководство ПиС не смирилось с таким объяснением и создало собственную парламентскую следственную группу под руководством Антония Мацеревича, выводы которой были совершенно иными. Следственная группа заявила, что российская сторона и комиссия во главе с министром Ежи Миллером умышленно сфальсифицировали многочисленные доказательства, чтобы скрыть настоящих виновников трагедии и переложить ее на пострадавших, особенно на президента Качиньского⁵. Когда в 2015 г. к власти снова пришла ПиС, в Министерстве обороны был создан Подкомитет по расследованию авиационных происшествий⁶. Несмотря на серьезные затраты на деятельность этой группы и прошедшее время, до сих пор не получено ни одного отчета, который, исходя из изученных фактов, противоречил бы более ранним выводам.

Период после 2015 г. стал временем серьезных разногласий между правящей партией ПиС в Польше и ее западными партнерами. Польша стала инициатором ряда региональных межгосударственных проектов (Вышеградская группа, Восточное партнерство, «Люблинский треугольник», «Карпатский Еврорегион» и др.), активно поддерживаемых США. Однако в период президентства Д. Трампа у ПиС обострились отношения с элитой Демократической партии. Возникла даже инициатива создания базы американских войск под названием Форт-Трампа в Польше⁷, остановленная новым президентом Д. Байденом. Однако в августе 2020 г. было подписано американо-польское соглашение в сфере обороны, предусматривающее наращивание американского военного присутствия [Русакова 2021: 58]. Кстати, такая однозначная направленность на один политический лагерь в США была критически оценена даже в консервативных кругах.

Много проблем в польской внешней политике возникло в связи с несоответствием польской правовой системы демократическим стандартам Европейского союза. Лагерь «объединенных правых», также известный как лагерь «хороших перемен», первым изменил состав Конституционного трибунала. Из-за преждевременного назначения некоторых судей предыдущим Сеймом избранный в 2015 г. президент Анджей Дуда (ПиС) не принял присягу также от законно избранных трех судей. Их заменили двойники, а председателем Трибунала ста-

⁵ Zespół ds. Zbadania Przyczyn Katastrofy TU-154 M 10 z kwietnia 2010 roku. Raport Smoleński, Warszawa, 10 Maja 2013. URL: http://orka.sejm.gov.pl/ZespolSmolenskMedia.nsf/EventsByLink/MJAI-97K9TJ/%24File/Ksiazka_Raport_Smolenski_wyd2.pdf (accessed: 19.02.2022).

⁶ Ministerstwo Obrony Narodowej. Podkomisja do spraw ponownego zbadania wypadku lotniczego. URL: <http://podkomisjasmolensk.mon.gov.pl/pl/index.html> (accessed: 21.02.2022).

⁷ Remarks by President Trump and President Duda of the Republic of Poland in Joint Press Conference // White House. 18.09.2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-duda-republic-poland-joint-press-conference/> (accessed: 22.02.2022).

ла близкая подруга семьи Качиньских, Юлия Пжилембска, что спровоцировало массовые протесты в польских городах. Министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Зиобро инициировал кардинальные изменения общей судебной системы. Его партия «Солидарная Польша», как более радикальная, отделившаяся от «Права и Справедливости», подчеркивает, в частности, необходимость интенсификации социальной политики, восстановление судебной системы через общественный контроль и бескомпромиссное отношение к попыткам ограничить суверенитет Польши по отношению к центральным органам ЕС⁸.

Вносимые последовательно изменения коснулись в первую очередь Национального судебного совета, органа, назначающего судей Верховного суда. Было введено положение о том, что право выдвижения кандидатов в члены Совета предоставляется группам граждан численностью не менее 2000 человек и группам судей численностью не менее 25 человек. Сейм избирает членов Национального судебного совета квалифицированным большинством в 3/5 голосов, а при необходимости проведения второго тура — поименным голосованием. Проблема в том, что этот второй тур не требует квалифицированного большинства, а это означает, что де-факто парламентское большинство имеет решающее влияние на формирование Национального судебного совета. Результатом этого постановления также стало создание нового органа: Дисциплинарной палаты Верховного суда, 13 судей, назначенных президентом по просьбе Национального судебного совета, законность которого, однако, ставится под сомнение оппозиционными политиками и большинством польских юристов. Мнение Венецианской комиссии по этому поводу было критическим: считалось, что в правовом государстве значительная часть или большинство членов судебных советов должны избираться судьями⁹.

В связи с этими и другими кардинальными изменениями в польской судебной системе ЕС возбудил дело против Польши (и Венгрии) по ст. 7 Договора о Европейском союзе. В январе 2022 г. вступил в силу новый механизм обусловленности ЕС, связывающий бюджет ЕС с верховенством права. Ставки были высоки, поскольку значительные средства из Национального плана восстановления могли быть заблокированы. Польша должна была стать четвертым по величине бенефициаром этой программы, имея в своем распоряжении 58,1 млрд евро, в том числе 23,9 млрд евро в виде субсидий и 34,2 млрд евро в виде кредитов; общую сумму европейских кредитов европейское сообщество должно погасить солидарно¹⁰.

Однако в лагере правых популистов существовали разногласия по поводу позиции Польши в случае санкций ЕС за нарушение конституционных норм. «Солидарная Польша» и особенно ее наиболее радикальные представители (Збигнев

⁸ O nas // Solidarna Polska. URL: <https://solidarna.org/o-nas/> (accessed: 19.02.2022).

⁹ Obwieszczenie Marszałka Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 stycznia 2018 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu ustawy o Krajowej Radzie Sądownictwa. Dz. U. 2018 poz. 389. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20180000389/T/D20180389L.pdf> (accessed: 23.02.2022).

¹⁰ Ministerstwo Rozwoju i Technologii, *Krajowy Plan Odbudowy*. URL: <https://www.gov.pl/web/rozwoj-technologie/krajowy-plan-odbudowy> (accessed: 23.02.2022).

Зиобро, Януш Ковальский и депутат Европарламента Патрик Яки) подвергли резкой критике компромиссную позицию премьер-министра М. Моравецкого и Президента А. Дуды по отношению к требованиям Брюсселя¹¹.

«Конфедерация свободы и независимости»: альтернатива на правой стороне

На политическом пространстве Польши возникали самые разные националистические организации общенационального и локального уровней, ощущающие себя в плотном враждебном окружении. Среди основных «врагов» польских националистов социалисты, либералы, евреи и масоны, институты Европейского союза, НАТО, Всемирный банк, Всемирный валютный фонд — при этом все эти враги соединяются в образе США, как носителя всей совокупности отрицательных черт [Неменский 2018: 68]. Критическое отношение к ЕС, однако, не было монополизировано Солидарной Польшей или партией власти, так как в рядах оппозиции существовала конкуренция. Поскольку политический мир в Польше имел дело с двойственными взглядами на политику в коалиции «объединенных правых» по отношению к Европейскому союзу, о двойственности можно говорить и в еще более широком смысле.

На правой стороне польской политической сцены появилась партия, с которой правящий лагерь никак не мог справиться: «Конфедерация свободы и независимости» — далее «Конфедерация» (*Konfederacja Wolność i Niepodległość*). Важнейшей чертой этой партии также является некая генетическая двойственность, гораздо более фундаментальная, чем двойственность внутри «объединенных правых» (куда входили «Право и справедливость»), «Солидарная Польша» и консервативно-либеральная партия «Соглашение» (*Porozumienie*), вышедшее из правящей коалиции в августе 2021 г.).

«Конфедерация» была официально создана 6 декабря 2018 г., накануне выборов в Европарламент. У истоков Конфедерации находилась консервативно-либертарианская партия «КОРВиН» (*KORWiN*, Коалиция за восстановление свободы и надежды), аналог «Движения чаепития» в США. Ей предшествовали различные формы либертарианских групп, таких как «Союз реальной политики». Эти партии в основном связывала фигура довольно эксцентричного лидера — Януша Корвина-Микке (от фамилии которого, на самом деле, и произошло название партии «КОРВиН»). Вторым компонентом «Конфедерации» стало «Национальное движение», националистическая группа, основанная 10 декабря 2014 г. Со временем в составе «Конфедерации» появились и другие небольшие группы национально-консервативного или либертарианского характера. Теоретически оба принципа: националистический, с явно коллективистским происхождением, и либеральный, индивидуалистический, ориентированный на экономику, плохо сочетаются друг с другом. Тем не ме-

¹¹ Kto to jest „mięksizson”? Zbigniew Ziobro tłumaczy // TVN 24. URL: <https://tvn24.pl/polska/mieksizson-kto-to-jest-odpowiada-zbigniew-ziobro-4775313> (accessed: 23.02.2022).

нее обе тенденции в «Конфедерации» разделяют евроскептицизм, гораздо более выраженный, чем в правящем лагере.

«Конфедерация», не входящая в правительственную коалицию, могла влиять только через заявления и официальные документы партии, наиболее привлекательными из которых являются *Конституционные тезисы* (Tezy konstytucyjne) 2020 г. В документе заявлены популистские внутривластные предложения: сократить состав Сейма наполовину, закрепить только один срок полномочий президента — продолжительностью 7 лет. Во внешней политике, как и «Солидарная Польша» и большинство политиков ПиС, «Конфедерация» твердо придерживается позиции верховенства Конституции Республики Польша над всеми другими правовыми актами, включая международные соглашения. По мнению авторов *Тезисов*, Конституция должна содержать четкое положение о том, что Польша имеет собственную валюту и что польские суды не могут быть связаны толкованием права, созданным международными судебными институтами. В документе предлагается ввести четкие руководящие принципы и определить границы польского *raison d'état* и, таким образом, предотвратить голосование депутатов Европарламента за наложение штрафов на Польшу международными организациями или за лишение польского государства права голоса [Nowy porządek... 2020: 17–18].

Вместе с тем во многих заявлениях политиков «Конфедерации» присутствует гораздо более примирительный и прагматичный тон, чем в случае с «объединенными правыми». Здесь показательна позиция Януша Корвина-Микке, который считает политику ПиС и «Солидарной Польши» необдуманной, ведущей к конфликту между Польшей и практически всеми партнерами. Помимо США и европейских стран, в качестве партнера упоминалась и Россия, которую необязательно считать ярким и явным противником. Он также жалеет о том, что Польша своей политикой против президента Лукашенко подтолкнула Беларусь к России¹².

Выводы

Правый национализм и популизм не является в Польше новым явлением: требования политического и экономического суверенитета страны, евроскептицизм, негативное отношение к Германии — это постоянные черты польского политического дискурса [Przyłęcki 2012: 119]. Эти идейные течения и правые организации неоднородны, их позиции по международной тематике существенно разнятся. Даже в правящей партии «Право и Справедливость» присутствуют как «ястребы», так и сторонники более открытого подхода к иностранным партнерам, особенно к Евросоюзу. Коалиция партий «Конфедерации свободы и независимости» является представителем классических правых взглядов, защищая либертарианский характер в экономической политике, и стремится к более праг-

¹² *Korwin-Mikke J.* Oświadczenie w Sejmie na temat polityki zagranicznej Polski. URL: <https://www.wykop.pl/link/6151589/janusz-korwin-mikke-oswiadczenie-w-sejmie-na-temat-polityki-zagranicznej-polski/> (accessed: 23.02.2022).

матичному подходу в отношении других стран. В борьбе за место «истинно правых» «Конфедерация» становится более убедительной: ее политика ведет страну к изоляции, но не к враждебности. Пока невозможно предсказать, какая форма консервативного национализма станет преобладающей в ближайшем будущем.

По самой своей природе популизм характеризуется некоторым облегчением восприятия мира недостаточно образованными гражданами. Таким образом, кризисные явления создаются не только эгоизмом экономического истеблишмента, но и под влиянием внешних факторов. В Польше популистская и националистическая критика по большей части обратилась вовне, в сторону брюссельской бюрократии и Германии, и России. Одновременно оформляются критики этой позиции, так как такие заявления создают барьеры на пути улучшения отношений с зарубежными партнерами, в том числе с Россией [Stolarczyk 2011: 203–222]. Критики правого популизма в Польше, особенно из лагеря Гражданской платформы, замечают, что действия против Евросоюза и евроатлантического единства усиливают позиции России, а лозунг «Националисты всех стран объединяйтесь!» подталкивает их к открытому конфликту между собой» [Applebaum 2021: 113].

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 20.02.2022

Библиографический список

- Глухова А. В., Савенков Р. В. Новый авторитаризм в польском облачении // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13>
- Дец И. А. Социально-экономические основы правопопулистского поворота в Польше // *Современная Европа*. 2019. № 7. С. 49–58. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720194958>
- Клемешев А. П., Ворожейкина Я. А. Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 17–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03>
- Лыкошина Л. С. Польские правые на пороге XXI в. М.: ИНИОН РАН, 2004.
- Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши: монография. М.: РАН, ИНИОН, 2015.
- Неменский О. Б. Крайне правые в современной Польше // *Правый радикализм в Восточной Европе* / отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2018. С. 22–81.
- Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б. Макаренко, Н. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Русакова М. Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном // *Современная Европа*. 2021. № 1. С. 52–61. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120215261>
- Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛЮ, 2020.
- Яжборовская И. С. Польша 2015–2016 гг.: хроника неавторитарного реванша // *Политические исследования*. 2016. № 5. С. 49–65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05>
- Applebaum A. Tusk D. Wybór. Warszawa: Wydawnictwo Agora, 2021. 320 s.
- Bielawska A. „Nicea albo śmierć”, czyli polski dyskurs polityczny na temat Traktatu ustanawiającego Konstytucję dla Europy i jego wpływ na stosunki polsko-niemieckie // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2012. No. 2. P. 237–257.

- Bojarowicz T. *Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku*. Toruń: MADO, 2013.
- Gdula M. *Nowy autorytaryzm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018.
- Górska P. *Polaryzacja polityczna w Polsce. Jak bardzo jesteśmy podzieleni*. Warszawa, 2019.
- Litwin-Lewandowska D. *Gruziński epizod w polskiej polityce zagranicznej w okresie prezydentury Lecha Kaczyńskiego (2005–2010) // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 2017. Vol. II. S. 185–205. <http://dx.doi.org/10.17951/bc.2017.2.185>
- Nowy porządek: Tezy konstytucyjne. Komitet Wyborczy Kandydata na Prezydenta RP Krzysztofa Bosaka. Warszawa, 2020.
- Obacz P. *Podział „Polska solidarna — Polska liberalna” w świetle wybranych koncepcji pluralizmu politycznego*. Kraków: Wydawnictwo LIBRON-Filip Lohner, 2018.
- Pankowski R. *The Populist Radical Right in Poland: The Patriots*. London; New York: Routledge, 2010.
- Przyłęcki P. *Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2012.
- Stolarczyk M. *Prawicowy populizm w Polsce jedną z barier na drodze do poprawy stosunków polsko-rosyjskich // Krakowskie Studia Międzynarodowe*. 2011. No. 4. P. 203–222.

References

- Glukhova, A. V., & Savenkov, R. V. (2019). New authoritarianism in Polish vestment. *Polis. Political Studies*, (4), 181-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13> (In Russian).
- Diec, I. A. (2019). The socio-economic ground for the right-populist turn in Poland. *Sovremennaya Evropa*, (7), 49-58 (In Russian).
- Klemeshev, A. P., & Vorozheina, Ya. A. (2018). National-conservative “turn” of Poland in geopolitical context. *Polis. Political Studies*, (5), 17-28 <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.03> (In Russian).
- Lykoshina, L. S. (2004). *The Polish Right on the threshold of the XXI century*. Moscow: INION RAS. (In Russian).
- Lykoshina, L. S. (2015). *“The Polish-Polish War” : The political life of modern Poland*. Moscow: INION RAS. (In Russian).
- Neneskiy, O. B. (2018). Extreme right movements in modern Poland. In L. N. Shanshieva (Ed.) *Right radicalism in Eastern Europe* (pp. 22–81). Moscow: INION RAS. (In Russian).
- Krouford, K., Makarenko, B., & Petrov N. (Eds.). (2018). *Populism as common challenge*. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian).
- Rusakova, M. (2021). Poland and new trends in central European regional configuration. *Sovremennaya Evropa*, (1), 52-61 (In Russian).
- Epple, N. V. (2020). *An inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries*. Moscow: NLO. (In Russian).
- Yazhborovskaya, I. S. (2016). Poland 2015–2016. Chronicle of neoauthoritarian revanche. *Polis. Political Studies*, (5), 49-65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05> (In Russian).
- Applebaum, A., & Tusk, D. (2021). *Wybór*. Warszawa: Wydawnictwo Agora. (In Polish).
- Bielawska A. (2012). „Nicea albo śmierć”, czyli polski dyskurs polityczny na temat Traktatu ustanawiającego Konstytucję dla Europy i jego wpływ na stosunki polsko-niemieckie. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*, (2), 237-257. (In Polish).
- Bojarowicz, T. (2013). *Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku*. Toruń: MADO. (In Polish).
- Gdula, M. (2018). *Nowy autorytaryzm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej. (In Polish).
- Górska, P. (2019). *Polaryzacja polityczna w Polsce. Jak bardzo jesteśmy podzieleni*. Warszawa. (In Polish).

- Litwin-Lewandowska, D. (2017). Gruziński epizod w polskiej polityce zagranicznej w okresie prezydentury Lecha Kaczyńskiego (2005-2010). *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*, II, 185–205. <http://dx.doi.org/10.17951/bc.2017.2.185> (In Polish).
- Nowy porządek: Tezy konstytucyjne*. (2020). Komitet Wyborczy Kandydata na Prezydenta RP Krzysztofa Bosaka. Warszawa. (In Polish).
- Obacz, P. (2018). *Podział „Polska solidarna — Polska liberalna” w świetle wybranych koncepcji pluralizmu politycznego*. Kraków: Wydawnictwo LIBRON-Filip Lohner. (In Polish).
- Pankowski, R. (2010). *The populist radical right in Poland: The patriots*. London; New York: Routledge.
- Przyłęcki, P. (2012). *Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. (In Polish).
- Stolarczyk M. (2011). Prawicowy populizm w Polsce jedną z barier na drodze do poprawy stosunków polsko-rosyjskich. *Krakowskie Studia Międzynarodowe*, 4, 203-222. (In Polish).

Сведения об авторах:

Дец Иоахим — доктор политических наук, профессор, сотрудник Малопольского государственного высшего учебного заведения им. Витольда Пилецкого в Освенциме, руководитель кафедры исследований евразийского региона, Ягеллонский университет в Кракове (e-mail: joachim.diec@uj.edu.pl) (ORCID: 0000-0002-3335-3772)

Савенков Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

About the authors:

Joachim A. Diec — Habilitated Doctor of Political Sciences, Professor at Cpt. W. Pilecki State College of Małopolska, Poland; Professor and Chair in Eurasian Area Studies at Jagiellonian University in Krakow (e-mail: joachim.diec@uj.edu.pl) (ORCID: 0000-0002-3335-3772)

Roman V. Savenkov — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302

Научная статья / Research article

Новый национализм Турецкой Республики

В. А. Аватков , А. И. Сбитнева

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

 v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена проблематика нового турецкого национализма, который представляет собой набор идейно-ценностных концептов. Особое внимание уделено продиктованной «неоосманским» внешнеполитическим курсом туркоцентричной интеграции, которая во многом и является обновленным национализмом Турции. Такого рода национализм в особенности проявляется на пространстве так называемого «тюркского мира». Авторы анализируют основные черты турецкого национализма в экономической, политической и культурно-образовательной сферах. Так, в гуманитарной плоскости официальная Анкара по-прежнему ориентируется на созданные ей «обштюркские» институты, а также идеи идеологов пантюркизма прошлых веков в свете необходимости всеобщего объединения. Отдельно рассматривается концепция восприятия Турцией себя в качестве «хаба», что в целом проявляется во всех вышеназванных сферах. При этом во всех случаях важную роль играют популистские выражения политической элиты Турции о единстве тюрков мира. Авторы приходят к выводу о том, что внешнеполитические действия Турецкой Республики, во многом характеризующиеся как политический эгоизм, наиболее предметно отражают новый турецкий национализм, который делает страну достаточно сложным для взаимодействия партнером.

Ключевые слова: Турция, Россия, Центральная Азия, Закавказье, национализм, пантюркизм, тюркский мир, туркоцентричная интеграция, хаб, Серые волки

Для цитирования: *Аватков В. А., Сбитнева А. И.* Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

© Аватков В. А., Сбитнева А. И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

New Nationalism of Turkish Republic

Vladimir A. Avatkov , Alina I. Sbitneva

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Moscow, Russian Federation*

 v.avatkov@gmail.com

Abstract. Turkish foreign policy, largely characterized as political selfishness, reflects the set of ideological concepts known as the new Turkish nationalism, which makes the country a rather difficult partner to deal with. This article examines the problem of the new Turkish nationalism. It focuses particularly on the Turkish-centric integration under the “neo-Ottoman” foreign policy as a new form of Turkish nationalism, which is especially evident on the space of the so-called “Turkic world”. The authors analyze the main features of Turkish nationalism in the economic, political, cultural, and educational spheres. They note that in the humanitarian sphere Turkey continues to focus on the “common Turkic” institutions as well as the ideas of the pan-Turkism ideologists of the past amidst the urge for unification. Moreover, the article considers the concept of Turkey’s self-perception as a “hub”, which generally occurs in all the above-mentioned areas. At the same time, all cases under study are affected by the populist expressions of the Turkish political elite about the unity of the Turks of the world.

Keywords: Turkey, Russia, Central Asia, Transcaucasia, nationalism, pan-Turkism, Turkic world, turkocentric integration, hub, Gray Wolves

For citation: Avatkov, V. A., & Sbitneva, A. I. (2022). New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 291–302. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

Введение

Политический процесс в Турецкой Республике во все времена был наполнен рядом идеологем и имел прочную идейно-ценностную надстройку. Одним из идеологических концептов, который со временем так и не утратил значимости для турецкого общества, является национализм, прошедший разные этапы трансформации. Так, существовавший в эпоху Османской империи османизм с образованием Республики эволюционировал в тюркизм, который в видоизменной — более европеизированной — форме нашел свое отражение в «шести стрелах» (базовых принципах) идеологии «кемализма» М. К. Ататюрка [Киреев 2007], известного в том числе своей «крылатой» фразой: «Как счастлив тот, кто называет себя турком» (тур. *Ne mutlu Türküm diyene*) [Киреев 2007].

Турецкий ранний тюркизм базировался на принципе «Турция для турок» и воплощался в жизнь преимущественно путем отуречивания нетитульных наций в пределах одного государства [Зареванд 2015]. Первый президент Турецкой Республики привнес в национализм (тур. *milliyetçilik*) феномен отождествления гражданства с этнической принадлежностью. Позднее эта идея была закреплена в ст. 66 ныне действующей Конституции Турции, гласящей, что все граждане

страны являются турками¹. Следует отметить, что именно такой бескомпромиссный подход к столь хрупкой теме, как национальный вопрос, спровоцировал в Турецкой Республике проблему сепаратизма и противостояние с курдским меньшинством, несогласным с подобными законами. Долгое время турецкие курды в Турции были существенно ограничены в своих правах (до начала 2000-х гг. запрещалось использование курдского языка и т. п.), а сегодня ряд политических курдских деятелей преследуется властями Турции по подозрению в причастности к деятельности Рабочей партии Курдистана, которая признана там террористической.

Позднее, под влиянием идей И. Гаспринского, Ю. Акчуры и З. Гёкальпа [Saklı 2011: 4], пропагандировавших уже идею этнокультурного объединения тюрков мира и создания единого государства Туран, популярность обрела концепция «пантюркизма», представляющая собой комплекс идей по общетюркской интеграции. Современный турецкий национализм многогранен, он вобрал в себя наиболее успешные проявления националистических концепций как турецких, так и зарубежных идеологов. Он может приобретать различные формы и встраиваться в другие идейно-ценностные концепты. В его основе — во многом те же самые практики и подходы устаревшего тюркизма, умело «вшитые» в канву современных политических реалий. Формирующийся полицентризм, в рамках которого Турция становится одним из региональных центров силы с заявкой на надрегиональное лидерство, диктует ей новую модель поведения на международной арене и указывает на необходимость создавать возможности для сохранения себя в центральной системе координат, а не на периферии. Ввиду нехватки ресурсов для того, чтобы стать мировым лидером в политической плоскости, официальная Анкара нацелилась на главенство в этноконфессиональной среде. И если в сфере религии она примеряет на себя роль одного из центров исламского мира, то в вопросах этнических все процессы выстраиваются вокруг тюркского фактора и «родственных» общин.

Туркоцентричный национализм на пространстве «тюркского мира»

Национализм, устремленный «вовне», складывается из ряда факторов, обусловленных переменами во внешнеполитической среде. В целом внешняя политика Турции последних лет базируется на популистской формуле Р. Т. Эрдогана «мир больше пяти»², под которыми понимаются пять членов Совета Безопасности ООН. Турция проводит проактивный внешнеполитический курс, пытаясь встроиться в полицентричный мир в качестве ключевого игрока, с кото-

¹ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. Madde 66 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf (accessed: 14.04.2022).

² Cumhurbaşkanı Erdoğan BM'de konuştu: Dünya 5'ten büyüktür // Anadolu Ajansı. 24.09.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-bmde-konustu-dunya-5ten-buyuktur/1592817> (accessed: 18.04.2022).

рым непременно будут считаться другие акторы мирового политического процесса. И поскольку в рамках историко-культурного региона, то есть Ближнего Востока, шансы Анкары на безоговорочное лидерство абсолютно малы ввиду наличия других крупных игроков, она начинает формировать собственные пространства для реализации своих амбициозных идей.

Турецкая Республика нацелена на создание обособленного субэтноса, или новой подсистемы международных отношений — «тюркского мира», в котором статус всеобщего ориентира будет отведен именно ей. Во главу угла Турцией ставится туркоцентричная интеграция [Аватков 2021: 168], предполагающая формирование тюркских структур и универсализацию всех сфер общественной жизни по турецким лекалам. Данный вид интеграции в широком смысле и есть новый национализм Турецкой Республики, нередко граничащий с его радикальными формами, в частности шовинизмом. Опасность этого явления заключается прежде всего в том, что Турция в лице ее президента и других представителей властной элиты искренне верит в собственную исключительность, на которую должны равняться другие страны и народы. Она не учитывает исторические и цивилизационные особенности своих партнеров, считая возможным стирать их культурные коды и устанавливать собственные правила игры.

То, что принято сегодня называть «неоосманизмом», стало новой национальной идеей Турции, включающей в себя набор идеологем, одна из которых затрагивает проблематику пантюркизма и общетюркского объединения. С момента распада Советского Союза и возникновения пяти независимых тюркских государств такого рода политика на практике применяется Турцией на пространстве Центральной Азии, Южного Кавказа, а также тюркоязычных субъектов Российской Федерации, иными словами — в ареале расселения тюркского этноса. Следует отдельно подчеркнуть, что до определенного момента все зарубежные народы тюркского происхождения именовались Турцией не иначе как «внешние турки» [Дружиловский 2005: 49].

В культурном поле эти объединительные механизмы проявляются прежде всего в создании таких институтов, как Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), а также ряд разнопрофильных фондов, например Фонд имени Юнуса Эмре и других некоммерческих организаций. Членами ряда из них является стандартный набор государств: Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан. Интересно при этом, что штаб-квартира большинства таких структур расположена в столице Турецкой Республики Анкаре, откуда осуществляется координация ряда процессов. Все они преимущественно сконцентрированы на осуществлении культурно-образовательной, научной и иной гуманитарной деятельности, которая в действительности основывается на продвижении турецких идей и лоббировании национальных интересов Турции посредством механизмов «мягкой силы». Их задача заключается прежде всего в создании положительного образа Турции как предводителя тюркских народов и подведения их общественно-политического сознания под стандарты турецких логик.

Несмотря на то, что почти все вышеназванные учреждения были созданы в 1990-х гг., тюркская интеграция под эгидой Турции продолжается вплоть до настоящего времени. Показательным в этом плане стало преобразование в 2021 г. Тюркского Совета в международную Организацию тюркских государств и привлечение к ней новых государств — Туркменистана и Венгрии, получивших там статус наблюдателя. В связи с тем что Туркменистан проводит внешнюю политику под лозунгом «постоянный нейтралитет», его участие в целом ряде тюркских интеграционных инициатив приобретает особую значимость.

Четыре плоскости турецкого национализма: экономика, политика, культура и образование

В культурно-гуманитарной сфере планомерное распространение турецкого влияния происходит за счет формирования специализированных образовательных учреждений и внедрения турецких стандартов образования. В настоящее время такими являются Турецко-казахский международный университет имени Ходжи Ахмеда Ясави в Казахстане и Турецко-киргизский университет Манас в Киргизии. В Азербайджане, в свою очередь, функционируют открытые еще в 1990-х гг. частный турецкий Анатолийский лицей в Баку, Бакинский турецкий лицей, а также Азербайджано-турецкий обучающе-воспитательный центр.

Воздействие происходит и на лингвистическую сферу. Так, например, подобно тому, как в период реформ М. К. Ататюрка в многонациональной раннереспубликанской Турции избавлялись от языковых арабских и персидских заимствований, внедряя в обиход турецкие слова, Турецкая Республика XXI в. избавляет постсоветскую часть «тюркского мира» от кириллического алфавита, обеспечивая лингвистическую модернизацию центральноазиатских республик и всячески поддерживая их переход на латинский алфавит. При этом у подобной политики Анкары есть определенные результаты — в 2017 г. о желании перейти на латиницу объявил Казахстан³, а затем аналогичные дискуссии о необходимости последовать его примеру стали все чаще возникать в Киргизии⁴.

Вместе с тем все заметнее в обеих странах становятся проявления этнонационализма, затрагивающие в том числе вопрос использования там русского языка, являющегося, наряду с национальными, одним из государственных. Более того, пропагандируется идея создания единого общетюркского языка, за основу которого предлагается взять турецкий. В частности, одним из итогов этой деятельности в Казахстане стала практика возобновления языковых патрулей и притеснения русскоговорящих жителей.

³ Казахстан будет переходить на латиницу «без искусственного ускорения» // Интерфакс. 03.06.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/711503> (дата обращения: 14.04.2022).

⁴ Перейдет Кыргызстан на латиницу или нет — ответ Жээнбекова российскому СМИ // Sputnik Кыргызстан. 27.02.2020. URL: <https://ru.sputnik.kg/20200227/kyrgyzstan-zhehehnbekov-latinica-perekhod-protiv-1047196278.html> (дата обращения: 14.04.2022).

Особым примером национальной специфики является модель взаимодействия Турции и Азербайджана, в основе отношений которых со времен второго президента Азербайджана А. Эльчибея заложен популистский принцип «одна нация — два государства» [Аватков 2022]. Единство Анкары и Баку в действительности весьма условно и основывается лишь на схожести некоторых лингвоэтнических аспектов. Однако различия в истории, культуре и даже — частично — в религии не мешают им заявлять о своем единстве. Общенациональный дух «братских» Азербайджана и Турции был в особенности на подъеме в ходе нагорно-карабахских событий осени 2020 г. Так, на «параде победы» в Баку азербайджанские военные шли рука об руку с турецкими, а наряду с флагами Азербайджанской Республики в городе повсюду были установлены и флаги Турции. Спустя год после событий, на VIII саммите Тюркского совета, Р. Т. Эрдоган вручил И. Алиеву Высший орден тюркского мира, присужденный ему «За победу в Карабахе», а также не упустил момент отметить значимость карабахской победы для всего «тюркского мира»⁵. При этом захваченную азербайджанцами по итогам военных действий Шушу было решено сделать следующей столицей «тюркского мира». Этот статус она приобретет в год столетия Турецкой Республики — в 2023 г.⁶

Интересным является тот факт, что официальные представители Азербайджана и сами нередко продвигают концепцию турецко-азербайджанского единства. Еще в ходе III саммита Тюркского совета И. Алиев заявил, что «XXI век должен стать веком “тюркского мира”». Помимо президента страны популистские заявления делает также вице-президент и по совместительству первая леди Азербайджана. Так, выражая свою поддержку жертвам мощных землетрясений в Турции осенью 2020 г., М. Алиева заявила следующее: «Боль турецкого народа — наша боль. Наше братство вечно и нерушимо!»⁷. Аналогичные слова были сказаны ею же в августе 2021 г., когда вице-президент выражала соболезнования турецкому народу в связи с лесными пожарами в Турции.

Отдельного внимания заслуживает восприятие Турцией себя в качестве одного из лидеров мусульманского мира, к которым традиционно относят Египет, Саудовскую Аравию, ОАЭ и Катар. Если во внутренней турецкой политике эта тенденция проявляется в направленных на консервативную часть населения

⁵ Эрдоган вручил Алиеву Высший орден тюркского мира // Anadolu Ajansı. 12.11.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D1%8D%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD-%D0%B2%D1%80%D1%83%D1%87%D0%B8%D0%BB-%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%83-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B8%D0%B9-%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0/2419253> (accessed: 14.04.2022).

⁶ 2023 Türk Dünyası Kültür Başkenti: Şuşa // TÜRKSOY. 02.04.2022. URL: <https://www.turksoy.org/tr/news/2022/04/02/2023-turk-dunyasi-kultur-baskenti-susa> (accessed: 18.04.2022).

⁷ Мехрибан Алиева: боль турецкого народа — наша боль // Sputnik Азербайджан. 30.10.2020. URL: <https://az.sputniknews.ru/20201030/Mekhriban-Alieva-bol-turetskogo-naroda-nasha-bol-425344465.htm> (дата обращения: 14.04.2022).

речах Р. Т. Эрдогана об ужасах процветающей в странах Запада исламофобии и преобразовании исконно христианских святынь и культурных объектов в мусульманские (как это произошло с Собором Святой Софии в Стамбуле, ставшим мечетью), то во внешнеполитической плоскости религиозный аспект во многих случаях тесно переплетается с этнонациональным [Yesevi 2018: 105].

Так, помимо того, что Турция активным образом взаимодействует с мусульманами штата Ракхайн в Мьянме и, например, населением Палестины под предлогом защиты их прав и поставок гумпомощи, она в равной степени активным образом проявляет себя на территории Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР, подвергая власти Китая критике по поводу, как считают в Турции, несправедливых гонений в отношении уйгурского населения. В данном случае этнический фактор и тюркское происхождение уйгуров является доминирующим, в то время как их мусульманское вероисповедание представляет собой дополняющий элемент. В этом контексте интересным представляется азербайджанский кейс, где, наоборот, этническое довлеет над религиозным — в этноконфессиональном плане азербайджанцы являются представителями так называемой «шиитской дуги», что отличает их от исповедующих суннизм турок.

Особое внимание уделяется исламскому образованию и сотрудничеству как в вышеназванных регионах, так и в постсоветских тюркских республиках. Основными координаторами данных процессов являются Управление по делам религии Турции (Diyanet) и Религиозный фонд Турции (TDV), которые содействуют открытию там медресе, строительству мечетей, поставкам религиозной литературы и т. д.

В экономическом поле турецкому национализму также свойственна многогранность. Отдельного внимания заслуживает неофициальная геополитическая идеология Турции, заключающаяся в позиционировании себя «хабом», соединяющим торговые пути Север–Юг и Запад–Восток. Наиболее предметно теория «хаба» просматривается на пространстве Южного Кавказа, которое практически полностью заполнено транспортными и инфраструктурными проектами с участием Турции. В их числе Трансанатолийский трубопровод (TANAP), поставляющий газ в Европу, Южно-Кавказский газопровод по маршруту Баку–Тбилиси–Эрзурум, предназначенный для транспортировки азербайджанского газа, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и железная дорога Баку–Тбилиси–Карс. Через территорию Турции также пролегает Транскаспийский международный транспортный маршрут, или «Срединный коридор/Middle Corridor», построенный с целью увеличения перевозок из Китая в Турцию и страны ЕС. Весной 2022 г. стало известно, что железные дороги Азербайджана, Грузии, Турции и Казахстана намерены создать совместное предприятие с аналогичным названием к 2023 г.⁸

⁸ Железные дороги Азербайджана, Грузии, Турции и Казахстана создадут в 2023 г. СП Middle Corridor // Интерфакс-Азербайджан. 11.04.2022. URL: <http://interfax.az/view/864273> (дата обращения: 18.04.2022).

Еще одним шагом на пути к мягкой форме внешнего национализма стал ребрендинг экспортной марки «Made in Turkey», переименованной на «Made in Türkiye». Как поясняется в тексте указа, подписанного лично Р. Т. Эрдоганом, «В свете многотысячелетней традиции Турецкая Республика соответствует древней турецкой нации и считает одной из главных задач сохранение и прославление культуры и ценностей нации путем выполнения достойной, качественной и ценной работы. Формулировка “Türkiye” наилучшим образом отражает турецкую культуру, цивилизационные особенности и ценности турецкой нации⁹».

Что касается внутриэкономических механизмов, то в эпоху особенно жестких экономических кризисов и неблагоприятных периодов президент Турецкой Республики призывает своих сограждан поддерживать национальную валюту и национального производителя, в особенности высокотехнологичного «Vestel Venus».

Турецкий национализм проявился даже в период вспышки новой коронавирусной инфекции, когда после изобретения Министерством здравоохранения Турции национальной вакцины «TURKOVAC» директор Института вакцин Турции агитировал граждан активнее прививаться именно отечественной вакциной, аргументировав свои действия таким образом: «Если граждане сделают выбор в пользу «TURKOVAC», они окажут доверие и поддержку своей стране»¹⁰.

Турецкий национализм и тюрки России

Во внутривластном поле Турции основными субъектами-проводниками националистических и других идей, помимо государственных ведомств и некоммерческого сектора, являются разного рода движения и политические партии националистического характера. Одна из них — ультраправая Партия националистического движения (ПНД), которая, наряду с Партией справедливости и развития (ПСР), является правящей. В своей деятельности ПНД придерживается воззрений А. Тюркеша — турецкого пантюркиста и лидера радикальной националистической организации «Серые волки» [Надеин-Раевский 2016: 26], скончавшегося в 1997 г. и с тех пор признанного идейным вдохновителем и «вождем» турецких националистов.

Следует отметить, что в Турции волк является главным символом националистов, так как, согласно одной из легенд, прародительницей древнего тюркского рода Ашина являлась волчица. А. Тюркеш являлся убежденным на-

⁹ Ürünlerde ibaresi “Made in Türkiye” kullanılmaya başlayacak // TRT Haber. 04.12.2021. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/urunlerde-made-in-turkiye-ibaresi-kullanilmaya-baslayacak-632675.html> (accessed: 14.04.2022).

¹⁰ Институт вакцин Турции призвал к использованию препарата TURKOVAC // Anadolu Ajansı. 24.12.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5/%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82-%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BD-%D1%82-%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D0%BA-%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B0-turkovac/2456723> (accessed: 14.04.2022).

ционалистом и совершенно открыто рассуждал об особой цивилизационной роли тюркских народов. В 1991 г. на заседании Великого национального собрания Турции лидер «Серых волков» заявил, что туранизм является уже не фантазией, а реальностью. После его смерти на обложке журнала «Очаг идеала» (Ülkü ocağı), выпускаемого националистами, начали появляться призывы следующего содержания: «Действуй, турок, пора проснуться! <...> Вновь разверни навстречу горизонту победоносные славные знамена. Великая Турция — превыше всего!» [Киреев 2016: 76–77].

Партия националистического движения во главе с ее лидером Д. Бахчели активным образом продолжает политику А. Тюркеша и продвигает идею «тюркского мира», а ее внешнеполитические взгляды зиждутся на амбициозном принципе «страна-лидер Турция» (тур. Lider Ülke Türkiye), который предполагает проведение Анкарой независимой и приносящей плоды внешней политики¹¹. Взглядам ПНД вторит еще одна парламентская фракция под названием «Хорошая партия», возглавляемая М. Акшенер. Необходимо отметить, что даже ее логотип — İYİ — имеет некую схожесть с тюркскими рунами, что дополнительно легитимирует партию через отсылку к традиционным ценностям. Ее лидер начинала свою карьеру с ПНД, которую впоследствии покинула для создания собственной партии.

Одним из ключевых направлений внешней политики «Хорошей партии» является «тюркский мир», а также взаимодействие с тюркскими государствами постсоветского пространства посредством «мягкой силы», в том числе Агентства по сотрудничеству и развитию (ТІКА) и Управления по делам зарубежных тюрков и родственных общин¹². Что касается России, то представители обеих перечисленных партий негативным образом отзываются о внешнеполитической и другой деятельности Российской Федерации и даже поддерживают сепаратистов на Северном Кавказе. Так, например, М. Акшенер по сей день поощряет стремления к независимости самопровозглашенной Ичкерии, а Д. Бахчели в ноябре 2021 г. в ходе своей встречи с Р. Т. Эрдоганом подарил последнему карту «тюркского мира», включающую в том числе территории Российской Федерации, в частности Якутию.

Влияние Турецкой Республики на тюркоязычное население Российской Федерации всегда было велико: со времен распада СССР на территорию ряда субъектов страны распространились печатные материалы религиозного и другого характера, а также турецкие образовательные лицеи «Хизмет», которые, как было установлено, и осуществляли незаконную экстремистскую деятельность и в большинстве случаев не имели должной аккредитации. Почти все они были аффилированы с турецким проповедником и исламским деятелем Ф. Гюленом, ныне проживающим в Соединенных Штатах [Flanagan, Stephen Larrabee, Binnendijk, Costello, Efron, Hoobler, Kirchner, Martini, Nader, Wilson 2020: 9]. Наи-

¹¹ MHP Parti Programı. Geleceğe Doğru // Milliyetçi Hareket Partisi. URL: http://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/mhp_parti_programi_2009_opt.pdf (accessed: 14.04.2022).

¹² İYİ Parti Programı // İYİ Parti. URL: <https://iyiparti.org.tr/storage/img/doc/iyi-parti-guncel-parti-program.pdf> (accessed: 14.04.2022).

большее распространение подобные учреждения получили в Татарстане и Башкортостане, однако после запрета Верховным Судом в 2008 г. их деятельность была запрещена, а лицеи закрыты.

Однако ликвидация школ не означала прекращения других связей Турции с российскими регионами. До событий со сбитым Турцией самолетом российских ВВС Су-24 стороны активно взаимодействовали в рамках проведения различных фестивалей, научных конференций и других мероприятий по линии ТЮРКСОЙ, а также ряда аналогичных организаций и НКО. В Республике Башкортостан, например, в 2012 г. при Государственном педагогическом университете Башкирии была открыта кафедра ТЮРКСОЙ, а многие российские студенты получали высшее образование на территории Турции по стипендиальной программе «Türkiye Bursları».

Сегодня на официальном сайте ТЮРКСОЙ среди наблюдателей организации числятся Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Республика Саха, Республика Татарстан и Республика Тыва, несмотря на то, что Министерство культуры России после инцидента в 2015 г. рекомендовало этим субъектам прекратить взаимодействие с турецкими структурами. В настоящее время в Москве действует Институт Юнуса Эмре, который проводит в столице России и на территории ее субъектов преимущественно протурецкие мероприятия культурного характера, которые в действительности направлены на сближение с тюркоязычными народами России, которые Турция по-прежнему стремится включить в состав «тюркского мира», тем самым создавая прямые угрозы национальной безопасности России.

Помимо этого, отдельное внимание Турция всегда уделяла Северному Кавказу, в частности черкесскому населению. Важно отметить, что сегодня на территории Турецкой Республики действует Федерация кавказских ассоциаций (KAFFED), а также Федерация дернеков Черкессии (ÇERKESFED), проводящие особую работу в черкесских диаспорах. Так, например, черкесскому населению Турции внушается мысль о том, что Турция единственная сохраняет уважение к черкесскому языку и культуре, а также продвигается тематика «геноцида» черкесов Российской империей во времена Кавказской войны¹³.

Аналогичная политика при этом проводится и в отношении крымско-татарского населения Крыма, присоединение которого к России Анкара не признает. В данном случае Турция использует другую «наболевшую» проблему депортации, так или иначе подогревая антироссийские националистические настроения как на территории своей страны, так и за ее пределами. В том числе с этой целью на территории современной Турции функционирует Ассоциация культуры и солидарности крымских турок.

¹³ 'Türkiye'den Çerkes soykırımını tanınmasını istiyoruz' // Anadolu Ajansı. 20.05.2016. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiyeden-cherkes-soykirimini-tanimasini-istiyoruz/575691> (accessed: 18.04.2022).

Заключение

Новый национализм современной Турецкой Республики представляет собой набор идей и ценностей, собранных воедино по прошествии длительного времени. Национализм Турции изменился и в значительной степени отличается от того, что был на заре существования Республики. Так, в отличие от национализма тех времен, направленного в первую очередь на население самой Турции, современный национализм в дополнение к его прошлым формам предполагает объединительную экспансию в отношении тюркских государств Центральной Азии, Закавказья и тюркоязычных субъектов России. При этом для ряда из них, в частности для Российской Федерации, такого рода туркоцентричная интеграция представляет собой угрозу национальной безопасности.

Таким образом, турецкий национализм имеет внутреннюю и внешнюю специфику. Вся современная внешняя политика Турции отражает суть турецкого национализма, которую во многом можно сравнить с политическим эгоизмом. То, как официальная Анкара ставит свои национальные интересы на первое место во всех исторических, политических, экономических и других процессах, существенно осложняет ее взаимодействие с внешними акторами, особенно такими мировыми лидерами, как Россия и США. По мере укрепления национализма Турция становится более сложным партнером, и подобную поведенческую специфику, продиктованную националистическими настроениями, необходимо учитывать при выстраивании контактов любого типа.

Поступила в редакцию / Received: 15.01.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2022

Библиографический список

- Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 5. С. 162–176.
- Аватков В. А. Турция и Азербайджан: одна нация — одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 2. С. 90–100.
- Дружиловский С. Б. Турция: привычка управлять // *Россия в глобальной политике*. 2005. Т. 3, № 6. С. 48–61.
- Зареванд. Турция и пантуранизм. Москва: Ключ-С, 2015.
- Киреев Н. Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 12 (294) С. 69–83.
- Киреев Н. Г. История Турции XX век. Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
- Надеин-Раевский В. А. Идеиная борьба и «новая Турция» // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 2 (47). С. 22–31.
- Flanagan S. J., Stephen Larrabee F., Binnendijk A., Costello K, Efron S., Hoobler J., Kirchner M., Martini J., Nader A., Wilson P. A. Turkey's Nationalist Course. RAND Corporation: Santa Monica, 2020.

- Saklı A. R. Türkiye Cumhuriyeti ulus devleti ve milliyetçilik anlayışının uygunluğu sorunu // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2011. № 13 (1). P. 1–22.
- Yesevi Ç. G. Türk Milliyetçiliği Doğuşu, Yükselişi ve Siyasal Yansımaları. Kripto Basın Yayın, 2018.

References

- Avatkov, V. A. (2021). Post-Soviet space and Turkey: results of 30 years. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 14(5), 162–176. (In Russian).
- Avatkov, V. A. (2021). Turkey and Azerbaijan: one nation — one state? *World Economy and International Relations*, 66(2), 90–100. (In Russian).
- Druzhilovsky, S. B. (2005). Turkey: the habit of governing. *Russia in global politics*, 3(6), 48–61. (In Russian).
- Flanagan, S. J., Stephen Larrabee, F., Binnendijk, A., Costello, K., Efron, S., Hoobler, J., Kirchner, M., Martini, J., Nader, A., & Wilson, P. A. (2020). *Turkey's Nationalist Course*. RAND Corporation: Santa Monica.
- Kireev, N. G. (2016). Islam-Turkish synthesis in the state ideology of Turkey. *Russia and Muslim World*, 12(294), 69–83. (In Russian).
- Kireev, N. G. (2007). *History of Turkey*. Moscow: IV RAN: Kraft+. (In Russian).
- Nadein-Rayevsky, V. A. (2021). Ideological struggle and “new Turkey”. *MGIMO Review of International Relations*, 2(47), 22–31. (In Russian).
- Saklı, A. R. (2011). The question of the appropriateness of the understanding of the nation-state and nationalism of the Republic of Turkey. *Journal of the Faculty of Economic and Administrative Sciences of Gazi University*, 13(1), 1–22. (In Turkish).
- Yesevi, Ç. G. (2018). *The Birth, Rise and Political Reflections of Turkish Nationalism*. Crypto Press Publication. (In Turkish).
- Zarevand. (2015). *Turkey and Panturanism*. Moscow: Klyuch-S. (In Russian).

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Сбитнева Алина Игоревна — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348)

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Alina I. Sbitneva — Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ: КОНФЛИКТНЫЙ И КОАЛИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

REGIONAL ETHNO-NATIONALISM: CONFLICT AND COALITION POTENTIAL

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-303-316

Научная статья / Research article

Этнорегиональные партии в Европарламенте: неочевидный потенциал политической субъектности

Н. В. Еремина *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация* nerem78@mail.ru

Аннотация. Каждое современное многоэтническое государство, входящее в состав Европейского союза, регулярно сталкивается с необходимостью решать проблему конфликта по линии «центр — этнический регион». Важнейшей политической силой в этом конфликте являются этнорегиональные партии. В условиях евроинтеграции они получили возможность участвовать как консультирующая сторона в региональной политике ЕС (что способствовало реформам, направленным на децентрализацию в странах-членах), а также право на взаимодействие в рамках еврорегионов и на коммунарных площадках, среди которых по степени значимости выделяется Европарламент. Цель статьи — ответить на вопрос о возможностях и функционале влияния фракции этнорегионалистов на процессы европейской интеграции. В статье использован авторский концепт культурно-территориальных дифференциаций, который напрямую связывает политическое этнорегиональное движение с факторами наличия этнокультурных особенностей и исторической территории. Автор приходит к выводу, что именно европеизация (в ходе развития которой устоялась идея Европы регионов и народов) привела к усилению этнорегионального движения в Европе, актуализировав вопрос этнорегионального коллективного ответа. Поэтому этнорегионалисты — важнейший элемент политической системы на национальном и наднациональном уровнях. При этом именно историческая эволюция и практика деятельности европейских регионалистов доказывает, что они не могут представлять собой независимую и самостоятельную

© Еремина Н. В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ную политическую силу на наднациональном уровне, так как их сотрудничество зависит от множества обстоятельств правового и политического характера, определяемых уже на уровне государств.

Ключевые слова: Европейский свободный альянс, этнорегиональные партии, евроинтеграция, Европейский парламент, коммунитарное пространство, национализм, сепаратизм, сецессия, автономия

Для цитирования: *Еремина Н. В. Этнорегиональные партии в Европарламенте: неочевидный потенциал политической субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 303–316. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-303-316>*

Ethno-Regional Parties in the European Parliament: The Unevident Political Actor

Natalia V. Eremina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

 nerem78@mail.ru

Abstract. Ethno-regional parties play a vital role in the conflict between the center and the ethnic regions, which is relevant for all modern multiethnic EU states. The European integration allows these parties to participate in the regional policy of the EU (contributing to the decentralizing reforms in the member states), as well as to interact within Euroregions and on communitarian platforms, such as the European Parliament. This article aims to clarify if this ethno-regionalist faction is able to influence the integration processes in Europe, and to what extent. To achieve this goal, we need to answer the following questions: how can the ethno-regionalists be described from a theoretical point of view? What is the dynamic of their development within the European Parliament, considering the historical retrospective? What are their current ideological attitudes that allow them to maintain unity and achieve success? The article is based on the author's concept of cultural-territorial differentiations, which points the correlation between the political ethno-regional movement and the existing ethnocultural features and historical territory. The author concludes that it was Europeanization that led to the strengthening of the ethno-regional movement in Europe as it made the question of the ethno-regional collective response relevant. Therefore, ethno-regionalists are an essential element of every political system at the national and supranational levels. At the same time, the historical evolution and experience of European regionalists prove that they cannot constitute an independent and autonomous political force at the supranational level as their cooperation depends on various legal and political circumstances occurring on the state level.

Keywords: European Free Alliance, ethno-regional parties, European integration, European Parliament, communitarian space, nationalism, separatism, secession, autonomy

For citation: Eremina, N. V. (2022). Ethno-regional parties in the European Parliament: The unevident political actor. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 303–316. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-303-316>

Вместо введения Особенности этнорегиональных партий

Этнорегиональные (национальные) партии государств — членов ЕС планомерно и уверенно увеличивают свое присутствие как в национальной, так и наднациональной политике. Более того, именно благодаря европейской интеграции данные партии получили новую площадку для взаимодействия и продвижения идеи Европы регионов и народов в рамках Европарламента. В настоящее время в нем действует фракция этнорегионалистов из разных стран ЕС, причем в качестве наблюдателей в ее работе участвуют представители регионов стран, не являющихся частью коммунитарного пространства. Значение фракции и ее голос многократно усилила кооперация с «зелеными». Эти обстоятельства заставляют внимательно отнестись к политической платформе, практической деятельности фракции в контексте развития государственности и европейской интеграции, подтверждая актуальность исследования вопроса о взаимосвязи этнорегионалистов и евроинтеграции.

Этнорегиональные партии европейских стран — это политические представители конкретных этнотерриториальных сообществ (исторических народов), проживающих исконно в определенных регионах, как правило, многонациональных государств. Мы намеренно используем этот термин, чтобы отделить указанные сообщества от нации как политического объединения людей, являющихся гражданами одного государства. Например, этнорегиональными являются партии Каталонии, Страны басков, Шотландии, Уэльса, Южного Тироля, Корсики.

В научном мире сложились разнообразные подходы к изучению этнорегиональных партий. Во-первых, ученые обращают внимание на фактор территориальности как ведущий в самоидентификации партии [Strmiska 2003]. Во-вторых, в позиционировании партий важен их этнический характер, а требование признания этнокультурной уникальности — основа для формирования узнаваемой политической программы [Осколков 2021]. В-третьих, можно учитывать все характеристики исторического развития этнокультурной группы на конкретной территории¹. В-четвертых, эксперты обращают внимание на политические требования этнорегиональных партий и их цели. В соответствии с этими целями Л. Де Винтер делит этнорегионалистов на несколько групп. Несмотря на то, что все партии согласны с «ключевым вопросом» о необходимости автономии (в том числе как шага в сторону независимости), уровень автономии, которого они добиваются, серьезно отличается. Так, Л. де Винтер разделил этнорегиональные партии по пяти различным типам именно в соответствии с представлениями об автономии: индепендисты, автономисты, протекционисты, национальные федералисты, ирредентисты [Winter De 2002: 483–485]. В то же время, основываясь исключительно на территориальных требованиях регионалистов, их также раз-

¹ Еремина Н.В. Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании: на примере Шотландии и Уэльса: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2012.

деляют на тех, кто требует сецессии или просто «реструктуризации» взаимодействий с центральной властью [Elias, Basile, Franco-Guillén, Szöcsik 2021: 1–3].

Большая часть исследователей разделяет мнение, что возможности для формулирования определенных политических требований и их реализация зависят от исторической конфигурации взаимодействия центра и этнического региона [Shair-Rosenfield 2021; Ferreira 2021; Valbruzzi & Vignati 2021]. В-пятых, степень активности политической деятельности этнорегиональных партий определяется их позициями на наднациональном уровне, прежде всего в Европарламенте [Massetti 2021: 20–22; Giraudy, Niedzwiecki 2021: 1–5] или на международной арене в целом, если мы говорим о регионах других континентов [Lecours 2020: 143–160].

Таким образом, мы видим, что все исследовательские типологии этнорегиональных партий основаны на их практической деятельности и идеологии, проявляемой на уровне национальной политики (а их международная деятельность исследуется именно в контексте ее влияния на позиции этнорегионалистов в собственной стране). При этом пока нет конкретной типологии этнорегиональных партий, действующих на наднациональном уровне. Поэтому в данной работе мы исходим из представления о жесткой взаимосвязи между опытом и ресурсами данных партий на уровне национальной политики с их устремлениями, целями, задачами, возможностями на уровне коммунитарной политики.

Причины актуализации этнорегиональных партий

С конца XX в. данные партии укрепили свои позиции на политической арене государств и ЕС. Наиболее яркими примерами актуализации повестки изменения статуса этнических регионов стали референдумы в Шотландии в 2014 г., а также в Каталонии в 2017 г.

Основание роста этнорегионального политического движения в целом составляют разные факторы. Во-первых, успешные примеры изменения конституционного статуса конкретных регионов [Amaral 2021: 371]. Во-вторых, рост политических требований самих граждан, проживающих в исторических регионах, которые отражают коллективное политическое сознание [Asari, Halikiopoulou, Mock 2008: 1–5]. Этничность — это всегда удобный механизм для мобилизации населения под определенными лозунгами для включения в борьбу за территорию и ресурсы, формирования регионального узнаваемого образа, даже выхода на международную арену [Еремина 2017]. В-третьих, процессы формирования взаимосвязи этнорегиональных партий и жителей этнических регионов осуществляются во многих государствах в контексте европейской интеграции, создавшей условия для актуализации идентичности этнорегиональных сообществ (глокализация) [Platt, Nandi 2020]. Коммунитарное право сформировало прямые связи между региональным и наднациональным уровнями, сделало субгосударственный уровень власти участником региональной политики ЕС, позволило формировать межрегиональные управленческие структуры в рамках еврорегионов, ввело принципы субсидиарности и институционально зафиксировало этноре-

гиональное представительство в Комитете регионов, а также в Европарламенте. И именно в Европарламенте, где представлены разные политические силы, этнорегионалистам удалось сформировать фракцию «Европейский свободный альянс», что позволяет постоянно привлекать внимание граждан ЕС к проблемам этнорегиональных меньшинств.

Поэтому именно европеизация (большинство исследователей понимают европеизацию как сложный процесс адаптации государств и региональных сообществ к евроинтеграции, что предполагает принятие ими стандартов, норм, ценностей ЕС) [Graziano and Vink 2013: 37] создала механизмы не только для укрепления, но и продвижения интересов этнорегиональных сообществ и их политических представителей на международном уровне. Например, Республиканская партия Каталонии (*Esquerra Republicana de Catalunya*) отстаивает принцип независимости, чтобы самостоятельно представлять свои интересы в рамках ЕС. А лидер шотландских националистов будет добиваться предоставления региону права на референдум о независимости, чтобы Шотландия могла войти в состав ЕС, что актуально после Брексита. Не менее значимым фактором урегулирования этнополитического конфликта евроинтеграция стала для Северной Ирландии, где европейская идея объединила многих католиков и протестантов [Guelke 2019: 383].

Европеизация как способ актуализации этнорегиональной повестки на международном уровне

Европеизация сейчас рассматривается экспертами в широком контексте, так как право ЕС влияет на евроинтеграцию, на политику государства-члена и его партийно-политическую систему [Ladrech 2009: 393], хотя некоторые исследователи, признавая ее влияние на национальную политику государства, все-таки считают это влияние ограниченным [Maig 2000: 21–27]. Но в таком случае, как правило, не выполняется анализ именно регионального (субгосударственного) уровня принятия решений. Европеизация, создающая инструменты взаимодействия в рамках евроинтеграции для самых разных ее участников, — это дополнительный стимул и способ поиска «родственных» (т. е. схожих по целям и интересам) партий из разных стран — членов ЕС для объединения усилий и поддержания процессов евроинтеграции. И именно этнорегиональный уровень политического представительства получает наибольшие возможности для проявления себя и обретения дополнительной политической и экономической силы благодаря европеизации. Кроме того, небольшие этнорегиональные партии в отличие от мейнстримных партий особенно заинтересованы в представительстве на площадке Европарламента (ЕП) (ведь на уровне ЕС все политические силы находятся в рамках одного общего правового поля) [Еремина, Худолей 2017: 28–36].

Европеизация воздействует на политические партии, усиливая их положение и приспособлявая к себе. Поэтому Л. Де Винтер определяет европеизацию этнорегиональных партий как двойственный, постепенный, интерактивный и диф-

ференцированный процесс возникновения и развития на европейском уровне определенных политических партий в условиях легитимизации европейских норм, адаптации национальных систем к европейской системе, а также к результатам, которые оказывают институты и политика ЕС (процесс ее развития) на региональные и национальные структуры, в которых действуют этнорегиональные партии [Winter de 2001: 3].

Данный процесс непосредственным образом повлиял на функции этнорегиональных партий. Теперь они представляют себя одновременно защитниками интересов этнической периферии и евроинтеграции и являются проводниками этнической идеологии и интересов этнических регионов на внешней арене, в первую очередь в рамках коммунитарных органов власти. Неслучайно организация собственного представительства в Брюсселе становится одной из важнейших целей для любого этнического региона, в котором ключевую роль играют представители этнорегиональных партий.

Интернационал этнорегиональных партий в Европейском союзе

Этнорегиональные партии, победившие на выборах в ЕП, стремятся воздействовать на европейские органы власти, чтобы те, в свою очередь, способствовали изменению их статуса (связывая это, например, с необходимостью управления структурными фондами в регионах) и повлияли на правительства, заставляя их осуществлять политику децентрализации.

Политические силы, представляющие конкретные группы (этнонациональные, этнорегиональные), благодаря ЕС сформировали общую фракцию в Европарламенте (ЕП), вынося этнорегиональную повестку на наднациональный уровень. В 1981 г. был создан Европейский свободный альянс, объединивший этнические меньшинства и этнорегиональные партии. Но является ли общая партия регионалистов действительно представительной и влиятельной силой?

Европейский свободный альянс функционирует как транснациональная федерация регионалистов и действует как их коллективный голос в ЕС и ЕП. Поэтому, в то время как региональные правительства создают свои представительства в Брюсселе, региональные партии используют данную общеевропейскую фракцию, чтобы отстаивать свои интересы в ЕП и Комитете регионов. Несмотря на то, что регионалисты поддерживают идею создания Европы регионов, они не предлагают конкретного механизма, способствующего воплощению данной идеи в жизнь. Вероятно, это происходит вследствие того, что европейские региональные правительства действительно асимметричны, сильно отличаются по компетенциям, правам и полномочиям, и не только между разными странами — членами ЕС, но и в рамках отдельно взятого государства (в Испании, например). Поэтому аналогичная ситуация складывается и в отношении этнорегиональных партий, которые представляют общие смыслы, но не конкретные шаги к их реализации [Lynch 2007: 9].

Этнорегиональные партии представлены в Европарламенте (ЕП) начиная с первых выборов в 1979 г., хотя тогда только пять этнорегиональных партий получили места, не составили единую фракцию. Но уже в это время член фламандской партии Volksuni Мауритс Коппелетерс предложил этнорегиональным партиям объединиться. В ходе работы этнорегионалистов в ЕП произошло осознание общности интересов и взглядов, что и позволило сформировать в 1981 г. единый панъевропейский политический союз — Европейский свободный альянс. В последующие избирательные циклы в ЕП этнорегионалисты уже выбирали родственные партии для сотрудничества. Но они никогда не составляли единую фракцию со всеми этнорегиональными партиями, так как некоторые партии периодически то вступали, то выходили из Альянса, их позиции менялись под влиянием конкретных исторических обстоятельств. Поэтому Альянс не был стабильным до союза с зелеными партиями в 1999 г. Однако уже в рамках объединения «Европейские зеленые — Европейский свободный альянс» этнорегионалисты смогли укрепиться (совместно с зелеными они совершили скачок с 3–4 % (около 20 мест)² до 6 % (47 мест) и вошли в пятерку основных политических фракций)³.

Все последующие выборы в Европарламент подтверждали установившуюся тенденцию, предоставляя этнорегиональным партиям шанс усилить свое присутствие на законодательной площадке ЕС именно благодаря взаимодействию с зелеными. Недавние выборы в ЕП в 2019 г. показали устойчивые позиции Европейских зеленых — Европейского свободного альянса, получившего около 10 % мест в новом парламенте и 74 места⁴. Безусловно, улучшение позиций связано с ростом популярности зеленых партий в большей степени, нежели этнорегионалистов. Однако это свидетельствует о верной стратегии регионалистов и об удачной кооперации усилий.

Программные установки Европейского свободного альянса

Итак, с 1999 г. и в настоящее время фракция включает в себя не только этнорегиональные партии, но и зеленые партии в рамках общей группы Зеленые/Европейский свободный альянс (the Greens/European Free Alliance Group). Альянс стал довольно успешным и функционирует в рамках Европарламента уже более 35 лет, являясь голосом исторических меньшинств и регионов в Европе, начиная с июля 1981 г., когда впервые этнорегиональные партии подписали Декларацию Брюссельского конвента. Центральная идея документа — защита концепта «Европа народов». В сегодняшнем парламенте данная фракция по-прежнему называет себя «партией безгосударственных наций, регионов и меньшинств, выступающей за Европу народов, а не наций, за право самоопределения, культурное и языковое

² European election results 1994. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/european-results/1994-1999/outgoing-parliament/> (accessed: 28.12.2021).

³ European election results 1999. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/european-results/1999-2004/outgoing-parliament/> (accessed: 28.12.2021).

⁴ European election results 2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/european-results/2019-2024/> (accessed: 28.12.2021).

разнообразие». Группа является проевропейским политическим союзом, который продвигает именно ценности и достижения ЕС, демократию и права человека, социальную справедливость, представляя народы из 19 стран-членов⁵. Данная организация единственная из всех общеевропейских фракций включает в себя этнорегиональные партии не только из стран ЕС, но и из некоторых стран, не входящих в состав ЕС, в качестве наблюдателей. Особенно это было важно для сохранения взаимодействия с коллегами из Уэльса и Шотландии, которые потеряли свои места в ЕП в результате Брексита. При этом, конечно, фракция регионалистов сталкивается со сложностями в своей работе, так как она нуждается в коалиции.

В сегодняшнем Европарламенте фракция представлена довольно заметными на европейском политическом ландшафте партиями: Партия «Будущее Аландских островов» (Ålands Framtid); «Партия Баварии» (Bayernpartei); «Левая Республиканская партия Каталонии» (Esquerra Republicana de Catalunya); «Баскская солидарность» (Eusko Alkartasuna); «Займемся Корсикой» (Femu a Corsica); «Шотландская национальная партия» (Scottish National Party); «Южнотирольская свобода» (Süd-Tiroler Freiheit) и др.⁶

Все перечисленные регионалисты имеют схожую электоральную базу, ведь за них в ходе выборов голосуют те, кто выступает за расширение автономии своего региона, не говоря уже о тех, кто поддерживает сецессию. При этом в социальном плане электорат этнорегиональных партий разнообразен, ведь за идею независимости своего региона, как и за расширение его компетенций, выступают люди из разных социальных слоев. Немаловажную роль в результатах проникновения этнорегионалистов в ЕП в ходе выборов играют также оппозиционно настроенные к политическим партиям мейнстрима граждане [Reilly 2021: 465–469]. Поэтому нарисовать конкретный портрет избирателя этнорегионалистов практически невозможно. Но всех их связывает общность идеи самоопределения. Поэтому очевидно, что все входящие во фракцию этнорегионалисты поддерживают идею политического суверенитета этнических регионов в форме широкого самоуправления или даже сецессии. С 2003 г. и по настоящее время инструментом продвижения этой идеи стала концепция «внутреннего расширения», т. е. идея развития децентрализации в государствах-членах, получение новых компетенций регионами и, таким образом, подтверждение демократизации⁷. По сей день новые цели и задачи не были обнаружены.

Примечательно, что на сайте группы указано, что она поддерживает не только этнорегиональные сообщества, но и «возникающие новые государства». Фракция продвигает принципы самоопределения гражданских, личных и политических прав, демократии, внутреннего развития и передачи полномочий на места, мультиуровневого управления, деволюции, культурного и лингвистического разнообразия. Она базируется на идеях национализма, регионализма, автономиз-

⁵ European Free Alliance. Who we are. URL: <https://e-f-a.org/who-we-are/> (accessed: 28.12.2021).

⁶ С полным списком партий можно ознакомиться на сайте Европейского свободного альянса: European Free Alliance. URL: Who we are. <https://e-f-a.org/who-we-are/> (accessed: 28.12.2021).

⁷ European Free Alliance Annual Report 2020. URL: <https://e-f-a.org/wp-content/uploads/2021/06/EFA-10059-annual-report-2020-160621-LR.pdf> (accessed: 28.12.2021).

ма и независимости⁸. При этом именно право на самоопределение названо краеугольным камнем программы и идеологии Европейского свободного альянса. Именно это право обосновывает конструктивное взаимодействие европейских народов, наций, сообществ и граждан, с точки зрения членов фракции.

Манифест 2019 г., который является основой для деятельности фракции и в текущей парламентской сессии (это основополагающий документ на весь срок деятельности альянса в ЕП, т. е. до 2024 г.), раскрывает ключевые задачи европейских этнорегионалистов. Первая задача — борьба с дискриминацией этнорегиональных меньшинств как отдельно взятых сообществ. С точки зрения членов фракции, не должно быть никаких различий между народами, необходимо признать универсальность всех людей и их идентичностей. Вторая задача — утверждение принципа самоопределения народов. Этнорегиональные партии противопоставляют данный принцип идеям евроскептицизма и антиевропейского популизма, а также предлагают использовать как конкретный инструмент модернизации правовой системы в отдельных государствах. Третья задача — повсеместная передача субгосударственному уровню дополнительных компетенций. Четвертая задача — преобразование Комитета регионов в одну из ступенек законодательной системы ЕС.

По мнению представителей фракции, признание культурного и языкового разнообразия, социальная справедливость и право на самоопределение взаимосвязаны, проект «Европы народов» нуждается в том, чтобы отвечать демократическим вызовам и реально обеспечивать права человека на практике. Для этого необходимы специальные европейские программы по поддержке языков меньшинств, принцип «языковой справедливости», иначе идея Брекзита будет распространяться по пространству ЕС⁹.

Довольно примечательно выглядит практическая работа фракции. Она заключается в организации и поддержке референдумов о самоопределении, декларациях политической свободы или реакции на конкретные события (так, этнорегионалисты гордятся тем, что оказали всемерную поддержку при проведении референдумов в Шотландии и Каталонии о самоопределении). Фракция предлагает регулярно проводить ревизию европейского проекта, решать на постоянной основе проблему демократического дефицита, поддерживать принцип инициативы граждан, введенный в Лиссабонский договор, согласно которому европейские граждане могут обращаться в Еврокомиссию с проектом предложений по правовым вопросам. Более того, регионалисты утверждают, что имеют свой взгляд на понятие национализма, который можно рассматривать как инструмент поиска народами своего места в Европе и утверждения солидарности. Для этого фракция предлагает дипломатические взаимодействия и программы кооперации¹⁰.

⁸ European Free Alliance Annual Report 2020. URL: <https://e-f-a.org/wp-content/uploads/2021/06/EFA-10059-annual-report-2020-160621-LR.pdf> (accessed: 28.12.2021).

⁹ Ibid.

¹⁰ European Free Alliance Annual Report 2020. URL: <https://e-f-a.org/wp-content/uploads/2021/06/EFA-10059-annual-report-2020-160621-LR.pdf> (accessed: 28.12.2021).

Практическая деятельность хорошо просматривается благодаря пресс-релизам фракции.

Так, наиболее важными событиями за последний год стали следующие:

- 1) реакция фракции на арест Карлеса Пучдемона (21 сентября 2021 г.), бывшего главы Каталонии, который был арестован за проведение референдума о независимости Каталонии. Этот арест фракция посчитала обрушением фундаментальных демократических прав. Сейчас в ЕС только фракция регионалистов ведет дискуссии о необходимости амнистии и возвращения изгнанников на родину, высказывает предложение возобновить переговоры между Мадридом и Барселоной¹¹;
- 2) фракция проводит регулярные заседания по проблеме самоопределения, формируя панъевропейскую солидарность по данной теме. В частности, в сентябре 2021 г. она провела конференцию в Бастии (Корсика), чтобы определить официальные позиции и план деятельности, а также приоритеты для будущей работы. На заседании было принято решение о том, что без регионального уровня власти невозможно решить ни один вопрос. В это же время фракция провела публичную конференцию о будущем Европы. В ней приняли участие видные регионалисты Европы, включая представителей Комитета регионов, которые подтвердили приверженность принципу самоопределения¹². Самоопределение для представителей фракции — это понятие широкого плана, от автономии до сепарации. Так, в 2020 г. она внесла свой вклад в конституцию Движения автономистов Италии (*Autonomie e Ambiente*), представляющих сеть из 10 политических партий и движений, работающих вместе для продвижения независимости автономии. Именно тогда во фракцию вошли два новых представителя: «Пакт об автономии Фриули-Венеции-Джулии» и «Комитет свободы Тосканы»¹³;
- 3) фракция вела и ведет активную исследовательскую деятельность с помощью Фонда имени Мауритса Коппетъерса¹⁴. Более того, ее экспертная деятельность востребована всеми, занимающимися вопросами продвижения европейской интеграции, как чиновниками ЕС, так и учеными. Тем более что исследования проводятся по проблеме соотношения права на самоопределение народов и демократизации, а также проблемы сопряжения групповых и индивидуальных прав. Надежный научный задел позволяет фракции проводить регулярные экспертные конферен-

¹¹ European Free Alliance. Press Release. URL: <https://e-f-a.org/2021/09/24/efa-press-release-arrest-of-carles-puigdemont/> <https://e-f-a.org/2021/09/24/efa-press-release-arrest-of-carles-puigdemont/> (accessed: 28.12.2021).

¹² European Free Alliance. Mission in Corsica. URL: <https://e-f-a.org/2021/09/27/efas-mission-in-corsica-pan-european-solidarity-on-self-determination/> (accessed: 28.12.2021).

¹³ European Free Alliance. Annual Report 2020. URL: <https://e-f-a.org/wp-content/uploads/2021/06/EFA-10059-annual-report-2020-160621-LR.pdf> (accessed: 28.12.2021).

¹⁴ European Free Alliance. Our History. URL: <https://e-f-a.org/our-history/> (accessed: 28.12.2021).

ции в том числе в рамках ЕП, на актуальные темы прав этнорегиональных сообществ и будущего ЕС. Данная деятельность превратила Фонд в think-tank по разработке идей для евроинтеграции с учетом этнорегионального фактора¹⁵.

Заключение

Таким образом, этнорегионалисты, судя по уже достаточно длительной деятельности в ЕП, вынуждены вступать в коалиции, чтобы иметь устойчивые позиции и продвигать свою повестку, ведь они представляют малые политические силы в своих государствах, которые в большей степени связаны с интересами конкретного региона, что также, как видно из истории формирования Европейского свободного альянса, создавало сложности в объединении абсолютно всех этнорегионалистов в единую фракцию. При этом самой успешной для них стала кооперация с «Зелеными», которую мы наблюдаем и в текущий парламентский период. Данный феномен был прояснен нами в первой (теоретической) части статьи, где было показано, что данная категория партий не едина, этнорегиональные силы демонстрируют разные политические предпочтения и имеют разные типы взаимодействия с центральной властью. По этой причине они вынуждены группироваться с другими игроками.

«Протестировав» взаимодействие с разными политическими группами, этнорегионалисты создали устойчивое и эффективное сотрудничество именно с «Зелеными». С 2004 г. мы фиксируем стабильный рост влияния общей фракции в ЕП. Как показал анализ, именно в рамках этой группы этнорегионалистам удалось, наконец, сформулировать общие идеологические установки (право народов на самоопределение, независимое представление своих интересов и самостоятельное участие в европейской интеграции). Данные позиции, хотя и облечены в позитивную повестку поддержки гражданского общества, защиты культурного и языкового разнообразия, прав меньшинств, кажутся довольно радикальными именно центральным правительствам тех стран, откуда происходят этнорегионалисты.

Фракция работает не только как европейская политическая партия, но и как зонтичная организация и форум для обмена мнениями и идеями. Она разрабатывает инструментарий и информационные ресурсы, способы влияния на продвижение идеи «Европы регионов» («Европы народов»). Ограниченные возможности работы с другими силами ЕП, а также пока слабые позиции Комитета регионов препятствуют преобразованию этой фракции в сильнейшую группу влияния. Однако вопрос влиятельности не столь однозначен. Сегодня сам процесс евроинтеграции завязан на субгосударственный уровень, а значит, Брюссель заинтересован в поддержке этого уровня и прямых контактах с ним. И даже в ситуации с К. Пуч-демоном заметны колебания еврочиновников. Это сигнал признания значимости этнических регионалистов. Теперь без их поддержки евроинтеграция обречена на пробуксовки. Таким образом, сейчас мы наблюдаем лишь первый раунд борьбы

¹⁵ Coppeters Foundation. <https://ideasforeurope.eu/> (accessed: 17.02.2022).

этнорегионалистов за утверждение идеологии «Европы народов» («Европы регионов»). А их основная задача состоит в удержании своих позиций в ЕП. Только таким образом возможно усилить процессы политической регионализации.

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 17.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 20.02.2022

Библиографический список

- Еремина Н. В., Худoley К. К.* Брекзит: новый «старый» выбор Великобритании // Современная Европа. 2017. № 3 (75). С. 28–36.
- Еремина Н. В.* Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 1. С. 87–105.
- Осколков П.* Этнорегионалистские партии ЕС: феномен «Европейского свободного альянса» // Современная Европа. 2021. № 1 (101). С. 141–142.
- Amaral J.* Civil Society in Peace Referendums: Inclusion and Campaign Mobilization in Northern Ireland and Cyprus // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2021. Vol. 27. Issue 3. P. 370–388.
- Asari E.-M., Halikiopoulou D., Mock S.* British National Identity and the Dilemmas of Multiculturalism // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. Vol. 14. Issue 1. P. 1–28.
- Elias A., Basile L., Franco-Guillén N., Szöcsik E.* The Framing Territorial Demands (FraTerr) dataset: A novel approach to conceptualizing and measuring regionalist actors' territorial strategies // *Regional and Federal Studies*. 2021. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1964481>
- Ferreira C.* Entrapped in a failing course of action: Explaining the territorial crisis in 2017 Catalonia // *Regional & Federal Studies*. 2021. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1907570>
- Giraudy F., Niedzwiecki S.* Multi-level governance and subnational research: Similarities, differences, and knowledge accumulation in the study of territorial politics // *Regional and Federal Studies*. 2021. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1941900>
- Graziano P. R., Vink M. P.* Europeanization: Concept, theory and methods // *The Member States of the European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 32–54.
- Guelke A.* Northern Ireland, Brexit, and the Interpretation of Self-Determination // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. Issue 4. P. 383–399.
- Keating M.* The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change. L.: Cheltenham, 1998.
- Keating M.* European Integration and the Nationalities Question // *Politics and Society*. 2004. Vol. 31. No. 1. P. 1–22.
- Ladrech R.* Europeanization and political parties // *Living Reviews in European Governance*. 2009. Vol. 4, no. 1. <http://www.europeangovernance-livingreviews.org/Articles/lreg-2009-1/>
- Lecours A.* The two Québec Independence Referendums: Political Strategies and International Relations // *Strategies of Secession and Counter-Secession* / R. Griffiths D., D. Muro (eds.). London: ECPR Press, 2020. P. 143–160.
- Lynch P.* Organizing of a Europe of the Regions: The European Free Alliance-DPPE and Political Representation in the European Union, 2007. <https://aei.pitt.edu/7954/1/lynch-p-11e.pdf>
- Mair P.* The limited impact of Europe on national party systems // *West European Politics*. 2000. Vol. 23. P. 21–57.

- Massetti E. The European Union and the challenge of ‘independence in Europe’: Straddling between (formal) neutrality and (actual) support for member-states’ territorial integrity // *Regional and Federal Studies*. 2021. P. 1–24. [https://doi.org/ 10.1080/13597566.2021.1967326](https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1967326)
- Platt L., Nandi A. Ethnic diversity in the UK: new opportunities and changing constraints // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 46. Issue 5. P. 839–856.
- Reilly B. Cross-Ethnic Voting: An Index of Centripetal Electoral Systems Government and Opposition // *International Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 56. Issue 3. P. 465–484. [https://doi.org/ https://doi.org/10.1017/gov.2019.36](https://doi.org/https://doi.org/10.1017/gov.2019.36)
- Shair-Rosenfield S. Shared rule as a signal of central state commitment to regional self-rule // *Regional and Federal Studies*. 2021. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1960512>
- Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology // *Central European Political Studies Review*. 2003. Vol. 5 (2–3). <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3940/5311>
- Valbruzzi M., Vignati R. Italian regions turn fifty. A new typology of regional party systems in Italy, 1970–2020 // *Contemporary Italian Politics*. 2021. Vol. 13, no. 4. P. 462–484. <https://doi.org/10.1080/23248823.2021.1983931>
- Winter de L. The Impact of European Integration on Ethnoregionalist Parties // *Working Papers*. Num. 195, Barcelona, 2001. P. 1–20.
- Winter de L. European Integration and Ethnoregionalist Parties // *Party Politics*. 2002. Vol. 8, no. 4. P. 483–485.

References

- Eremina, N. V., & Khudoley, K. K. (2017). Brexit: the new “old” choice of Great Britain. *Sovremennaja Evropa*, 3(75), 28–36. (In Russian).
- Eremina, N. V. (2017). Roots of Brexit: Conflict of Identities in the United Kingdom. *Contours of global transformation: politics, economy, legislation*, 10(1), 87–105. (In Russian).
- Oskolkov, P. (2021). Ethno-regionalist parties of the EU: the phenomenon of the “European Free Alliance”. *Sovremennaja Evropa*, 1(101), 141–142. (In Russian).
- Amaral, J. (2021). Civil Society in Peace Referendums: Inclusion and Campaign Mobilization in Northern Ireland and Cyprus. *Nationalism and Ethnic Politics*, 27(3), 370–388.
- Asari, E.-M., Halikiopoulou, D., & Mock, S. (2008). British National Identity and the Dilemmas of Multiculturalism. *Nationalism and Ethnic Politics*, 14(1), 1–28.
- Elias, A., Basile, L., Franco-Guillén, N., & Szöcsik, E. (2021) The Framing Territorial Demands (FraTerr) dataset: A novel approach to conceptualizing and measuring regionalist actors’ territorial strategies. *Regional and Federal Studies*, 1–16. [https://doi.org/ 10.1080/13597566.2021.1964481](https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1964481)
- Ferreira, C. (2021). Entrapped in a failing course of action: Explaining the territorial crisis in 2017 Catalonia. *Regional & Federal Studies*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1907570>
- Giraudy, F., & Niedzwiecki, S. (2021). Multi-level governance and subnational research: Similarities, differences, and knowledge accumulation in the study of territorial politics. *Regional and Federal Studies*, 1–19. [https://doi.org/ 10.1080/13597566.2021.1941900](https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1941900)
- Graziano, P. R. & Vink, M. P. (2013). Europeanization: Concept, theory and methods. In *The Member States of the European Union* (pp. 32–54). Oxford: Oxford University Press.
- Guelke, A. (2019). Northern Ireland, Brexit, and the Interpretation of Self-Determination. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(4), 383–399.
- Keating, M. (1998). *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. London: Cheltenham.

- Keating, M. (2004). European Integration and the Nationalities Question. *Politics and Society*, 31(1), 1–22.
- Ladrech, R. (2009). Europeanization and political parties. *Living Reviews in European Governance*, 4(1). <http://www.europeangovernance-livingreviews.org/Articles/lreg-2009-1/>
- Lecours, A. (2020). The two Québec Independence Referendums: Political Strategies and International Relations. In R. D. Griffiths, & D. Muro (Eds.), *Strategies of Secession and Counter-Secession* (pp. 143–160). London: ECPR Press.
- Lynch, P. (2007). *Organizing of a Europe of the Regions: The European Free Alliance-DPPE and Political Representation in the European Union*. <https://aei.pitt.edu/7954/1/lynch-p-11e.pdf>
- Mair, P. (2000). The limited impact of Europe on national party systems. *West European Politics*, 23, 21–57.
- Massetti, E. (2021). The European Union and the challenge of ‘independence in Europe’: Straddling between (formal) neutrality and (actual) support for member-states’ territorial integrity. *Regional and Federal Studies*, 1-24. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1967326>
- Platt, L., & Nandi, A. (2020). Ethnic diversity in the UK: new opportunities and changing constraints. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(5), 839–856.
- Reilly, B. (2021). Cross-Ethnic Voting: An Index of Centripetal Electoral Systems Government and Opposition. *International Journal of Comparative Politics*, 56(3), 465–484. <https://doi.org/10.1017/gov.2019.36>
- Shair-Rosenfield, S. (2021). Shared rule as a signal of central state commitment to regional self-rule. *Regional and Federal Studies*, 1-18. <https://doi.org/10.1080/13597566.2021.1960512>
- Strmiska, M. (2003). Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology. *Central European Political Studies Review*, 5(2–3). <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3940/5311>
- Valbruzzi, M., & Vignati, R. (2021). Italian regions turn fifty. A new typology of regional party systems in Italy, 1970–2020. *Contemporary Italian Politics*, 13(4), 462–484. <https://doi.org/10.1080/23248823.2021.1983931>
- Winter de, L. (2001). The Impact of European Integration on Ethnoregionalist Parties. *Working Papers*, 195, 1–20.
- Winter De, L. (2002). European Integration and Ethnoregionalist Parties. *Party Politics*, 8(4), 483–485.

Сведения об авторе:

Еремина Наталья Валерьевна — профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (e-mail: nerem78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1349-8659)

About the author:

Natalia V. Eremina — Professor of Department of International Relations, Saint-Petersburg State University (e-mail: nerem78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1349-8659)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-317-330

Research article / Научная статья

Coalition or Opposition? The Behaviour of Regionalist Parties in Multi-level Competition: The Cases of the Basque Country and Scotland

Yulia A. Belous¹ , Andrei S. Tarasov² ¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation² University of Trento, Trento, Italy ybelous@hse.ru

Abstract. This article compares the positioning behaviour of parties and reveals why one party joins a coalition, while others do not. The cases of two regionalist parties of the UK and Spain are depicted: the Scottish National Party (SNP) and Basque National Party (BNP). The study is a contribution to the problems of positioning behaviour of parties in decentralised systems with strong regionalist elements and incentives of regionalist parties (RPs) to enter a coalition with state-wide parties (SWPs). Based on process tracing and comparative analysis of the main regionalist parties, electoral data, public statements, and media statements we conclude that the ideological proximity on the economic dimension of the parties, and the territorial dimension are of key importance in evaluating the coalition potential between SWPs and the RPs. Moreover, competition at the regional level creates incentives for RPs to enter a coalition with SWPs and there is no evident support for the minority government to be disposed to enter a coalition rather than a majority government.

Keywords: Scotland, Basque Country, nationalism, regionalist parties, multi-level game

For citation: Belous, Yu. A., & Tarasov, A. S. (2022). Coalition or opposition? The behaviour of regionalist parties in multi-level competition: The cases of the Basque Country and Scotland. *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), 317–330. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-317-330>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number № 20-314-90001, «The Impact of the EU Regional Policy on Centrifugal Tendencies in the Political System of Spain». The authors express their gratitude to Emanuele Massetti for his valuable suggestions at the initial stage of the research.

© Belous Yu. A., Tarasov A. S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Коалиция или оппозиция? Поведение регионалистских партий в многоуровневой конкуренции на примере Страны Басков и Шотландии

Ю. А. Белоус ¹, А. С. Тарасов ²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

²Университет Тренто, Тренто, Италия

 ybelous@hse.ru

Аннотация. Цель исследования — сравнить поведение партий и выяснить, почему одни партии вступают в коалиции, а другие — нет. Определены особенности поведения двух регионалистских партий Соединенного Королевства и Испании: Шотландской национальной партии (ШНП) и Баскской национальной партии (БНП). Значимость исследования заключается в решении проблем позиционирования партий в децентрализованных системах с сильными регионалистскими элементами. На основе методологии «отслеживания процессов» («process tracing») и сравнительного анализа поведения основных региональных партий, электоральных данных, публичных заявлений, заявлений в СМИ авторы пришли к выводу, что идеологическая близость в экономическом измерении партий, территориальное измерение имеют ключевое значение для оценки коалиционного потенциала между центральными и регионалистскими партиями. Более того, выявлено, что уровень конкуренции на региональном уровне создает стимулы для регионалистских партий вступать в коалицию с центральными. Вместе с тем не выявляется очевидной поддержки того факта, что правительство меньшинства обладает большими возможностями по вступлению в коалицию по сравнению с правительством большинства.

Ключевые слова: Шотландия, Страна Басков, национализм, регионалистские партии, многоуровневая игра

Для цитирования: *Belous Yu. A., Tarasov A. S. Coalition or opposition? The behaviour of regionalist parties in multi-level competition: The cases of the Basque Country and Scotland // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 317–330. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-317-330>*

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-314-90001 «Региональная политика Европейского союза как фактор центробежных тенденций в Испании». Авторы выражают благодарность Эмануэлю Массетти за ценные предложения на начальном этапе исследования.

Introduction

Spain and the UK are decentralised political systems with strong regionalist elements. Bullmann [1996] notes that Spain can be classified as a regionalized unitary state and UK as a classic unitary state. However, since 1996, the domestic political situation in the UK has changed significantly. The UK can now be considered a regionalized unitary state.

In this research, we choose two regionalist parties (RPs) which possess power in their region. Regionalist parties can be conceptualized as a type of political party that exists only in a particular sub-territory of a state and set up protection of their region as their core political objective [Masseti, Schakel 2015]. In contrast, state-wide parties (SWPs) ‘compete in all districts in all elections and exercise a crucial linkage function between levels of government’ [Falco-Gimeo, Verge, 2013: 388].

The first RP is the Basque National Party (BNP) which can be considered as a leading regionalist party in the Basque Country. The second one is the leading regionalist party of Scotland — Scottish National Party (SNP). We are interested in reasoning of these parties to choose in favour of coalitions/coordination or against it. How do such parties make this choice?

In multi-level systems such as Spain and the UK, there are strong regional level or strong regionalist/subnational parties that are eager to enter a multi-level competition. Multi-level competition forms different combinations of relations among possible models, for example between SWPs and RPs. The different institutional settings of the countries let us consider the vertical form of a multi-level competition in the context of multi-level governance (MLG).

The factors affecting joining a coalition are ideological similarity and attitudes to territorial issues. In other words, the ideological (left-right) and territorial proximity dimensions are key criteria to create a coalition. The territorial dimension is the area of competition and bargaining between SWPs and RPs. The modality of the negotiation process depends on the degree of party radicalism in their political agenda.

Some authors claim that radical regionalist parties are less likely to get into coalition. Döring and Hellström [2013] pointed out that more radical parties are theoretically less likely to get into government. Parties positioned close to the mainstream party should be more likely to become government members by themselves or in a coalition.

This study compares the positioning behaviour of parties and reveals why one party joins the coalition, while others do not, according to the comparative analysis. The cases under investigation have been analysed using process tracing to demonstrate the evolution of the political landscape and party positioning within 6–7 years period. Process tracing allows tracking changes in regionalist and national-wide parties’ behaviour given the changes in circumstances.

The scientific contribution of this research is manifold. Firstly, the recent political changes have not been yet considered in the scholarship like the Scottish Parliamentary elections 2021 and the coalition agreement of Scottish Greens and the SNP.

Secondly, the comparison of Basque and Scottish RP’s behaviour is a relatively unused approach in the context of multi-level competition. Authors argue that the inclusion of foreign and security policy dimensions in the analysis should add a worthwhile research avenue because this dimension previously received little attention in the analysis of the relationships between RPs and SWPs.

Thirdly, the results of the analysis could be practically applied to other cases not only in the considered countries or in the EU, but to any systems with strong regionalist elements (India, Latin America).

Fourthly, the UK is a case in point in the context of MLG due to the strong vertical dimension and lack of institutionalised horizontal one. Traditionally, Spain is considered as an example of MLG [Leon, Jurado: 2020].

In this research, we use a wide range of sources: political programs of the main regionalist parties (the BNP in Spain and the SNP in Scotland), electoral data (based on *El País* in Spain and the *Herald* in Scotland), public statements, and media statements to trace the process of political changes and compare cases.

Analytical Background

The pivotal studies that provide some theoretical answers to conceptual clarifications of MLG are articles of Marks [1993] and Hooghe [1996]. They define the notion of MLG as a «system of continuous negotiations among nested governments at several territorial tiers — supranational, national, regional and local — as the result of a broad process of institutional creation and decisional reallocation that has pulled some previously centralized functions of the state up to supranational level and some down to local or regional level» [Marks 1993: 392].

Stephenson [2013: 821] points out that securing political representation and coordination for domestic structures includes «overcoming horizontal divisions and conflicts between/within regional politico-administrative bodies, and repairing distant and/or distrustful vertical relations between national and supranational levels». As an important prerequisite, the MLG system is more developed in Spain than in the UK.

At the same time, MLG in the UK is a special case. The regions in the UK do not interact with each other in the same way and regions there do not have institutions of devolution that could coordinate them together and make their «voice» common. Based on this, the development of MLG is beginning in the UK, but this MLG is not institutionalized. Despite Brexit, regions in the United Kingdom until recently were in full control of administering and implementing Cohesion Policy [Schakel 2020: 770]. Based on these considerations, the authors point out that their attention in the context of MLG is mainly on the vertical rather than horizontal interactions.

Decentralised systems complicate the strategic behaviour of political parties because they challenge these parties to coordinate party actions across levels of governance [Stefuriuc 2009]. The existence of a subnational (regional, secondary) level inevitably forces political parties to enter a multi-level game ‘where parties trade coalition support at one level, for benefits at another level’ [Tronconi 2015: 584]. The multi-level game makes possible different scenarios of cooperation or contestation between RPs and SWPs at both levels. Multi-level game is a part of a broader multi-level competition where at different levels political parties cooperate or contest strategically in order to get a political power.

Classical coalition theories consider the ideological proximity of the parties on the left-right dimension as the criteria to create a coalition. Filippova [2021] overviews these theories and concludes that the size of the coalition (fewer coalition members —

more incentives to enter) and ideological distance play a role in coalition formation possibilities.

However, the multi-level system adds one more dimension to party competition. RPs, by definition, represent the centre-periphery cleavage in decentralised countries [Alonso, 2012]. This is why the territorial dimension is the primary area of competition and bargaining between RPs and SWPs. Empirical analysis by Tronconi [2015] confirms that both policy dimensions matter: the less distance between RP and SWP on the centre-periphery and left-right axes, the more chances to make a coalition. Consequently, the reverse logic is valid as well: the more distance between the parties, the less likely the coalition agreement between them. One of the outcomes of this analysis is that RPs with radical separatist demands are unlikely to make a coalition deal with SWPs at a regional level.

The multi-level competition can end up with vertical congruence, meaning that 'sub-national government composition coincides with that of the national government' [Stefuriuc, 2009: 94]. Vertical congruence can be an optimal option for SWP because it seeks to facilitate intergovernmental relations in key policy areas, whereas RPs may seek congruence to guarantee the adequate representation of their region at the national level [Falco-Gimeno, Verge 2013].

The strategic potential of vertical congruence is conditioned by the institutional setting, type of party, and the respective bargaining weight at both levels of government [Stefuriuc, 2009]. Congruence plays a less important role in cases where the political strength of the RP is high. Grabevnik [2021] conceptualizes party strength in terms of electoral strength (share of votes in regional/national parliamentary elections) and institutional strength (share of seats in regional/national parliament and status in regional/national parliament).

The coalition potential depends on the type of government. If an RP enjoys the majority government at a regional level, it has less incentive to make a coalition agreement with SWPs. A minority government, on the contrary, increases the probability of coalition formation because the RP needs external support to realize its political agenda [Field 2016].

The blurring boundaries between domestic policies on the one hand and foreign and security policies on the other make the multi-level competition between SWPs and RPs even more contested. RPs give importance to the foreign and security policy in their electoral programs, including migration, trade, and military operations. The attention of RPs to foreign and security policy issues confirms the striving to be a mainstream party in their region. Mainstream parties are 'electorally dominant actors in the centre-left, centre, and centre-right blocs on the Left-Right political spectrum' [Field, Hamann 2015: 903]. This is a relative approach to the understanding of mainstream parties meaning that the dominant regionalist party could be a mainstream party at the regional level, however, at the national level, the party loses this status due to insufficient electoral power. Blarel and Willigen [2021] conclude that foreign policy is an area of bargaining between SWPs and RPs, which can be operationalized as *coordination* (policy convergence between SWPs and RPs on foreign policy matters), *compromise* (SWPs make concessions

to the regional level), *quid pro quo* (SWPs push for their foreign policy agenda but make concessions to the regional level in other policy areas), and *absent dialogue* (SWPs ignores the regional level preferences). The foreign policy area accounts for both the centre-periphery and left-right dimensions. For example, one of the areas of contestation is migration policy. SWPs and RPs can have different stances on how to accommodate migrants or which migration policy (inclusive or restrictive) they should conduct.

To sum up, the relations between SWPs and RPs may have a character of coordination or contestation in multi-level systems. The likelihood of an SWP and RP coalition is conditioned by the proximity of stances on both ideology and territorial dimensions, the relative strength of parties, vertical congruence, type of governments, and foreign and security policy preferences.

Scotland

The SNP is the leading RP in Scotland. It dominates the regionalist agenda in Scottish politics. Grabevnik [2021] considers the SNP as having high institutional and electoral strength at the regional level. Another RP in Scotland is the Scottish Greens, which do not share seats in the national parliament and have only 8 seats in Scottish Parliament after the 2021 elections.

The SNP is considered to be a secessionist party on the territorial domain and mainstream left on the economic scale [Masseti 2009]. The SNP led the race for Scottish independence in the 2014 referendum, ended up with the defeat of the pro-independence camp but with some concessions. A few days before the referendum date, UK party leaders D. Cameron (Conservative Party), E. Miliband (Labour Party), and N. Clegg (Liberal Democrats) made a ‘vow’ of a new devolution of powers for Scotland in the case of a No vote. The statement promised that ‘because of the continuation of the Barnett allocation for resources, and the powers of the Scottish Parliament to raise revenue, we can state categorically that the final say on how much is spent on the NHS (*National Health Service*) will be a matter for the Scottish Parliament’¹.

This ‘vow’ has been used by the SNP to foster negotiations on a new Scotland Bill with more enhanced devolved powers. The new fiscal framework devolved almost complete control over income tax and the £2.5 billion welfare budget. G. Osborne proclaimed that this deal fulfilled the referendum vow of the UK parties. N. Sturgeon noted that the more power Parliament has, the more it can deliver to the people of Scotland². At the end of March 2016, the Scotland Act was enacted, and D. Mundell called it the beginning of a ‘new exciting era in Scottish politics’³.

¹ Cameron, Clegg, Miliband: here’s the pledge of extra powers if you vote No. (2014, September 19). *The Herald Scotland*. <https://www.heraldsotland.com/news/13180135.cameron-clegg-miliband-pledge-extra-powers-vote-no/>

² Gardham, M., & Settle, M. (2016, February 24). Far-reaching powers for Holyrood in historic deal. *The Herald Scotland*, p. 1.

³ Bill means Holyrood is set for exciting new era. (2016, March 23). *The Herald Scotland*, 6.

The SNP stands in strong opposition to the Conservative Party. At the SNP party conference before the 2015 General Elections, N. Sturgeon alluded to the deal with Labour by sending a message of ‘solidarity and friendship’⁴. However, E. Miliband refused any agreement with the SNP because of their pro-independence stance⁵. The 2015 elections became a Tory victory, which allowed D. Cameron to plan a Brexit referendum.

The 2016 Scottish Parliament Elections took place two months after the adoption of the Scotland Bill and one month before the Brexit referendum. The SNP eased their pro-independence stance but promised that they would call another independence referendum in case of ‘significant and material change in the circumstances that prevailed in 2014’ that references the unsatisfactory Brexit referendum vote [Scottish National Party 2021: 23]. In comparison to the 2011 Scotland Elections, the SNP lost 6 seats and its absolute majority in the Scottish Parliament. However, N. Sturgeon was able to form a SNP minority government. Scottish Greens co-convenor P. Harvie ensured that his party would not block a bid for another independence referendum⁶.

Despite being on the same side in terms of Brexit, N. Sturgeon drastically refused to share a platform with D. Cameron and warned him not to campaign in Scotland to avoid harming the cause⁷. The results of the in/out referendum provoked a shock. N. Sturgeon proclaimed: ‘Scotland faces being taken out of the EU against our will. I regard that as democratically unacceptable’⁸. These outcomes were considered by the SNP as a ‘serious change in material circumstances’, and they renewed its bid for an independence referendum by framing it as an attempt to secure the place of Scotland in the EU.

The outcomes of Brexit led to the new General Elections in 2017. The Conservative Party remained the largest single party in Parliament but they lost the absolute majority and formed the Tory-led minority government with a confidence-and-supply agreement with the Democratic Unionist Party of Northern Ireland (DUP)⁹. The SNP campaigned for the second independence referendum to take place before the end of Brexit negotiations with the EU. However, the 2019 General Elections returned Tories with an absolute majority of 365 seats¹⁰.

⁴ Bussey, K. (2015, March 28). Sturgeon’s message of ‘friendship’. *The Courier*, (17).

⁵ Devlin, K., & Settle, M. (2015, March 17). Labour and SNP fall out over post-election pact. *The Herald Scotland*, 1–2.

⁶ Greens won’t block second indyref. (2016, May 7). *The Courier*, (4).

⁷ Devlin, K. (2016, February 22). Sturgeon: Brexit will almost certainly trigger referendum. *The Herald Scotland*, (6).

⁸ Devlin, K., & Gardham, M. (2016, June 25). Sturgeon puts nation on course for second independence referendum within two years. *The Herald Scotland*, (1).

⁹ Paun, A. (2017, June 26). Decoding the Conservative-DUP agreement. Institute for Government. Retrieved from <https://www.instituteforgovernment.org.uk/blog/decoding-conservative-dup-agreement>

¹⁰ House of Commons Library (2019). General Election 2019: Full Results and Analysis. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8749/CBP-8749.pdf>

Apart from Brexit, the SNP highly criticized the UK foreign and security policy. The SNP provided a furious criticism of the authorization of airstrikes on Syria by Tory's absolute majority in Parliament. N. Sturgeon said that she is 'deeply troubled by the decision of the UK government to take the country into conflict'¹¹. The SNP Manifesto for Scottish Parliament Elections in 2021 placed attention on migration policy. For instance, Manifesto 2021 states that 'We rely on migration to grow our population. ... No-one should be made destitute as a consequence of the Tory policy of No Recourse to Public Funds (NRPF) which stops people getting access to basic essential services' [Scottish National Party 2021: 73].

The results of the 2021 Scottish Parliament Elections confirmed the dominance of the SNP with 64 seats lacking only 1 seat to get an absolute majority. N. Sturgeon formed a third minority government¹².

To sum up, the Conservative Party maintained its majority at the national level, whereas the SNP secured its majority at the regional level. Both parties are in strong opposition to each other. Even in the case of such shared goals as keeping the UK in the EU, they found it necessary to conduct separate campaigns. The SNP champions the independence of Scotland, while the Tories strongly stand for the territorial integrity of the UK.

Basque Country

The BNP is the leading RP in the Basque Country. In the difficult political situation in Spain (political crisis of 2015–2016, referendum in Catalonia in 2017), the Basque Country has maintained greater stability due to the stable position of the BNP, which seems win every election [De la Granja, De Pablo Contreras, Pobes, Olábarri Gortázar, 2020, p. 305]. This party kept the power after May 2019 elections due to the pact with the Socialist Party of the Basque Country–Basque Country Left (PSE-EE) in the Basque Parliament and was the most voted party in the Basque Country in the general election held in 2019, after which it offered to guarantee the election of Sanchez.

According to Massetti [2009] the BNP can be considered as a mainstream right oriented party or a centre-right oriented party. The BNP is also a mainstream party at the regional level and the *Bildu* is their opponent party. After the last regional elections in 2020, the BNP formed a coalition with PSE-EE. The key reason was that there was a high share of votes for the *Bildu* in the regional elections of 2020. The BNP-PSE-EE coalition constituted the only possible strong alternative against *Bildu* and allows the BNP to maintain its ruling position. In this sense, the BNP and the *Bildu* both possess high electoral and institutional strength at the regional level (Tables 1, 2). In this research, we use a concept elaborated by Grabevnik [2021] that conceptualizes party strength in terms of electoral strength and institutional strength (Tables 1, 2).

¹¹ Gardham, M. (2015, December 4). SNP 'exploiting air strikes stance for independence'. The Herald Scotland (p. 1.).

¹² Aiton, A. S. A. (2021). Election 2021. Scottish Parliament Reports. Retrieved from <https://digitalpublications.parliament.scot/ResearchBriefings/Report/2021/5/11/591dc3c7-d994-4bbd-8120-767e9e781a67#Introduction>

Table 1

Electoral Party Strength of Basque Country Regionalist Parties. Regional Level

Party/Year	Votes (absolute)	Share of Votes, %	Votes / eligible voters, %	Level of Strength
BNP (2016)	398.168	37,6	8,34	High
Bildu (2016)	225.172	21,26	2,67	High
BNP (2020)	349.960	39,07	7,56	High
Bildu (2020)	249.580	27,86	3,84	High

Source: made by authors based on articles: M. Grabevnik [Grabevnik, 2021], P. Chiocchetti [Chiocchetti 2016], P. Ignazi [Ignazi 1996]. Resultados de las elecciones autonómicas // El País. Retrieved October 3, 2021, from <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/index.html>

Table 2

Institutional Party Strength of Basque Country Regionalist Parties. Regional Level

Party/Year	Seats (Absolute)	Share of seats, %	Seats / ruling party's seats, %	Position	Level of Strength
BNP (2016)	28	37,3	100	Ruling	High
Bildu (2016)	18	24	48,65	Opposition	High
BNP (2020)	31	41,3	100	Ruling	High
Bildu (2020)	21	28	51,22	Opposition	High

* BNP in coalition with PSE in 2016 and 2020

Source: made by authors based on articles M. Grabevnik [Grabevnik, 2021], Resultados de las elecciones autonómicas // El País. Retrieved October 3, 2021, from <https://resultados.elpais.com/elecciones/2020/autonomicas/14/index.html>

The role of regionalist parties can also be highlighted at the national level. The leader of the Spanish Socialist Workers' Party (PSOE) Pedro Sanchez narrowly won the vote to govern in coalition at the 2019 elections in Spain. There were 167 deputies voted in favor (including BNP), 165 against and there were 18 abstentions. It meant that Pedro Sanchez heads the first coalition government since the days of the Second Republic (1931–1939), i.e., for the first time in 80 years. The support of the BNP was of key importance there. In this sense, it could be pointed out that the BNP behaving in such a way helped Sanchez to be elected.

Regional parties also have their own position on foreign policy issues, for example, on migration policy. The BNP is in favour of pro-migration policies as do the socialists. In this case, the BNP has a relationship with socialist that can be characterized as *coordination in a multi-level system*. The electoral program of the BNP firstly adopted a European immigration and asylum policy as well as measures for an equitable distribution of unaccompanied migrant minors (MENA) (BNP Electoral

Program, 2019–2023). Secondly, the BNP guarantees the rights of migrants that coincide with the ideas of the PSOE. Their program outlines that it is crucial to address the demographic challenge with family policies, co-responsibility, legal immigration, and the activation of employment and entrepreneurship, particularly of women. Last but not least migration policy is perceived as becoming a fundamental element for demographic balance and, consequently, for the development and consolidation of the labour market and for economic growth.

There are two main factors contributing to the BNP strategic turn towards pragmatism [Mees 2015: 56]. The first factor is the strong hit to the economies of the autonomous community and the country as a whole, affected by the global financial and economic crisis. In this regard, the issue of unemployment and regional imbalances have been highlighted by the economic crisis. The second factor is the end of political violence and the self-dissolution of ETA (Euskadi Ta Askatasuna). Mees [2015] notes that parties representing left-wing nationalists were allowed to return to political activity (e.g., Sortu, Amaiur and Bildu).

This context has spurred the BNP to rethink its strategy and declare soft demands for more autonomy. In terms of Mees (2015), this phenomenon can be defined as a “*silent strategic rethinking*”, that is, a turn towards pragmatism while elaborating a political strategy.

To sum up, the PSOE maintained its power in a coalition at the national level (the minority government of the PSOE), mainly due to the fact that the BNP supports it. The BNP continues to be the leading party in the Basque Country and maintains, albeit in a coalition, a ruling position.

Discussion and Conclusion

The BNP and the SNP are cases that demonstrate two strategies: the BNP has a coalition with SWP at the regional level, whereas the SNP is not in a coalition at the regional level and in strong opposition at the national level to the leading SWP.

To identify why some parties join a coalition, we should firstly consider the ideological proximity on the economic dimension of the parties. SurrIDGE¹³ analysed the party positioning in the UK before the 2019 general elections and concluded that the distance between the SNP (left-wing) and the Tories (right-wing) was the widest among all the participating parties. Stefuriuc [2009] states that the BNP and the PSOE are mainstream parties close to the centre in spite of being on different sides. Importantly, the ideological distance between the Bildu and the BNP is wider than that between the BNP and the PSOE [Stefuriuc, 2009, p. 107].

Secondly, the territorial dimension plays a crucial role in evaluating the coalition potential between SWPs and the RPs. The BNP eased their territorial demands from separation to more autonomy. The PSOE showed its disposal to extend the rights of autonomies and consider the federal way of territorial organization. Sanchez

¹³ SurrIDGE, P. (2020, October 8). How the Conservatives won the red wall. UK in a Changing Europe. Retrieved from <https://ukandeu.ac.uk/how-the-conservatives-won-the-red-wall/>

confirmed that ‘the PSOE will work for federal Spain’¹⁴. On the contrary, the distance between the SNP and the Conservatives on the territorial domain is much greater. The renewed demands for independence put both parties on completely different ends of the spectrum. The territorial disparities between parties prevented the cooperation between pro-EU Conservatives and the SNP to share a platform on the Brexit referendum debates. Having the Tories as the government in Westminster allows the SNP to frame their political agenda as a contestation with the centre. The SNP tries to take advantage at the regional level by describing the UK policy as holistic against Scotland.

An example of this is the migration policy. The SNP associates the UK migration policy as led exclusively by Tories and contradictory to the interests of Scotland. The same tone can be found in relation to the UK foreign policy like Brexit or Syrian airstrikes. The SNP subsumes the international relations agenda in their core territorial claims and contestation with the central state. The BNP and the PSOE find themselves in coordination on the migration policy issue. Both parties consider an inclusive migration policy to maintain the demographic balance and economic development. The pro-migration policy stances of regionalist parties can be a feature of new nationalism and its shift from ethnic characteristics to civic [Jeram, 2014].

Thirdly, the level of competition on the regional level creates incentives for RPs to enter a coalition with SWPs. The BNP and the Bildu are strong RPs with institutional and electoral powers. These parties are far from each other on territorial and economic dimensions. The Basque Country regional level represents a segmented market of competition between two strong RPs to champion their region. Barrio and Rodriguez-Teruel [2017] consider it as an outbidding competition. In order to get a majority and maintain power, the BNP need to cooperate with the SWP to outbid their strong regionalist competitor the Bildu. The PSOE was the best choice because it is close in ideological terms and has state-wide power to potentially use vertical congruence. Vertical congruence is an institutionalized channel for the BNP to gain concessions for the regional level in exchange for their national-level support. The election of Sanchez demonstrates that not only did the BNP need the coalition with the PSOE to be in power in the Basque Parliament, but also the PSOE needs the BNP to ensure its governance in the Spanish Parliament.

The Scottish regional level is dominated by the SNP. It has both high institutional and electoral strength. It has been in power in Scotland since 2007. Once the SNP was able to form a majority government after the 2011 Scottish Parliamentary Elections. Scottish Greens are another RP in Scotland but the relative strength of this party is incomparable with the SNP. However, the SNP and the Scottish Greens shared a platform in the 2014 independence referendum campaign. The Scottish Greens are close to the SNP on the economic and territorial dimensions. Having a dominant position at the regional level, the SNP has little incentive to cooperate with the SWPs. However, the proximity on economic and territorial dimension as well as similarities on other criteria like migration policy does not exclude the coalition potential with

¹⁴ Ellakuria, I. (2014, July 20). Sánchez: “El PSOE trabajará por una España federal.” *La Vanguardia* (p. 21).

other regionalist parties. The example of coalition agreement between the SNP and Scottish Greens confirms that the vertical congruence for the SNP agenda has fewer advantages than the play on territorial contestation with the Tories. Anti-Tory rhetoric showed its efficiency to maintain the dominant position in the region.

Finally, the research did not find any support for the minority government more disposed to enter a coalition rather than a majority government. The SNP has been in a minority government since 2016 and their anti-centre and anti-Tory rhetoric has not changed much.

To sum up, the comparison of the SNP and the BNP behaviour in a multi-level competition allows us to test the hypothesis on incentives of RPs to enter the coalition with SWPs. Future research may include the Catalan RPs where both strong RPs decided to create a coalition and put aside the SWP, or the case of the support agreement between the Conservative party in the UK and the DUP.

Received / Поступила в редакцию: 28.12.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 24.02.2022

Accepted / Принята к публикации: 26.02.2022

References

- Alonso, S. (2012). *Challenging the state: Devolution and the battle for partisan credibility: A comparison of Belgium, Italy, Spain, and the United Kingdom*. Oxford University Press.
- Barrio, A., & Rodríguez-Teruel, J. (2017). Reducing the gap between leaders and voters? Elite polarization, outbidding competition, and the rise of secessionism in Catalonia. *Ethnic and Racial Studies*, 40(10), 1776–1794.
- Blarel, N., & Van Willigen, N. (2021). How do regional parties influence foreign policy? Insights from multilevel coalitional bargaining in India. *European Journal of International Relations*, 27(2), 478–500.
- Bullmann, U. (1996). The politics of the third level. *Regional & Federal Studies*, 6(2), 3–19. <https://doi.org/10.1080/13597560802351655>
- De la Granja, J., De Pablo Contreras, S., Pobes, C., & Olábarri Gortázar, I. (2020). *Breve historia de Euskadi. De los Fueros a nuestros días*. Barcelona: Grupo Penguin Random House. (In Spanish).
- Döring, H., & Hellström, J. (2013). Who gets into government? Coalition formation in European democracies. *West European Politics*, 36(4), 683–703. <https://doi.org/10.1080/01402382.2013.783347>
- Falcó-Gimeno, A., & Verge, T. (2013). Coalition trading in Spain: Explaining state-wide parties' government formation strategies at the regional level. *Regional & Federal Studies*, 23(4), 387–405.
- Field, B. N. (2016). *Why minority governments work: Multilevel territorial politics in Spain*. Springer.
- Field, B. N., & Hamann, K. (2015). Framing legislative bills in parliament: Regional-nationalist parties' strategies in Spain's multinational democracy. *Party Politics*, 21(6), 900–911.
- Filippova, E. Y. (2021). Factors of coalitional governments formation between regionalist and nationwide political parties in regions of Spain. *World Economy and International Relations*, 65(4), 71–79. (In Russian).

- Grabevnik, M. V. (2021). Party strength of regionalist parties of United Kingdom: Conceptualisation and measuring. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 463–478. (In Russian).
- Hooghe, L. (1996). *Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-level Governance*. Oxford University Press.
- Jeram, S. (2014). Sub-state nationalism and immigration in Spain: Diversity and identity in Catalonia and the Basque Country. *Ethnopolitics*, 13(3), 225–244.
- Leon, S., & Jurado, I. (2020). Multilevel Governance in Spain. In D. Muro, I. Lago. (Eds.), *The Oxford Handbook of Spanish Politics* (pp. 224–240). Oxford: Oxford University Press.
- Marks, G. (1993). Structural Policy and Multilevel Governance in EU. In A. Cafruny, G. Rosental (Eds.), *The State of the European Community: the Maastricht debate and beyond* (pp. 391–411). Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Massetti, E. (2009). Explaining regionalist party positioning in a multi-dimensional ideological space: A framework for analysis. *Regional and federal studies*, 19(4–5), 501–531. <https://doi.org/10.1080/13597560903310246>
- Massetti, E., & Schakel, A. H. (2015). From class to region: How regionalist parties link (and subsume) left-right into centre-periphery politics. *Party Politics*, 21(6), 866–886.
- Mees, L. (2015). Nationalist politics at the crossroads: The Basque nationalist party and the challenge of sovereignty (1998–2014). *Nationalism and Ethnic Politics*, 21(1), 44–62. <https://doi.org/10.1080/13537113.2015.1003487>
- Schakel, A. (2020). Multi-level governance in a ‘Europe with the regions’. *The British Journal of Politics and International Relations*, 22(4), 767–775.
- Scottish National Party. (2021). *Scotland’s Future. Scotland’s Choice. Manifesto 2021* [E-book]. https://issuu.com/hinksbrandwise/docs/04_15_snp_manifesto_2021___a4_document?-mode=window
- Ştefuriuc, I. (2009). Government formation in multi-level settings: Spanish regional coalitions and the quest for vertical congruence. *Party Politics*, 15(1), 93–115.
- Stephenson, P. (2013). Twenty years of multi-level governance: ‘Where does it come from? What is it? Where is it going?’ *Journal of European Public Policy*, 20(6), 817–837.
- Tronconi, F. (2015). Ethno-regionalist parties in regional government: Multilevel coalitional strategies in Italy and Spain. *Government and Opposition*, 50(4), 578–606.

About the authors:

Yulia A. Belous — Analyst at the Center for Comprehensive European and International Studies, PhD student, National Research University “Higher School of Economics” (e-mail: ybelous@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-0871-8223)

Andrei S. Tarasov — Research Assistant at the School of International Studies, PhD Candidate, School of International Studies, University of Trento, Italy (e-mail: andrei.tarasov@unitn.it) (ORCID: 0000-0002-0200-8909)

Сведения об авторах:

Белоус Юлия Александровна — аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: ybelous@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-0871-8223)

Тарасов Андрей Сергеевич — аспирант школы международных исследований, стажер-исследователь Университета Тренто (e-mail: andrei.tarasov@unitn.it) (ORCID: 0000-0002-0200-8909)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
